

**Московский
журнал
международного
права**

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском языке

Выходит один раз в три месяца
№ 4 (100) 2015 октябрь-декабрь

Содержание

Вопросы теории

- Шумилов В.М.* О «Глобальном праве» как формирующейся
правовой суперсистеме 4
Vladimir M. Shumilov “Global Law” as Legal Super-System
in Formation 16

Права человека

- Нефедов Б.И.* Самоисполнимые договоры и Международные пакты
о правах человека 18
Boris I. Nefedov Self-executing Treaties and International Covenants
on Human Rights 25

Международное гуманитарное право

- Кулебякин В.Н., Королькова Е.Е.* Статус сотрудников частных
военных и охранных компаний по международному
гуманитарному праву 27
Yvacheslav N. Kulebyakin, Elena E. Korolkova The Status
of PMSC’s Personnel Under International Humanitarian Law 40

Международное морское право

- Вылегжанин А.Н., Иванов Г.Г., Дудыкина И.П.* Полярный кодекс
(оценки и комментарии в зарубежных правовых источниках) 43
Alexander N. Vylegzhanin, Georgy G. Ivanov, Inna P. Dudikina The
Polar Code (Comments in Foreign Legal Sources) 58

Международное экологическое право

- Малеев Ю.Н.* Международное управление устойчивым развитием: пределы необходимого и возможного 61
Yury N. Maleev International Management of Sustainable Development: the Limits of the Necessary and the Possible 75

Право международной безопасности

- Кукушкина А.В.* Химическое и бактериологическое разоружение и международно-правовое регулирование экологической безопасности 80
Anna V. Kukushkina Chemical and Bacteriological Disarmament and International Legal Regulation of Environmental Security 88

Международное уголовное право

- Егоров С.А.* Приговор Нюрнбергского Трибунала и ответственность физических лиц за международные преступления 90
Sergei A. Egorov The Verdict of the Nuremberg Tribunal and Individual Responsibility for International Crimes 101

Международное экономическое право

- Воронцова Н.А.* Либерализация торговли в рамках Евразийского экономического союза (на примере Соглашения ЕАЭС-Вьетнам) 103
Natalia A. Vorontsova Trade Liberalization within the Eurasian Economic Union (the Case of the EAEU-Vietnam Agreement) 113

Международное трудовое право

- Ястребова А.Ю.* Международно-правовые основы регулирования статуса трудящихся-мигрантов на универсальном и региональном уровне 116
Alla Y. Yastrebova International Legal Backgrounds to Regulate the Status of Migrant Workers at Universal and Regional Level 125

Международное частное и гражданское право

- Падирыков А.В.* Особенности применения статьи 76 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. 127
Alexander V. Padiryakov Some Features of Article 76 Implementation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Vienna, 1980 137

Голоса молодых

<i>Горловская Т.А.</i> Заемный труд в России: прошлое, настоящее и будущее	139
<i>Tatiana A. Gorlovskaya</i> Temporary the Agency Work in Russia: the Past, the Present, and the Future	149
<i>Путин И.И.</i> О понятии экономического регионализма в международном праве	151
<i>Ilya I. Putilin</i> On the Notion of Economic Regionalism in International Law	155

Книжная полка

<i>Соколова Н.А.</i> Борьба с незаконным рыболовством: поиск эффективных форм международного сотрудничества. Рецензия на монографию Д.К. Бекашева, К.А. Бекашева «Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством». (Москва, Издательство «Перспектив», 2016. – 480 с.)	158
<i>Natalia A. Sokolova</i> Combating Illegal Fishing: the Search for Effective Forms of International Cooperation. Review of the Book «The International Legal Issues of Combating Illegal Fishing» by D.K. Bekyashev and K.A. Bekyashev (Moscow. Prospect, 2016. – 480 p.)	165
<i>Бекашев Д.К.</i> Ценный вклад в теоретические аспекты института ответственности международных организаций. Рецензия на монографию А.С. Гуласаряна «Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций» (М.: Статут, 2015. – 224 с.)	166
<i>Damir K. Bekyashev</i> A Valuable Contribution to the Theoretical Aspects of the Institute of International Organizations' Responsibility. Review of the Book "International Legal Norms on Implementation of International Organizations' Responsibility" by A.S. Gulasaryan (Moscow. Statute, 2015. – 224 p.)	171

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

О «Глобальном праве» как формирующейся правовой суперсистеме

Шумилов В.М.*

В статье изложена оригинальная авторская концепция Глобального права и Глобальной нормативной системы, учитывающая в комплексе целый ряд правовых явлений в условиях глобализации. Глобальное право предстает как неразрывное двуединство международного права и национальных правовых систем, в которое вплетены правовые блоки, называемые наднациональным правом и транснациональным правом – вместе они составляют Глобальную правовую систему. В нее же входят и механизмы правового регулирования, и правосознание всех уровней, функционирующие правовые режимы и т.п. Глобальная правовая система – иерархична, определенным образом структурно организована, хотя и находится в начальной стадии формирования. Государства западного цивилизационного типа осознанно управляют эволюцией Глобальной правовой системы исключительно в своих интересах, имея в виду господство западной (англосаксонской) цивилизации в глобализированном мироустройстве XXI века. Глобальная правовая система – часть более широкой Глобальной нормативной системы.

Ключевые слова: право и глобализация; Глобальное право; Глобальная правовая система; Глобальная нормативная система; международное право; внутреннее право; правовые семьи; наднациональное право;

---

* Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли МЭР РФ. 117285, Москва, ул. Пудовкина, 4а.

транснациональное право; мягкое право; государства западного цивилизационного типа.

В эпоху глобализации, о которой представителями различных отраслей общественных наук написано уже множество фундаментальных трудов¹, закономерно ставить вопрос: как национальные правовые системы и международное право «отзываются» на процессы глобализации? Что происходит в новых исторических условиях с правовой надстройкой? Логично предположить, что формирующаяся «глобальная социальная система» должна иметь некую, системно организованную, правовую надстройку, обеспечивающую соответствующий правопорядок.

Понимается, что глобализация – объективный общественно-исторический процесс, однако процесс с определенных пор – осознанно управляемый в своих стратегических интересах группой развитых государств, условно называемых Западом². Право – и национальное, и международное – целенаправленно используется государствами западного цивилизационного типа в качестве одного из важнейших инструментов утверждения желательных правопорядков, проведения внутренней и внешней политики. Субъективное, волевое воздействие на международную систему накладывается на объективные тенденции ее развития.

Теоретическое осмысление взаимосвязей между глобализацией и правом в отдельных – прикладных – аспектах началось в зарубежной политологии и государствоведении несколько десятилетий назад. Наиболее известные аспекты таких работ заключались в идеях «мирового правительства», «глобального государства», «соединенных штатов Земли», «всемирной федерации». Философскими корнями эти идеи уходят к трудам Канта и некоторых других ученых Европы и США. Советская наука справедливо отвергала подобные идеи, поскольку они недвусмысленно направляли общественное сознание на подчинение народов и суверенных государств экспансионистским устремлениям Запада. «Мировое правительство» и «мировое право» подспудно или открыто мыслились как «правительство» и «право» Запада, управляющего прочими – «освоенными» – цивилизационными пространствами Земли в своих интересах, в интересах правящей элиты, обслуживающей имперские притязания финансово-промышленной олигархии избранных «супер-государств». В то же время, отрицая подобные субъективные идеи будущего мироустройства, нельзя отрицать реально происходящие в условиях глобализации процессы эволюции правовой надстройки; нельзя отдавать управление этими процессами исключительно в руки государств западного цивилизационного типа (а сегодня, по сути, в руки только США).

Российская – постсоветская – правовая наука откликнулась на тему «глобализация и право» первыми доктринальными построениями, учитывающими современные реалии, в начале XXI века³. Сегодня российская «правовая глобалистика» имеет в своем багаже солидные труды⁴. Они охватывают важнейшие стороны, тенденции происходящей эволюции сообщества государств и народов, изменения в международной системе и, в частности, в её правовой составляющей. Тема рассматривается и на макроуровне – в системно-концептуальном ключе, и по отдельным вопросам. Выявились дополнительные аспекты данной проблематики, различие в подходах и понимании отдельных процессов, терминологические разночтения и пробелы.

Следует видеть, что международная система состоит из множества подсистем, и в каждой из них «глобализация» происходит отличающимися методами, с разной скоростью и охватом отношений. Наиболее очевидно и далеко в этом смысле продвинулась «международная экономическая система» (и, в свою очередь, её подсистемы – «международная торговая система», «международная финансовая система», «международная инвестиционная система»). Глобализация идет двумя путями: прямой путь – универсализация международно-правовых режимов и создание глобальных структур управления отношениями в международной системе (МВФ, ВТО и др.); непрямой путь – дифференциация, регионализация международно-правовых режимов, создание структур континентального, межрегионального, цивилизационного происхождения. Региональная экономическая интеграция – это, можно сказать, другая сторона глобализации: в рамках интеграции государства-участники ускоренно и скоординированно создают правовые режимы в своих интересах, как правило на собственной цивилизационной почве. На следующем этапе глобализация принимает (или примет в будущем) форму взаимодействия различных интеграционных объединений между собой.

В национальных правовых системах государств Запада тем временем имеет место сближение англосаксонской и романо-германской правовых семей; в остальных национальных правовых системах – рецепция норм западных правовых семей. В целом налицо активный процесс унификации (гармонизации) всех внутренних правовых систем, в том числе, и со всё большей интенсивностью, через каналы универсальной и общей частей международного права, через глобальные структуры управления отношениями в международном сообществе, через правовые режимы в рамках интеграционных объединений.

Содержание авторской концепции Глобального права. Что же понимать под «Глобальным правом»? Очевидно, что это не «мировое право», несущее волю «мирового государства» или любую надгосударственную, внешнегосударственную волю. Очертания самого понятия следует искать в укреплении взаимосвязей между национальными системами права (далее используется обобщающий термин «внутреннее право») и международным правом. Укрепление взаимосвязей происходит по двум направлениям: с одной стороны, государства передают всё новые и новые вопросы из-под внутренней юрисдикции под международно-правовое регулирование; с другой стороны, нормы международного права широким фронтом инкорпорируются во внутреннее право. В ряде государств включение норм международного права произведено прямо и непосредственно конституцией (в том числе в России). Обе эти линии хорошо иллюстрируются на примере права ВТО: с одной стороны, государства-члены ВТО передали в сферу регулирования ВТО, например, вопросы применения тарифных и нетарифных мер в международной торговле; с другой стороны, произвели рецепцию норм права ВТО, скорректировали внутреннее право, приведя его в соответствие с требованиями ВТО⁵. Право ВТО сыграло роль глобального механизма унификации национальных систем права – применительно к международной торговле; внутреннее право приведено к определенному единообразию. Современный юрист, работающий в этой сфере, должен в равной мере руководствоваться как нормами соглашений ВТО, так и нормами национального законодательства – в их неразрывном единстве (скажем, в вопросах антидемпинговой практики). Отделить международно-правовые нормы и соответствующие нормы внутреннего права в процессе правоприменения, правового регулирования конкретных отношений – невозможно. Примеров такого переплетения, сращивания норм международного и внутреннего права – хоть отбавляй. И это сегодня симбиоз не отдельных, не выборочно взятых норм, а обеих систем права в целом: международное право и внутреннее право становятся неразрывным двуединством. Неразрывное двуединство международного и внутреннего права – пусть не всеохватное, не для всех пока заметное, – и представляет собой в XXI веке явление, которое условно можно назвать Глобальным правом. При этом за нормами международного права, как правило, признается преимущественная сила по отношению к нормам внутреннего права. Такой примат/приоритет норм международного права зачастую закреплен как международными договорами, так и внутренним законодательством.

Противоречит картине только практика США по экстратерриториальному применению внутреннего права и суда; они предпочитают

односторонне регулировать отношения, которые объективно интернационализированы и требуют международно-правового регулирования, двустороннего либо многостороннего. США сегодня – главный носитель международно-правового нигилизма; международное право используется ими цинично, выборочно, в собственной интерпретации и только когда выгодно – как средство империалистической внешней политики и закрепления монополярного правопорядка. Более того, международное право сознательно используется Соединенными Штатами для своеобразной правовой экспансии: нормы своего внутреннего законодательства (и не только собственно нормы, а и правовые подходы, правовой менталитет, принципы правосознания) США продвигают в международные договоры, которые в свою очередь требуют соответствующих изменений во внутреннем праве государств-партнеров. Посредством договоров происходит «передача» (а зачастую «навязывание») правового менталитета со стороны англосаксонской цивилизации всем прочим государствам. Экстратерриториальное применение внутреннего права США – та же правовая экспансия, только в более грубой форме, попирающей принцип равноправия государств.

Картина Глобального права будет неполной без включения в нее еще двух явлений, условно называемых «наднациональным» (или «надгосударственным») правом и «транснациональным правом».

Наднациональное право. Явление наднациональности возникает, когда в предписании заложена и/или проявляется некая воля, стоящая выше воли суверенного государства⁶. Как правило, речь идет о воле некоторых международных организаций либо их органов, обладающих необходимыми полномочиями в рамках своей правосубъектности (МВФ, СБ ООН и др.). Так, некоторые органы МВФ вправе в ряде предусмотренных ситуаций принимать решения, обязательные для государства-члена, даже если это государство голосовало против решения или не согласно с ним. Предполагается, что, вступая в МВФ, государство осознанно допускало такую ситуацию подчинения воле организации (ее органов). Признаки наднациональности присутствуют и в органах региональных интеграционных объединений (в ЕС, ЕАЭС и др.). «Наднациональный» характер правопорядка ЕС усматривается, например, в праве его органов издавать обязательные для государств-членов и их граждан властные акты прямого применения, обладающие приоритетом перед внутригосударственным правом, принимать решения (по ряду вопросов) большинством голосов, а не консенсусом. При этом функционеры органов ЕС выступают в личном качестве, а не находятся на службе у какого-либо государства.

Таким образом, *наднациональное право* – это право *вторичное*, рожденное на основе международных договоров (уставов международных организаций). Однако оно столь примечательно и значимо, что меняет качество самого международного права. Наднациональное право можно рассматривать как систему соответствующих норм, как нормативный блок, а можно рассматривать как *метод* нормативного регулирования. Чтобы совместно обеспечить единообразное регулирование определенной области жизни, иногда лучше выбрать не «просто» международно-правовое регулирование, а именно метод/способ «наднационального» регулирования, независимого в известных пределах от первоначальной воли государств. Не все международные организации наделены правом принимать решения наднационального характера; таких организаций не так уж много, но их существование (и рост их числа) – свидетельство важных процессов в международно-правовом и институциональном обеспечении миропорядка, каким бы сложным он ни был. Можно отметить, что наднациональность также осознанно и целенаправленно используется Западом как метод нормативного регулирования/управления в случаях, когда это выгодно.

Определенной наднациональностью – автономностью существования, независимого от воли отдельного государства, – обладают, как представляется, и некоторые конструкции, нормативные блоки, категории, международно-правовые режимы, сложившиеся в международной жизни. Похоже, что к таким явлениям можно отнести, например, блок норм *jus cogens* (имеющих характер обязательств *erga omnes*), международно-правовой режим «общего наследия человечества», конструкцию «специальных прав заимствования» в праве МВФ, идеи мировой валюты. Всё это – дополнительные ростки Глобального права, поскольку они продолжают укрепление двуединства международного права и внутреннего права. Наверное, более-менее оформившимся Глобальное право можно будет считать только тогда, когда международное сообщество государств (и/или народов) будет юридически признано самостоятельным субъектом права, носителем общей воли землян и общего правосознания. В таких условиях и МП, и системы внутригосударственного права становятся многоуровневыми «правовыми отраслями» и «институтами» в системе Глобального права. В качестве объекта регулирования предстаёт вся социальная система общечеловеческой цивилизации – всех цивилизационных пространств.

Наднациональное регулирование привносит в международное право элементы субординационного характера, что увеличивает эффективность международного права. Вопрос только: кто сегодня извлекает из этого

наибольшую пользу; чьи интересы в наибольшей степени обеспечиваются таким методом регулирования, а чьи – могут быть ущемлены?

Возможно, структура Глобального права будет напоминать структуру права ЕС. Правопорядок ЕС строится на основе нескольких нормативных блоков: международного права, национального права государств-членов и норм, содержащихся в актах органов ЕС и носящих наднациональный/надгосударственный характер. Право ЕС – это в некотором смысле региональный срез (образец, проформа) будущего Глобального права.

Транснациональное право. Необходимо обратить внимание на ещё одно правовое явление, непосредственно связанное с темой Глобального права, – на так называемое «транснациональное право». В российских и зарубежных научных источниках излагаются различные концепции транснационального права⁷ и даже вовсе отрицается его существование⁸. Многое зависит от того, что понимать под транснациональным правом, как смотреть на него.

Широко известны, например, кодификационные акты Международной торговой палаты: по толкованию торговых терминов («Инкотермс»); по правилам отдельных банковских операций и межбанковских отношений международного характера. Акты содержат формулировки обычаев и правил, выработанных самими участниками отношений – хозяйствующими субъектами разных стран. Экспортеры, импортеры, банки включают указанные нормы (или ссылки на них) в контракты, в межбанковские договоры. Получается, что хозяйствующие субъекты многих стран совершают определенные действия, строят отношения между собой по неким правилам, источником которых являются сами хозяйствующие субъекты.

Эти правила, вроде бы, с одной стороны, не являются ни частью международного права, ни частью внутреннего права государств, хотя в случаях нарушения контрактов или межбанковских договоров возможны обращения к арбитражным процедурам или к государственным судам. Похоже, что правила и возникли-то в отношениях, которые не регулируются ни внутренним, ни международным правом (т.е. там, где есть правовые пробелы), либо регулируются в обеих системах по общедозволительному способу – исходя из принципа «разрешено все, кроме прямо запрещенного». Чтобы придать взаимным отношениям нужную степень упорядоченности, частные лица разных стран восполнили пробелы и сферу «всеобщего дозволения» собственными конкретными правилами. А с другой стороны, эти правила как бы санкционированы (разрешены и защищаются) внутренним и/или международным правом и в этом качестве могут – в каких-то случаях – являться частью либо внутреннего,

либо международного права. Зачастую нормы, содержащиеся в кодификационных актах Международной торговой палаты, инкорпорируются в той или иной форме во внутреннее законодательство государств. Как бы то ни было, в подобных нормах заложена скоординированная воля частных лиц из разных стран, и этим они отличаются и от норм внутреннего права, и от норм международного права.

Данный нормативный блок и предлагается называть *транснациональным правом*. Суть его в том, что частные лица (главным образом, многонациональные предприятия, банки, биржи) разных стран создают на двустороннем и многостороннем уровнях свои собственные нормы взаимоотношений, свой – автономный – правопорядок. Этот нормативный блок находится как бы «между» внутренним правом и международным правом, воздействуя на них и получая от них определенные импульсы, дополнительно связывая две системы. Блок транснациональных норм в сфере международной торговли обозначают термином *lex mercatoria*. Аналогичный блок в сфере финансовой можно было бы, по аналогии, назвать *lex finanziaria*, а в сфере инвестиционной – *lex investitionis*. Это всё – «институты» транснационального права. Таких блоков много и в других сферах международного общения хозяйствующих субъектов, их ассоциаций. С помощью норм транснационального права – в какой-то степени – регулируются отдельные отношения на глобальных и региональных рынках товаров и услуг: нефтяного, газового, алмазов, авиауслуг и др. А как рассматривать правила, которыми руководствуется Лондонский клуб кредиторов или международное сообщество частных банков в рамках созданной ими системы межбанковских финансовых телекоммуникаций – СВИФТ? Европейские транснациональные банки договорились между собой о правилах борьбы с отмыванием «грязных денег» (эта же проблема параллельно решается и в рамках внутреннего права, и в рамках международного права). Транснациональные биржи договариваются о порядке работы с ценными бумагами на национальных рынках различных стран.

В международной инвестиционной системе «диагональные отношения» (отношения между иностранным инвестором и государством пребывания) – это предмет, находящийся в юрисдикции внутреннего права государства пребывания. Инвесторы (хозяйствующие субъекты) заключают с государствами не только договоры о разделе продукции, но и договоры о предоставлении синдицированных кредитов, договоры о погашении долгов, договоры о покупке акций национальных предприятий, договоры об исключительных правах (как, например, договор ТНК «Де Бирс» с Ботсваной, по которому компания получила право приобретать алмазы,

добытые в Ботсване). Можно предположить, что за пределами внутригосударственного правового регулирования какие-то вопросы диагональных отношений – предмет *транснационального права*, однако данное предположение требует специального исследования.

С некоторыми нормативными режимами на основе норм транснационального права государства ведут борьбу или сужают сферу свободы действий, сферу дозволенных для частных лиц в их взаимоотношениях международного характера. Речь идет, например, об «оффшорной деятельности» хозяйствующих субъектов или о проблеме «трансфертных цен».

Транснациональное право также можно рассматривать двояко: с одной стороны, как нормативный блок; с другой стороны – как *метод нормативного регулирования*. Западные государства манипулируют *методами* регулирования, выбирая для каждого случая наиболее оптимальный для обеспечения своих интересов. Так, например, чтобы обеспечить господство американских компаний на глобальном рынке авиауслуг, США приступили в свое время к «дерегулированию» этого рынка: уменьшили государственное участие и регулирование, заставили другие государства (где существуют авиакомпании-конкуренты) провести аналогичные меры, а соответствующие сферы отношений рынка авиауслуг были «переданы» под регулирование посредством норм, которые авиакомпании мира выработают между собой сами. Понятно, кто будет диктовать правила и условия на рынке в таких условиях.

Круг вопросов, подлежащих регулированию в рамках транснационального права, не ограничивается экономической проблематикой и частноправовой сферой. Дело в том, что внутри многих развитых государств идут процессы перераспределения внутренней компетенции: центральная власть передает значительную часть компетенции «вниз» – на уровень отдельных административных единиц (областей), субъектов федераций; ниже – органам местного самоуправления⁹. Среди прочего, передается и право осуществлять отношения международного характера в оговоренных вопросах. Административные единицы, субъекты федераций, муниципальные власти разных государств усиливают взаимодействие между собой, заключают на своем уровне соответствующие договоры в рамках предоставленной свободы действий. По всей видимости, какие-то нормы, которые будут создаваться участниками таких отношений для обеспечения взаимодействия, можно считать нормами *транснационального права*, и его субъектами в данном случае будут являться не частные лица, а публичные лица – органы административных единиц (областей), субъектов федераций, муниципальных образований.

Глобальная *правовая* система и Глобальная *нормативная* система. Сферу всех правовых средств и методов воздействия на реальность в целях регулирования общественных отношений внутри государств и за пределами их территорий можно назвать Глобальной *правовой* системой. Глобальная правовая система еще только формируется, имеет нечеткие очертания (и даже не всем заметна). Она обеспечивает (должна обеспечивать, будет обеспечивать) упорядоченность отношений и системное функционирование всех государств и обществ мира, всего миропорядка.

Система состоит из ряда компонентов: предметно-объектного, институционально-субъектного, регулятивного, функционального, идеологического. Регулятивным компонентом Глобальной правовой системы выступает Глобальное право, под которым понимается качественное единство двух систем – внутреннего права и международного права. Важными частями Глобальной правовой системы являются также национальное и транснациональное право. Частями Глобальной правовой системы (в том или ином разрезе) предстают и *международно-правовая система*, и правовые семьи – во всём их эволюционном развитии. В нее же входят и механизмы правового регулирования, и правосознание всех уровней, функционирующие правовые режимы и т.п. Глобальная правовая система – иерархична, определенным образом структурно организована.

Понятие Глобальной *нормативной* системы – шире. Она включает в себя также и некоторые «неправовые» блоки, задействованные в регулирование отношений в международной системе, в том числе нормы международной морали, нормы мягкого права. Мягкое право – это неправовые нормы, но они имеют огромное значение, так как зачастую служат предвестниками и проводниками соответствующих – в последующем – норм «жесткого» права, создают необходимое (полезное для применяющих такой метод регулирования государств) нормативное поле.

Выводы

1. Итак, глобализация охватила не только все сферы реальных отношений между государствами и внутри них, но и правовую надстройку над этими отношениями, – имеет место, таким образом, и глобализация права. Изучение данного явления осуществляется сравнительно молодым институтом правовой науки – правовой глобалистикой.

2. В условиях глобализации по различным каналам и разными путями усиливаются взаимосвязи между национальными системами права (внутренним правом) и международным правом. Укрепляющееся

двуединство двух правовых систем и есть зачатки Глобального права. Оно еще только формируется и приобретает более-менее зримые очертания (хотя ряд ученых и отрицает само явление). В рамки Глобального права вплетены нормативные блоки, называемые наднациональным правом и *трансциональным* правом. Вместе они образуют Глобальную правовую систему. Она – иерархична, имеет (или постепенно приобретает) определенную структурную организацию. В неё входят, среди прочего, также: механизмы правового регулирования, правосознание, правовые режимы, различные подсистемы и т.п.

3. Процессы глобализации вообще и глобализации права в частности осознанно направляются в нужное русло государствами западного цивилизационного типа – англосаксонскими и европейскими – под руководством США, которые открыто претендуют на исключительность и гегемонию, стремятся выстроить монополярный мир на основе навязанных ценностей. Избран ускоренный путь «прямой глобализации»: создание в различных секторах межгосударственных отношений универсальных международных организаций, которые ставятся под контроль США (Запада); инициирование в нужных областях универсальных договоров на прозападных принципах и ценностях; заключение «групповых» договоров западными государствами и последующее «проталкивание» таких договоров в международное сообщество; выборочное применение норм и принципов международного права, их одностороннее толкование, принятие односторонних решений вместо коллективного международно-правового регулирования; навязывание западного (американского) правового менталитета всем прочим государствам; использование различных комбинаций в применении *методов* правового регулирования – международно-правового, национально-правового, наднационального, трансационального. Управление глобализацией обеспечивается Западом военно-политической, экономической силой, идеологизированной пропагандой и другими средствами, вплоть до «размывания нормативности», по словам Председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина¹⁰.

4. Россия – это развитое государство незападного цивилизационного типа. Наша страна не является частью Запада (и частью Европейской цивилизации), как бы ни утверждали обратное некоторые представители российской правящей, предпринимательской, культурной и научной элиты, оторванной от русских корней, русской истории, компрадорской, англоманской, прозападной; Россия – евразийское государство-цивилизация со своей иерархией ценностей, не совпадающей с иерархией ценностей западных государств. Российский народ не может согласиться на роль сырьевой окраины западного мира и руководствоваться навязанными

правилами жизни. Разворот России на Восток – естественная реакция самосохранения Русского мира на собственной цивилизационной основе. И следовательно, наше государство не может устраивать западный сценарий глобализации и избранные пути её управляемого развития. При этом Россия, как уже не раз официально заявлялось, готова на всестороннее сотрудничество с Западом, но на равноправной основе. Однако именно в равноправии России и отказывают.

5. В современной международной системе, благодаря России и дружественным ей государствам, тенденция на сохранение монополярного мироустройства под главенством США уступает тенденции на многополярный мир. В её рамках разворачивается опосредованный, непрямой сценарий глобализации – через создание региональных интеграционных объединений и межрегиональных организаций (параорганизаций), заключение незападными государствами групповых договоров, основанных на истинном равноправии. В результате в рамках будущего глобального правопорядка складывается многоцветье международно-правовых режимов, привязанных к цивилизационным особенностям народов и континентов. Интеграционные объединения на континентах служат средством накопления экономической силы, инструментами сохранения цивилизационных ценностей культурологически близких друг другу государств. Для России таким объединением стал Евразийский экономический союз. На эту же задачу работают ШОС, БРИКС и другие организации (параорганизации), созданные с участием России в последние годы. Задача России – целенаправленно ускорять именно этот сценарий глобализации, глобализации через дифференциацию и регионализацию международно-правовых режимов. Укрепив западные интеграционные объединения и альянсы, можно будет на равных противостоять западным; взаимодействуя между собой, западный и западные блоки-цивилизационные пространства вынуждены будут, двигаясь по пути глобализации, наводить мосты с более справедливым балансом интересов, прав и обязанностей, выгод и рисков. Можно констатировать: Запад строит Глобальное право с акцентом на универсализацию международного права; западным цивилизациям необходимо строить Глобальное право с акцентом на дифференциацию, регионализацию международного права. России следует учиться у Запада целенаправленному использованию права и методов правового регулирования в качестве средств внешней политики.

“Global Law” as Legal Super-System in Formation (Summary)

Vladimir M. Shumilov*

The article contains the original author’s conception of Global Law and Global Normative System which takes into account in complex the whole line of juridical phenomena under conditions of Globalization. The Global Law appears as indissoluble unity of international law and national law systems in which aroused law blocs named supranational law and transnational law – all of them it’s Global Law System. It includes also the mechanisms of law regulations, law-consciousness on every level, functioning law regimes and so on. Global Law System is hierarchical, structurally organized in definite mode, although it is under initial stage of forming. The States of west civilization type govern deliberately by the evolution of Global Law System in its interests exclusively, intending the supremacy of west (Anglo-Saxon) civilization in globalized World Order of XXI siècle. Global Law System is part of vaster Global Normative System.

Keywords: law and globalization; Global Law; Global Legal System; Global Normative System; international law; internal law; law families; supranational law; transnational law; soft law; states of the Western civilization type.

¹ Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. – М.: Новый век, 2002, 416 с.; Актуальные проблемы глобального управления: «Группа восьми» и международные многосторонние институты. Аналитический сборник. / Под редакцией М.В. Ларионовой. – М.: Университетская книга, Логос, 2007, 384 с.; Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: Инфра-М, 2003, 768 с.; Долгов С.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? – М.: Экономика, 2008, 246 с.; Лыков А.Ю. Мировой государство как будущее международного сообщества: монография. – М.: Проспект, 2013, 248 с.; Теория международных отношений: учебник./Под редакцией П.А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2015, 316 с.; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – М.: Проспект, 2005, 432 с.

² Шумилов В.М. О периодизации международного права в контексте цивилизационного подхода: Россия и Запад.//Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 48.

³ Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации.//Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 167-203; Шумилов В.М. Глобализация

* Vladimir M. Shumilov– Doctor of laws, Professor, head of the International law department, the All-Russian Academy of foreign trade. 4a Pudovkin str., Moscow, 117285.

мировой экономики и Глобальная правовая система.//Внешнеэкономический бюллетень. 2002. № 8. С. 75-80. № 9. С. 70-75; Шумилов В.М. Международное право и Глобальная правовая система.// Московский журнал международного права. 2002. № 4.

⁴ Байльдинов Е.Т. В поисках модели более гармоничного и справедливого мироустройства: концепция всеобщего (универсального) права.//Актуальные проблемы современного международного права: материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. – Ч. 1./Под редакцией А.Х.Абашидзе, Е.В. Киселева. – М.: РУДН, 2012. С. 78-86; Богатырёв В.В. Глобализация права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2012; Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – М.: Инфра-М. 2013. 496 с.; Коршунов А.Н. Идея глобального права: философско-методологические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. 27 с.; Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект. 2015. 400 с.; Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. – М.: Научная книга. 2006. 246 с.; Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. Эволюция концепции государственного суверенитета: монография. – М.: Научная книга. 2005. 154 с.; Урсул А.Д. Глобальное измерение права.//Юридические исследования. 2012. № 5. С. 25-48; Фархутдинов И.З. Международное или Глобальное право? // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 12-31.

⁵ Соглашение об учреждении ВТО: Статья XVI, п. 5.//Результаты Уругвайского раунда Многосторонних торговых переговоров. Правовые тексты. – М.: МАИК Наука/Интер-периодика. 2002. С. 14.

⁶ Внешнеторговая энциклопедия./Отв. редактор С.И. Долгов. – М.: Экономика. 2011. 448 с.

⁷ Бахин С.В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). – СПбГУ. 2002. С. 305; Берандзе М.Р. Концепция транснационального права в международном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.; РУДН, 2010.

⁸ Вельяминов Г.М. Международные право: опыты. – М.: Статут, 2015. – С. 24.

⁹ Лыков А.Ю. Мировое государство как будущее международного сообщества. – М.: Проспект, 2013. С. 38.

¹⁰ Зорькин В. Право в условиях глобальных перемен. Доклад на пленарном заседании III Петербургского международного юридического форума 15 мая 2013 года. //Текст на электронном ресурсе http://rapsinews.ru/international_publication/20130515/267367948.html.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Самоисполнимые договоры и Международные пакты о правах человека

Нефедов Б.И.

В статье отмечаются наиболее значимые условия самоисполнимости норм международных договоров, и с этих позиций рассматривается вопрос о том, являются ли Пакты о правах человека 1966 г. самоисполнимыми договорами.

Ключевые слова: самоисполнимые нормы; самоисполнимые договоры; Международные пакты о правах человека.

Согласно п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», «положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутрисударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты»¹.

Приведенная норма свидетельствует, что российское законодательство восприняло достаточно широко распространенную концепцию деления международных договоров (договорных норм) на самоисполнимые и несамоисполнимые².

Самоисполнимость – это способность норм международных договоров выступать в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений в данном государстве. В литературе для определения этого феномена среди специалистов в области европейского права (в соответствии с решениями Европейского суда справедливости), как правило, применяются такие понятия, как «непосредственное применение» (*direct*

* Нефедов Борис Иванович – д. ю. н., профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. boris-nefedov@mail.ru.

application), «непосредственное действие» или «прямой эффект» (*direct effect*)³, «непосредственная применимость» (*direct applicability*)⁴, «самоисполнимые нормы международного права» (*provisions of international law*)⁵. Близким по значению является термин «обязательные для всех лиц» (*binding on all persons*), использованный, в частности, при переводе на английский язык Конституции Нидерландов.

При этом представители государств общего права (*common law*), обычно используют понятие «инкорпорация» для обозначения непосредственного применения норм международного права и понятие «трансформация» – для опосредованного их применения. В нашем научном сообществе была воспринята и та и другая терминология.

Содержание понятия «самоисполнимости» норм международных договоров отличается в странах англо-саксонской и романо-германской правовых семей. Для континентальной Европы в целом характерно признание за международным договором самоисполнимого характера в том случае, если он обладает способностью стать составной частью национальной правовой системы, т.е. приобрести качества внутрисударственного закона или административного акта, и при этом иметь юридическое действие без дополнительных мер законодательного или административного характера. Для стран англо-саксонской правовой семьи (прежде всего – США) такой характер признается за международным договором в том случае, если он способен создавать права и обязанности, которые могут быть защищены индивидом непосредственно в суде⁶.

Среди наиболее значимых условий «самоисполнимости» международного договора (договорных норм) можно выделить следующие:

1. Санкционирование государством в своем законодательстве самой возможности для норм обязательных для него международных договоров выступать в нем в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений. Так, в Англии, Австралии, Канаде, Израиле, ЮАР, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии общепризнанные принципы международного права и нормы заключаемых международных договоров вообще не могут выступать в этом качестве, поскольку не могут иметь в них непосредственной силы. Поэтому в этих государствах, одновременно с направлением на ратификацию в парламент международного договора, правительство передает в него и соответствующие национальные законопроекты, которые фактически и осуществляют постатейную имплементацию договорных норм⁷.

2. По своему содержанию сам международный договор не должен включать возможности непосредственного участия его норм в регулировании соответствующих общественных отношений. Если в самом договоре

прямо говорится о необходимости издания национального акта для реализации договорных норм или устанавливается зависимость их реализации от принятия мер государственно-управленческого или административно-организационного характера, то нет и никаких оснований говорить о самоисполнимости его норм (части его норм, в отношении которых установлены указанные ограничения).

Так, в пункте 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» прямо закреплено, что «к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств»⁸.

3. Чтобы норма международного договора имела прямое действие, она должна быть не только юридически действительной с точки зрения соответствующей национальной правовой системы, но и регулировать права частных лиц⁹.

Поскольку внутригосударственные отношения в их чистом виде не регулируются международными договорами, отсюда следует вывод о том, что предметом регулирования таких норм являются трансграничные отношения¹⁰.

Так, вопрос о самоисполнимости не возникает в отношении тех международных договоров и их норм, которые обращены исключительно к самим участвующим в договоре государствам.

4. Соответствующие нормы международных договоров должны быть в достаточной мере детализированы, чтобы их использование в качестве регуляторов общественных отношений было возможным.

5. Самоисполнимые нормы международных договоров, как правило, подпадают под те же законодательные ограничения, что устанавливаются государствами в качестве оснований неприменения норм иностранного права, например, оговорки о публичном порядке.

6. Следует согласиться и с высказанным в науке мнением о том, что в качестве дополнительного признака, подтверждающего самоисполнимость нормы, следует рассматривать наличие в международном или внутригосударственном праве сопровождающего ее механизма реализации¹¹.

Но даже при наличии всех этих условий, окончательное решение о самоисполнимости или несамоисполнимости договорной нормы всякий раз принимается каждым из участвующих в договоре государств

самостоятельно. Именно поэтому одно и то же положение международного договора может иметь различный статус в тех государствах, где возможно его непосредственное действие. Более того, поскольку в России, как и во многих других государствах, какая-либо заранее установленная определенность формы имплементации норм таких договоров отсутствует, решение о непосредственном их применении в качестве регуляторов общественных отношений каждый раз должно доводиться до сведения непосредственных исполнителей.

Возьмем для примера такой распространенный вид самоисполнимых договоров, как соглашения об устранении двойного налогообложения. Ни одна налоговая инспекция ни при каких обстоятельствах не станет их применять без официального уведомления о заключении соответствующего соглашения и о том, что его следует «использовать в работе». Кто бы и как бы ни понимал формулировку пункта 4 ст. 15 Конституции России, как бы она не трактовалась Верховным Судом Российской Федерации, это правило останется неизменным. При этом не имеет значения, вступило очередное такое соглашение в силу или не вступило. Так между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан 31 марта 1997 года было заключено Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и капитал. Соглашение вступило в силу 26 апреля 2003 года, но ни один налоговый орган его не применял до тех пор, пока не поступило Письмо МНС Российской Федерации от 4 марта 2004 года №23-1-10/34-772 «О соглашениях об избежании двойного налогообложения» на территории Российской Федерации». Этим Письмом Министерство Российской Федерации о налогах и сборах как раз и доводило «до сведения» своих органов о заключении, в том числе, указанного Соглашения и необходимости его «применения в работе». Только после этого Соглашение с Таджикистаном стало налоговыми органами исполняться. Но, опять же, стало исполняться не с момента получения письма, т.е. не с момента официального уведомления о заключении соглашения или даты его вступления в силу, а с 1 января 2004 года, т.е. с той даты, что в этом письме была прямо указана.

В силу своей значимости представляет особый интерес вопрос о том, являются ли Пакты о правах человека 1966 г. самоисполнимыми договорами?

Если посмотреть конституционные формулировки многих стран – то ответ на этот вопрос должен быть положительным. Так, по Конституции Аргентины – международные договоры о правах человека «по своему статусу имеют юридическую силу, равную конституционным нормам»

(п. 22 ст. 75 Конституции). В Бразилии (согласно внесенной в 2004 году поправке к ст. 5 Конституции) международные договоры о правах человека, которые были одобрены в каждой палате Конгресса в два тура тремя пятыми голосов его членов, эквивалентны поправкам в Конституции. По Конституции Чешской Республики ратифицированные и промульгированные (санкционирование главой государства закона в сроки, указанные в конституции) международные соглашения относительно прав человека и фундаментальных свобод немедленно вступают в силу и имеют верховенство по отношению к закону (ст. 10). Аналогичные положения имеются в конституциях Казахстана (ст. 3), Словакии (ст. 11), Испании (ст. 10) и др.

Особый статус международных договоров по правам человека законодательно закреплен и в нашем государстве. Так, еще в Конституции РСФСР 1978 г. (ст. 32) было записано, что «общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации». Ныне действующая Конституция Российской Федерации здесь не столь категорична и в ч. 1 ст. 17 закрепляет только то, что в России «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» конкретизирует это положение: «Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹².

С другой стороны, уже в пункте 1 статьи 2 *Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах* фактически объявляется о том, что он не является самоисполнимым. В нем, в частности, говорится: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство

обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности, в экономической и технической областях, **принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры** к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, **принятие законодательных мер**».

Этот общий подход конкретизируется в целом ряде формулировок этого Пакта. При этом одни из них прямо указывают на необходимость соответствующих законодательных изменений, а другие – на принятие мер не только законодательного, но и государственно-управленческого, организационного характера.

Так, в пункте 3 статьи 10 Пакта прямо закреплено то, что: «Дети и подростки **должны быть** защищены от экономической и социальной эксплуатации. Применение их труда в области, вредной для их нравственности и здоровья или опасной для жизни или могущей повредить их нормальному развитию, **должно быть наказуемо по закону**. Кроме того, государства **должны установить возрастные пределы**, ниже которых пользование платным детским трудом запрещается и карается законом». В качестве другого примера можно привести статью 12 Пакта, которая устанавливает, что: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». При этом **«меры, которые должны быть приняты участвующими в настоящем Пакте государствами для полного осуществления этого права, включают мероприятия**, необходимые для:

a) **обеспечения сокращения** мертворождаемости и детской смертности и здорового развития ребенка;

b) **улучшения** всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности;

c) **предупреждения и лечения** эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними;

d) **создания условий**, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

В литературе довольно часто другой Пакт – Международный пакт о гражданских и политических правах – рассматривается как самоисполнимый договор. Однако многие нормы и этого Пакта прямо указывают на их несамоисполнимый характер. При этом для реализации их требований, так же, как и норм Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, требуется либо введение государствами соответствующих изменений в законодательство, либо принятие ими мер

не только законодательного, но и организационного, управленческого характера. Так, в статье 20 этого Пакта говорится: «**Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом**». И далее: «**Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом**». В качестве примера второго условия можно привести формулировку пункта 4 статьи 23 Международного пакта о гражданских и политических правах, где говорится о том, что: «Участвующие в настоящем Пакте Государства **должны принять надлежащие меры** для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении. В случае расторжения брака **должна предусматриваться необходимая защита** всех детей».

Интересна позиция по этому вопросу Комитета по правам человека. Разъясняя порядок имплементации положений Пакта о гражданских и политических правах, он прямо указал на то, что хотя метод имплементации остается на усмотрении государств, но «эти действия должны позволить гражданам реализовать эти права». Комитет пояснил, что обязательства по имплементации положений Пакта юридически связывают государства-участники, но это «не означает, что нормы Пакта могут заменить существующее уголовное или гражданское законодательство» и, в этом смысле, они не имеют характер самоисполнимых норм¹³.

Напрашивается вывод о том, что общее увлечение правами и свободами человека привело к некоторой идеализации нормативных положений Пактов 1966 г., что положения вышеназванных Конституций, касающиеся общих отсылок к Международным пактам в области прав человека 1966 г., следует признать исключительно декларативными. Так, Г.М. Даниленко прямо высказывает мысль о том, что Пакты 1966 г. являются несоисполнимыми международными договорами¹⁴. Так ли это?

Самоисполнимый договор представляет собой такой международный договор, который содержит хотя бы одну самоисполнимую норму. В несоисполнимом договоре таких норм вообще нет. Многие нормы Международного пакта о гражданских и политических правах все-таки являются самоисполнимыми нормами. Следовательно, это – самоисполнимый договор.

Что же касается Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, то общий тезис о его несоисполнимом характере при ближайшем рассмотрении также оказывается не столь категоричен. Например, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ЭКОСОС, рассматривая вопрос о самоисполнимости норм этого

Международного пакта, отметил, что «особенно важно избегать любого заключения *«a priori»*, что нормы этого международного договора «являются несоизмеримыми. В действительности многие из них сформулированы не менее четко и определенно, чем положения других договоров о правах человека, которые признаются судами самоисполнимыми»¹⁵.

Self-executing Treaties and International Covenants on Human Rights (Summary)

Boris I. Nefedov*

The article highlights the most significant terms for the self-executing of provisions of international treaties, and in light of this the question of whether the 1966 International Covenants on Human Rights are self-executing treaties is investigated.

Keywords: self-executing provisions; self-executing treaties; International Covenants on human rights.

¹ Собрание законодательства РФ, 17.07.1995, № 29, ст. 2757.

² Само использование термина «самоисполнимый договор» применительно к договорам, содержащим самоисполнимые нормы, является довольно спорным, однако в силу его большой распространенности, в рамках настоящей статьи его применение представляется допустимым.

³ Craig, P. *EU Law: Text, Cases and Materials* / P. Craig, G. Върса. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 199-213.

⁴ Winter, J. Direct applicability and direct effect: Two distinct and different concepts in Community law // *Common Market Law Review*. 1972. Vol. 9. P. 425.

⁵ Leary, V.A. *International labour conventions and national law: the effectiveness of the automatic incorporation of treaties in national legal systems*. The Hague; London: Nijhoff, 1982. P. 55.

⁶ См. подробнее: Expression of consent by states to be bound by a treaty. Analytical report and country reports. Committee of legal advisers on public international law (CAHDI). Strasbourg. 23 January 2001. P. 80.

⁷ Согласно определению, данному Судом Европейского союза, положения права Европейского союза могут иметь прямое действие, если они «ясные, не ограничены никакими условиями, не содержат оговорок со стороны государства-члена и не зависят от каких-либо

---

* Boris I. Nefedov – Doctor of Laws, Associate professor, Professor of the Chair of International Law, MGIMO MFA Russia. boris-nefedov@mail.ru.

национальных имплементационных мер». См.: Expression of consent by states to be bound by a treaty. Part I: Analytical report. P. 81.

⁸ Российская газета, № 244, 02.12.2003.

⁹ В своей практике Суд Европейского союза определил, что для того, чтобы норма права Европейского союза имела прямое действие, она должна быть юридически действительной с точки зрения соответствующей национальной правовой системы и регулировать права частных лиц. О соответствующих определениях в практике Суда Европейского союза см.: Craig, P. EU Law: Text, Cases and Materials / P. Craig, G. Върса. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 199-213.

¹⁰ См. подробнее: Нефедов Б.И. Триптих. Межсистемные образования в праве. Часть 1. Предмет правового регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8. – С. 35-38; Нефедов Б.И. Триптих. Соотношение правовых систем. Часть 3. Соотношение правовых систем в теории и практике регулирования общественных отношений современной России // Московский журнал международного права. – 2014. – № 1. С. 4-23.

¹¹ См. подробнее: Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – М., 2011. – С. 246-247.

¹² Российская газета, № 247, 28.12.1995.

¹³ См.: CCPR General Comment 3, CCPR/C/21/Rev.1.

¹⁴ См.: Даниленко Г. М. Применение международного права во внутренней правовой системе: практика Конституционного Суда // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 121.

¹⁵ Substantive Issues Arising in the Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Draft general comment № 9: The domestic application of the Covenant (E/C.12/1998/24). Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 19th session. Geneva, 16 November – 4 December 1998. P. 4.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Статус сотрудников частных военных и охранных компаний по международному гуманитарному праву

Кулебякин В.Н.*

Королькова Е.Е.**

В настоящее время услуги частных военных и охранных компаний получили широкое распространение. Сотрудники частных военных и охранных компаний (ЧВОК) участвуют в вооружённых конфликтах, в том числе, выполняя задачи, связанные с применением силы. В статье приведен анализ правового статуса сотрудников ЧВОК в соответствии с нормами международного гуманитарного права. Авторами предложен ряд мер, направленных на регулирование деятельности ЧВОК.

Ключевые слова: комбатанты; гражданские лица; наемники; военные услуги; охранные услуги; сотрудники частных военных и охранных компаний.

Развитие технологий, а также многочисленные политические, социальные и экономические факторы влияют на характер ведения военных действий. В теории военного дела выделяют симметричные и асимметричные войны¹. Для симметричных войн характерно взаимное признание сторон и наличие системы ценностей, которая считается обязательной для всех участников. Как писал Ж.-Ж. Руссо: «Война – это отношения не между людьми, но между государствами, и люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граждане, а как

* Кулебякин Вячеслав Николаевич – канд. юрид. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. Ps48@mail.ru.

** Королькова Елена Евгеньевна – аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России.

солдаты»². При симметричной войне сила используется лишь между равными сторонами, которые определяют друг друга как комбатанты.

Асимметричные войны свойственны современному времени. Особенностью такой войны проф. Г. Мюнклер называет «постгероический»³ менталитет, т.е. когда «героическая война»⁴ и жертвование жизнью больше не являются идеалом. Таким войнам характерна тенденция к распространению насилия, что приводит к экономическому разорению и нестабильной политической ситуации в государствах. Канд. юрид. наук Русинова В.Н. рассматривает проявление асимметричности в злоупотреблении «защитой, предоставляемой международным правом, в частности путем отказа от использования отличительных знаков или открытого ношения оружия»⁵, а профессор Кашников Б.Н. видит в этом «признаки опасной самостоятельности»⁶.

Ученые неоднократно высказывались в том смысле, что XXI век изменил характер войны, в том числе, благодаря участию негосударственных акторов⁷. Еще в 19 веке Карл фон Клаузевиц, характеризуя войну, назвал ее «подлинным хамелеоном»⁸, который меняет свою природу под воздействием трех факторов: насилия как природного инстинкта, игры вероятностей и случайностей и политических решений.

Участие отдельных физических лиц в войне не ново для истории. Еще в XV веке в Италии представители буржуазии заключали договоры личного найма с представителями сельских общин – «кондотты», для участия в военных действиях за денежное вознаграждение. Война считалась прибыльным делом: те, кто участвовали в ней, получали солидное вознаграждение и различные титулы⁹. В тоже время, подобная война разоряла тех, кто ее оплачивал. В этом удорожании профессор Г. Мюнклер видит причину перехода от частных армий к профессиональным, состоящим на службе государства.

Развитие военных технологий, появление новых методов ведения военных действий требуют постоянного контроля за соблюдением участниками военных действий правовых норм и запретов. Карл фон Клаузевиц, рассуждая о способах ведения военных действий, говорил, что если мы видим, что «цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это благодаря разуму, который указывает на приемлемые способы»¹⁰.

Начиная с 1990-х гг., количество ЧВОК увеличилось, что породило ряд «проблем, связанных с определением правового статуса сотрудников ЧВОК, участвующих в вооруженных конфликтах»¹¹. Как верно отметил канд. юрид. наук, доцент В.А. Батырь: «правовое регулирование в данной сфере является фрагментарным и не отражает практических

потребностей, вследствие чего в ряде случаев применяются отдельные правовые нормы по аналогии»¹². Сотрудники ЧВОК решают разнообразные задачи военного характера: от логистики до непосредственного участия в военных действиях. В целях эффективного регулирования деятельности ЧВОК необходимо установить что им дозволено делать в зоне вооруженного конфликта.

Особую популярность услуги ЧВОК приобрели в США, что неслучайно. Господствующая в США доктрина Буша о применении силы в качестве превентивного военного удара требует от правительства крупных финансовых затрат на поддержание боеспособности армии. ЧВОК, в свою очередь, самостоятельно работают над повышением эффективности выполняемых ими задач. Они способны мобильно перебросить на территорию иностранного государства своих сотрудников для выполнения специальных задач, как в государственных интересах, так и в интересах частных лиц. Большинство американских ученых оправдывают политику превентивного удара, считая, что в ст. 51 Устава ООН не указано, что самооборона применяется исключительно в случае совершения вооруженного нападения, а это значит, не обязательно ограничивать себя фактом совершения такого нападения, и можно заранее предупредить нанесение удара¹³. В оправдание превентивного удара приводится довод о том, что государства суверенны, в силу чего имеют полное право устанавливать свои правила, ограничивающие их поведение. Однако бесконтрольное применение силы ведет к негативным и разрушительным последствиям. Как заметил Дж. Стоссинджер в своей книге «Мощь наций», «сила в международных отношениях есть возможность государства использовать реальные или потенциальные ресурсы таким образом, чтобы воздействовать на образ жизни и поведение других государств».¹⁴

Введение вооруженных сил на территорию иностранного государства помимо соблюдения процедур национального права требует согласия принимающего государства, а в некоторых случаях решения Совета Безопасности ООН, что представляет собой сложный, многоэтапный механизм. Продвигаемая американской администрацией Доктрина Буша является попыткой обойти правовые механизмы с целью упрощения процедуры применения силы: «чем больше угроза, тем больше риск бездействия – и тем больше необходимости применить защитные действия, так как неопределенность позволяет врагу выбрать время и место нападения».¹⁵ Использование ЧВОК позволяет некоторым государствам проводить выгодную политику в обход правовых механизмов, выработанных мировым сообществом на уровне Организации Объединенных Наций.

В соответствии с нормами международного гуманитарного права государства, поддерживающие нейтралитет, обязаны не участвовать в военных действиях, не оказывать поддержки воюющим сторонам. В данном случае направление ЧВОК государством, поддерживающим нейтралитет, недопустимо.

Президент Международного комитета Красного Креста Я. Келленбергер назвал пробелы в регулировании статуса сотрудников ЧВОК одним из вызовов современного международного гуманитарного права.¹⁶ Трудности определения статуса сотрудников ЧВОК возникают не только на международном уровне, но и внутригосударственном. Так, в США, несмотря на то, что по действующему законодательству сотрудники ЧВОК являются гражданскими лицами, тем не менее, они принимают непосредственное участие в военных действиях. В силу их противоречивого статуса Конгресс США неоднократно проводил расследования, изучая деятельность ЧВОК в зонах ведения боевых действий в Ираке, Афганистане. В Великобритании по данному вопросу Парламент также проводил слушания, в ходе которых обсуждались различные варианты использования услуг ЧВОК в вооруженных конфликтах. Во Франции и Германии сотрудники ЧВОК считаются гражданскими лицами, и их найм для участия в вооруженных конфликтах ограничен. В России с целью регулирования деятельности ЧВОК в вооруженных конфликтах разрабатывается проект федерального закона. В настоящее время участвовать в вооруженных конфликтах могут только лица, проходящие военную службу в вооруженных силах Российской Федерации.

Необходимо отметить, что привлечение частных лиц для выполнения задач военного характера в интересах государства возможно только тогда, когда такое использование официально признается государством, и оно осуществляет эффективный контроль.

В научной литературе преобладает мнение о том, что сотрудники ЧВОК являются наемниками.¹⁷ К наемникам мировое сообщество относится негативно еще с древних времен. Так, Н. Маккиавелли, рассуждая о войске, которым государь может защитить свою страну, сказал, что «наемные и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско».¹⁸ Среди аргументов в поддержку того, что сотрудник ЧВОК является наемником, приводятся примеры получения денежного вознаграждения сотрудниками, значительно превышающего оплату комбатанта из числа вооруженных сил, а также само участие сотрудников ЧВОК для личной выгоды, но не в связи с исполнением служебного долга.

Проблема применения ст. 47 Дополнительного протокола I не раз становилась предметом острых дискуссий, как среди отечественных, так и зарубежных авторов. Неоднократно предлагалось расширить определение наемника для эффективного применения нормы. С учетом положений статьи квалифицировать сотрудника ЧВОК в качестве наемника проблематично:

1. Для того, чтобы доказать наличие первого условия необходимо представить доказательства специальной вербовки. Как правило, сотрудники ЧВОК нанимаются для такого участия государством посредством заключения федерального контракта¹⁹. Однако необходимо отметить, что большинство таких контрактов засекречено в целях национальной безопасности.

2. Контракты, заключенные государством с ЧВОК, зачастую предполагают техническую поддержку, оказываемую вооруженным силам, и исключают непосредственное участие в военных действиях. Например, согласно титулу 48 ч. 25.302 Правил федеральных закупок США сотрудники ЧВОК нанимаются для оказания охранных услуг и логистики²⁰. Однако в условиях вооруженного конфликта ЧВОК могут быть вовлечены в непосредственное участие в военных действиях. Проблема квалификации состоит в том, что до настоящего времени не разработаны критерии, позволяющие установить факт непосредственного участия в военных действиях. Ученые из Института международного права им. Ассера исследовали деятельность участников вооруженных конфликтов, связав их с подготовкой к конкретной военной операции. К действиям по подготовке к конкретной операции они отнесли доставку оружия, комбатантов на место проведения операции, а также действия, связанные с окончанием такой операции, например, возвращение комбатантов или оружия на прежние позиции. Подводя итог совместно с Международным комитетом Красного Креста, они заключили, что непосредственное участие в военных действиях состоит в любом действии, затрагивающем военный потенциал противника или причиняющем смерть, ранение или уничтожение соответственно лиц или имущества, принадлежащих противной стороне²¹. Так, в 1998 году ЧВОК «Sandline International» организовывала крупные поставки оружия в Сьерра-Леоне в обход эмбарго, наложенного ООН. При помощи ЧВОК оружием снабжались участники вооруженного конфликта в бывшей Югославии. Поставка оружия была налажена в Бахрейн, Оман, Катар с целью подготовки вторжения в Ирак²².

3. Вопрос о личной выгоде сотрудника ЧВОК предполагает установление его психического отношения к участию в вооруженном конфликте, его заинтересованности в получении именно материального

вознаграждения, а не иные мотивы, например, идеологические. Что касается вознаграждения, то оно должно существенно превышать размер оплаты комбатанта такого же ранга и выполняющего те же функции. Согласно данным, представленным Конгрессу США в 2007 году, сотрудники ЧВОК, работавшие на такие компании, как «Blackwater» и «DynCorp» зарабатывали 1 222 доллара в день или 445 000 долларов за год. Для сравнения, сержант армии США зарабатывал от 140 до 190 долларов в день, включая премии, общая сумма за год составляла 51100-69350 долларов²³.

4. Многие ЧВОК нанимают на работу иностранных граждан. Американские ЧВОК в Ираке привлекали к работе граждан стран Восточной Европы, что привело к затруднениям в выдаче виз и законностью пребывания в иностранном государстве. Решением проблемы стал найм сотрудников из числа местных жителей.

5. Условие о включении в личный состав вооруженных сил государства является формальным. Однако на практике сотрудники ЧВОК не включаются в состав вооруженных сил, поэтому по указанному критерию деятельность ЧВОК на территории иностранного государства может быть расценена как деятельность наемников.

6. Большинство ЧВОК работают по контрактам с государствами. Как правило, посылающее государство и принимающее государство заключают между собой соглашения, согласно которым иностранные ЧВОК официально работают на территории иностранного государства, как в случае США с Ираком и Афганистаном, хотя США не включают ЧВОК в состав национальных вооруженных сил.

Таким образом, действия сотрудников ЧВОК совпадают лишь с отдельными критериями, изложенными в ст. 47 Дополнительного протокола I, что не является достаточным для квалификации лица в качестве наемника, так как необходимо, чтобы все критерии применялись в совокупности. Само определение наемника нуждается в существенной доработке с учетом сложившихся современных реалий. Тот факт, что сотрудники ЧВОК пересекают границу иностранного государства с целью участия в вооруженном конфликте и получения денежного вознаграждения, не будучи посланными официально, может стать нарушением норм национального законодательства.

Тем не менее, квалификация сотрудников ЧВОК в качестве наемников недостаточна для эффективного регулирования деятельности ЧВОК. Положения Дополнительного протокола I распространяются на участников международных вооруженных конфликтов и не затрагивают участие в немеждународных вооруженных конфликтах. Международная

конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.²⁴, Конвенция Организации Африканского Единства о ликвидации наемничества в Африке 1977 г. применяются в немеждународных вооруженных конфликтах, однако не все государства их ратифицировали.

Международное гуманитарное право определяет категории лиц, имеющих право сражаться с оружием в руках. Среди них, личный состав вооруженных сил. В соответствии с п. 1 ст. 4А третьей Женевской конвенции 1949 г.²⁵ личный состав вооруженных сил – это лица, входящие в состав вооруженных сил стороны в конфликте. Определение вооруженных сил и конкретный состав регулируется национальным правом. Так, государство вправе включить полицейские и военизированные организации, уведомив об этом другие стороны в конфликте в соответствии с п. 3 ст. 43 Дополнительного протокола I. Если государство не уведомит сторон конфликта о включении указанных лиц, то они будут рассматриваться как некомбатанты. Таким образом, государство самостоятельно решает вопрос о включении сотрудников ЧВОК в состав вооруженных сил для того, чтобы они могли правомерно принимать непосредственное участие в военных действиях и получить в определенных случаях статус военнопленных. На практике пока ни одно государство не включило сотрудников ЧВОК в состав национальных вооруженных сил. Включение в состав вооруженных сил предполагало бы финансирование их деятельности из государственного бюджета.

Комбатантами также признаются лица, которые при приближении неприятеля стихийно, по собственному почину берутся за оружие для борьбы с вторгающимся противником, не успев сформироваться в регулярные войска, если они носят открыто оружие и соблюдают законы и обычаи войны²⁶. Данный случай не применим к сотрудникам ЧВОК, так как их участие в вооруженном конфликте обуславливается заключенным контрактом.

Участники движений сопротивления также пользуются статусом комбатанта. Здесь речь идет об ополчениях и добровольческих отрядах, не входящих в состав вооруженных сил, при этом они должны принадлежать стороне, находящейся в конфликте. Они должны удовлетворять требованиям, изложенным в ст. 1 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.: наличие во главе лица, ответственного за своих подчиненных; определенный и явственно видимый отличительный знак; открытое ношение оружия; соблюдение законов и обычаев войны²⁷.

Как правило, среди сотрудников ЧВОК, работающих в зоне вооруженного конфликта, есть лицо, ответственное за своих подчиненных.

Второе и третье условия выполнить достаточно проблематично, так как только некоторые сотрудники ЧВОК носят одежду с эмблемой компании, однако, в большинстве своем, явственно видимых отличительных знаков у них нет²⁸. Четвертое условие периодически нарушается, о чем свидетельствуют многочисленные судебные иски, поданные как против конкретных сотрудников ЧВОК, так и против самих компаний.

Рассмотрев условия для признания физического лица в качестве комбатанта, можно прийти к выводу о том, что лишь некоторые сотрудники ЧВОК могут считаться комбатантами по смыслу ст. 1 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., а также п. 2А ст. 4 третьей Женевской конвенции, однако они должны действовать в условиях международного вооруженного конфликта и удовлетворять всем вышеперечисленным критериям.

В соответствии с п. 4 ст. 4А третьей Женевской конвенции²⁹ лица, получившие от стороны, находящейся в конфликте, разрешение следовать за вооруженными силами, хотя они и не входят непосредственно в их состав, относятся к категории гражданских лиц, имеющих право на статус военнопленного. Согласно п. 3 ст. 51 Дополнительного протокола I, п. 3 ст. 13 Дополнительного протокола II гражданские лица в тот период, пока они не принимают непосредственное участие в военных действиях, пользуются защитой. Квалификация в качестве гражданского лица, следующего за вооруженными силами, возможна при наличии у него специального разрешения, выданного государством для оказания поддержки вооруженным силам.

Министерство обороны США издало инструкцию «О подрядчиках, следующих за вооруженными силами США», согласно которой сотрудники ЧВОК признаются гражданскими лицами, следующими за вооруженными силами³⁰. Необходимо отметить, что некоторые сотрудники ЧВОК действительно могут подпадать под указанную категорию, например, когда между государством и ЧВОК заключается контракт для оказания услуг материально-технической поддержки, логистики в определенных звеньях вооруженных сил США. Федеральная контрактная система США работает достаточно давно, однако проблемы с заключением и исполнением контрактов с ЧВОК до сих пор не устранены. Сотрудники рассматриваются в качестве гражданских лиц, следующих за вооруженными силами США, но зачастую принимают непосредственное участие в военных действиях. Таким образом, происходит злоупотребление правами, предоставленными гражданским лицам, следующим за вооруженными силами, в части предоставления статуса военнопленного.

Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта, рекомендует посылающим и принимающим государствам «не подражать ЧВОК для осуществления деятельности, которую международное гуманитарное право в явно выраженной форме вменяет в обязанность государственному агенту или органу власти, например выполнение функций должностного лица, отвечающего за лагерь военнопленных или интернированных гражданских лиц в соответствии с Женевскими конвенциями»³¹. При найме сотрудников ЧВОК принимающее и посылающее государства должны действовать в рамках международных обязательств. Если сотрудники ЧВОК действуют в качестве гражданских лиц, то в соответствии со ст. 19 Женевских конвенций 1949 г. обороняющаяся сторона несет ответственность за их использование при обороне военных объектов и содействии военным операциям.

Ссылаясь на ст. 49 Дополнительного протокола I, Л. Камерон предложила следующее: «ввиду того, что нормы международного гуманитарного права не проводят различия между нападением при наступлении и нападением при обороне, бесполезно будет учитывать, что такие сотрудники могут только обороняться»³². Тем самым, она подвергла критике заявление бывшего министра обороны США Дональда Рамсфелда о том, что сотрудники ЧВОК только обороняются в зонах вооруженных конфликтов, но не нападают. Помимо этого, она затронула вопрос о правомерности обороны сотрудниками ЧВОК объекта, расположенного в зоне вооруженного конфликта.

Учитывая, что в ходе ведения военных действий гражданский объект может стать военным при определенных обстоятельствах, статус сотрудника ЧВОК и его дальнейшие действия должны определяться в соответствии с изменившейся обстановкой. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г. в п. 2 ст. 52 строго ограничивает нападения на военные объекты, понимая под ними объекты, «которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество»³³. Оборона военного объекта (даже если он изначально являлся гражданским) ЧВОК будет расцениваться как акт насилия в отношении противника³⁴. Тем более, найм сотрудников для охраны военного объекта, который являлся таковым с момента заключения с ЧВОК контракта на предоставление подобной услуги, может расцениваться как один из критериев, позволяющих

квалифицировать лицо в качестве наемника, а именно специальная вербовка для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте. Государства не должны допускать оборону военных объектов сотрудниками ЧВОК, даже в случае проблем, возникших в результате неверного тактического и стратегического планирования.

При исследовании статуса сотрудников ЧВОК в зоне вооруженного конфликта, рассмотрены различные варианты регулирования их деятельности. Одно лишь внесение изменений в ст. 47 Дополнительного протокола I, в которой содержится определение наемника, недостаточно для регулирования разнообразной индустрии ЧВОК. С учетом специфики деятельности ЧВОК в зоне вооруженного конфликта разработка международной конвенции представляется необходимым шагом, как верно отметил профессор И.И. Котляров: «для создания гарантий правомерной деятельности ЧВОК, урегулирования их функций и использования персонала в интересах отдельных субъектов международного права»³⁵. В проекте конвенции необходимо отметить, что заказчиками услуг ЧВОК могут являться государства и международные организации, найм ЧВОК для участия в вооруженном конфликте физическим, юридическим лицам, в том числе, транснациональным корпорациям должен быть запрещен, так как они не несут надлежащей ответственности.

Существенным пробелом в регулировании остается определение непосредственного участия в боевых действиях. Международным комитетом Красного Креста разработано «Руководство по толкованию понятия о непосредственном участии в военных действиях, касающееся понятия непосредственного участия в военных действиях, в соответствии с МГП», согласно которому «лица принимают непосредственное участие в боевых действиях, если осуществляют акты, направленные на поддержку одной стороны в конфликте путем прямого причинения вреда другой стороне, либо прямо влекущие гибель, ранения или разрушения, либо наносящие прямой ущерб военным операциям или объектам противника»³⁶.

Рабочая группа ООН по вопросу регулирования деятельности частных военных и охранных компаний отметила, что государствам необходимо прийти к общему согласию о перечне услуг, которые ЧВОК могут оказывать в зоне вооруженных конфликтов, таким образом, установив предел их деятельности. Создание «стабильного механизма регулирования»³⁷ деятельности ЧВОК в зонах конфликтов должно быть обеспечено следующими мерами:

– установление запрета на выполнение функций, являющихся исключительно государственными (исходя из того, что функция – основное

направление действий субъекта, необходимых для решения стоящих перед ним целей и задач,³⁸ можно сказать, что исключительно государственные функции представляют собой основные направления деятельности государства, обусловленные его властной сущностью);

- установление запрета на использование ЧВОК в целях, противоречащих общим принципам международного права;

- установление запрета на непосредственное участие в военных действиях;

- установление запрета на обучение, материально-техническую поддержку террористическим, экстремистским группировкам;

- установление запрета на проведение допросов, управление в местах лишения свободы;

- установление запрета на охрану военных объектов, обеспечение физической защиты комбатантов.

Планирование военной операции представляет собой детальную разработку содержания и последовательности выполнения вооруженными силами поставленных задач. Планирование военной операции сотрудниками ЧВОК в некотором смысле может быть расценено как непосредственное участие в военных действиях, поэтому найм ЧВОК для планирования и стратегического руководства военной операцией следует запретить.

В настоящее время ученые констатируют «нарастающую зависимость государств от услуг ЧВОК в сфере разведывательной деятельности»³⁹, что вызывает беспокойство относительно того, до какой степени государства способны осуществлять контроль над своей наиболее чувствительной деятельностью. Достаточно вспомнить многочисленные контракты, заключенные Агентством национальной безопасности США, Центральным разведывательным управлением, Министерством обороны и другими федеральными агентствами, с американскими ЧВОК для выполнения сбора и обработки разведывательных данных.

Среди функций, которые ЧВОК могут выполнять по контракту с государством: сопровождение грузов, тыловое обеспечение войск, а также техническое обслуживание систем оружия. Необходимо отметить, что в случае найма для выполнения подобных задач, требуется тщательный отбор ЧВОК и их персонала, так как бесперебойное техническое и тыловое обеспечение является одним из основных условий успешного выполнения боевой задачи.

Охрана физических лиц, инфраструктурных и иных гражданских объектов допустима в зоне вооруженного конфликта сотрудниками ЧВОК с оговоркой, упомянутой в данной статье, когда гражданский объект

приобретает статус военного объекта. Сотрудники ЧВОК могут оказывать лингвистические услуги, в том числе, при расследовании уголовных дел, в ходе ведения допросов заключенных, однако их квалификация в качестве переводчика должна подтверждаться специальным документом.

Международные организации часто привлекают ЧВОК для восстановления инфраструктуры государств после окончания вооруженного конфликта, как правило, для разминирования объектов. С учетом большого количества заминированных объектов, оставшихся после вооруженных конфликтов прошлого столетия, не говоря уже о современных конфликтах, привлечение ЧВОК в данной сфере представляется полезным.

Исходя из изложенного, под военными услугами следует понимать военные услуги, оказываемые ЧВОК в зоне вооруженного конфликта, свойственные военной деятельности, но никак «не связанные с военной деятельностью, так как любая военная деятельность относится к сугубо государственной функции»⁴⁰. Охранные услуги ЧВОК – это вид услуг, которые ЧВОК оказывают в зоне вооруженного конфликта, направленные на защиту некомбатантов, объектов инфраструктуры и иных гражданских объектов.

Среди обязательных условий для государств являются лицензирование и контроль за деятельностью ЧВОК. Саморегулирование деятельности, т.е. регулирование деятельности таких компаний без государственного вмешательства, стало бы негативным фактором, способствующим безнаказанному нарушению прав человека и эскалации конфликтов, в тех государствах, где работают ЧВОК. Тот факт, что компании разрабатывают на своем уровне минимальные стандарты поведения и соблюдения норм международного права, является положительным аспектом, однако этого недостаточно для эффективной защиты прав человека, в то время как на государства в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. возложена обязанность «соблюдать и заставлять соблюдать положения указанных Конвенций»⁴¹.

В терминологии проекта международной конвенции государства, которые заключают контракт с ЧВОК, именуются государства-контрагенты. В свою очередь, государства, в которых ЧВОК выполняют поставленные задачи, называются государствами проведения операций. Также отдельно выделяют отечественные государства («home state»), т.е. государства места регистрации ЧВОК либо места нахождения штаб-квартиры. Термины «государство-контрагент», «отечественные государства» подчеркивают гражданско-правовую связь государства и ЧВОК при заключении и исполнении контракта, однако не подходят для целей регулирования

в международном праве. В данном случае предлагается выделять два типа государств – принимающее и посылающее.

Таким образом, оказание военных/охранных услуг ЧВОК за пределами посылающего государства является экспортом услуг, а оказание военных/охранных услуг иностранной ЧВОК в принимающем государстве – импортом. При этом важно отметить, что передачу военных/охранных услуг не следует приравнивать к купле-продаже военных товаров, так как в случае с ЧВОК затрагиваются права сотрудников – гражданских лиц, что требует разработки стандартов поведения, дополнительных гарантий при заключении контракта.

В условиях международного вооруженного конфликта государство может заключить контракт с отечественной ЧВОК для выполнения задач в иностранном государстве. При этом государство обязано провести тщательный отбор, проверку наличия лицензии и иных необходимых документов; согласовать с иностранным государством возможность пребывания на его территории ЧВОК. Также государство может заключать контракт с иностранной ЧВОК с целью выполнения задач в государстве национальной принадлежности ЧВОК (например, США заключали контракты с южноафриканской ЧВОК для охраны объектов инфраструктуры в Южной Африке). Еще одним возможным вариантом является заключение контракта с иностранной ЧВОК с целью выполнения задач в третьем государстве, например, США заключали контракты с британскими ЧВОК для получения разведывательных данных в Ираке.

Государство может принять исполнение на своей территории услуг отечественной ЧВОК. Например, деятельность американских ЧВОК в США при оказании услуг, связанных со сбором и обработкой разведывательных данных для нужд федеральных агентств. Также государство может разрешить иностранным ЧВОК оказывать услуги на своей территории. Такая практика применяется не всеми государствами, например, в России деятельность иностранных ЧВОК представляет угрозу национальной безопасности⁴².

К услугам ЧВОК обращаются во время немеждународных вооруженных конфликтов. Государство пользуется услугами отечественной или иностранной ЧВОК (например, деятельность американских ЧВОК в Украине).

Международные организации могут заключить с ЧВОК контракт для выполнения задач в рамках специальных миссий организации, не связанных с непосредственным участием в военных действиях.

The Status of PMSC`s Personnel Under International Humanitarian Law (Summary)

Vyacheslav N. Kulebyakin*

Elena E. Korolkova**

Nowadays services of PMSCs are widely provided. Personnel of PMSC are involved in hostilities carrying out tasks related to the use of force. The article contains the analysis of the status of PMSC`s personnel in accordance with international humanitarian law. The authors propose measures aimed at regulating the activities of private military and security companies.

Keywords: combatants; civilians, mercenaries; military services; security services; personnel of private military and security companies.

¹ См. например: Пфаннер Т. Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности: Содержание под стражей // Международный журнал Красного Креста: Содержание под стражей. – М.: МККК, 2005, Т. 87: № 857. – С. 195-228. Слипченко В.И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего / В.И. Слипченко. – М.: Вече, 2002. – С. 383.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с .фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – С. 416. URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html. (дата обращения: 12.11.2015).

³ Münkler H. Die neuen Kriege. - Rowohlt, Reinbek, 2002. Перевод отдельной главы доступен: URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/01_icrc_849_munkler_rus.pdf. (дата обращения: 16.11.2015).

⁴ См. Там же.

⁵ Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. Монография. М.: Статут, 2015. – 384 с.

⁶ Кашников Б.Н., Любимов С.Е. Содержание и смысл победы // Военно-юридический журнал. – М.: Юрист, 2014, № 7. – С. 21-32.

⁷ Münkler H. Die neuen Kriege. – Rowohlt, Reinbek, 2002. Перевод отдельной главы доступен: URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/01_icrc_849_munkler_rus.pdf. (дата обращения: 16.11.2015).

⁸ Клаузевиц К. О войне (1-4). – М.: Римис, 2009.

---

* Vyacheslav N. Kulebyakin – Ph.D in Law, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, Professor of the Chair of International Law MGIMO MFA Russia.

** Elena E. Korolkova – Post-graduate student of the Chair of International Law MGIMO MFA Russia.

- ⁹ См. например: Разыграев А.В. Итальянские кондотьеры XIV-XV веков // Сержант. – 2015, № 4. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. – 656 с. (Серия «Антология мысли»).
- ¹⁰ Клаузевиц К. О войне (1-4). – М.: Римис, 2009. – С. 30.
- ¹¹ Словарь международного права / Аваков М.М., Ашавский Б.М., Бахов А.С., Бацанов С.Б., и др.; Редкол.: Клименко Б.М. (отв. ред.), Петровский В.Ф., Рыбаков Ю.М.. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 1986. – 432 с.
- ¹² Батърь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. 2-изд., перераб. идоп. М.: Юстицинформ, 2011. – 688 с.
- ¹³ Arend A.C. International Law and the Preemptive Use of Military Force / The Center for Strategic and International Studies and the Massachusetts Institute of Technology, The Washington Quarterly. P. 89-103.
- ¹⁴ Цит. по: Анненков В.И. и др. Военная сила в международных отношениях. М., 2010.
- ¹⁵ U.S. National Security Strategy: Prevent Our Enemies From Threatening Us, Our Allies, and Our Friends with Weapons of Mass Destruction, URL: <http://2001-2009.state.gov/r/pa/ei/wh/15425.htm>. (дата обращения: 22.11.2015).
- ¹⁶ Цит. по: Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. М.: Статут, 2015. – 384 с.
- ¹⁷ См., например: Башкиров Н. Международно-правовые аспекты использования частных военных компаний // Зарубежное военное обозрение. – М., 2013, № 8. – С. 10-18.
- ¹⁸ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Никколо Макиавелли, пер. с итал. Г.Д. Муравьевой, М.А. Юсима. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 44.
- ¹⁹ Например, найм ЧВОК посредством заключения федеральных контрактов федеральными агентствами США: Министерством обороны США, Государственным департаментом и иными.
- ²⁰ Title 48 Code of Federal Regulations USA, URL: <https://www.acquisition.gov/?q=browsefar>. (дата обращения: 20.11.2015).
- ²¹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/4.pdf/> (дата обращения: 13.12.2015).
- ²² Corporate Mercenaries: The threat of private military and security companies, War on Want Report. URL: <http://www.waronwant.org/attachments/Corporate%20Mercenaries.pdf/> (дата обращения: 15.12.2015).
- ²³ Avant D. The Market for Force. The consequences of privatizing security – Cambridge University Press, 2005. – P. 328.
- ²⁴ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.1989 г.
- ²⁵ Третья Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года. – Права человека: Сборник международных договоров, том 1 (часть вторая). Универсальные договоры / Женева, 1994.
- ²⁶ Ст. 10 Брюссельской декларации 1874 г., ст. 2 Гагской конвенции 1907 г., п. 6 ст. 4А Третьей Женевской конвенции 1949 г.
- ²⁷ Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>. (дата обращения: 15.12.2015).
- ²⁸ Жийар Э. К. Бизнес идет на войну: частные военные и охранные компании и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. – 2006. – Т. 88. – № 863.

²⁹ Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года. – Права человека: Сборник международных договоров, том 1 (часть вторая). Универсальные договоры / Женева, 1994 г.

³⁰ Инструкция Министерства обороны США № 3020.41 от 03.10.2005 г.

³¹ Ст. 2 раздел «А» Документа Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта 17 сентября 2008 принята резолюцией Генеральной Ассемблеи ООН А/63/467-S/2008/636 от 06.10.2008 г.

³² Камерон Л. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // Международный журнал Красного Креста. – 2006. – Т. 88. – № 863.

³³ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

³⁴ Там же, п. 1 ст. 49.

³⁵ Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 183.

³⁶ Руководство по толкованию понятия о непосредственном участии в военных действиях, касающееся понятия непосредственного участия в военных действиях, в соответствии с МГП («Разъяснительные рекомендации»). URL: <https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf> (дата обращения: 10.12.2015).

³⁷ Сырхаев А.А. Приватизация войны в США // История государства и права. – 2012. – № 16. – С. 46-48.

³⁸ Теория государства и права : учебник / отв. ред. А. В. Малько. – 4-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2012. – 400 с.

³⁹ Доклад члена Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников А.И. Никитина, URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=14510#.VeOnOSXtlHw>. (дата обращения: 10.12.2015).

⁴⁰ Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 185.

⁴¹ Ст. 1 общая для Женевских конвенций, принятых на Дипломатической конференции для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года.

⁴² Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 25.12.2014 № Пр-2976. – Российская газета, № 298 от 30.12.2014 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Полярный кодекс (оценки и комментарии в зарубежных правовых источниках)

Вылегжанин А.Н.*

Иванов Г.Г.**

Дудыкина И.П.***

В статье рассматривается, в контексте зарубежных правовых исследований, содержание нового международно-правового документа – Международного кодекса для судов, эксплуатируемых в полярных водах, его значение, предложенные толкования правил, в нем содержащихся, а также соотношение с иными источниками международного морского права, прежде всего с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.

Ключевые слова: Полярный кодекс; Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах; Конвенция об охране человеческой жизни на море; СОЛАС; Конвенция о защите морской среды; МАРПОЛ; Конвенция ООН по морскому праву.

С 1 января 2017 года начинает действовать Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах – «*International Code for Ships Operating in Polar Waters* (сокращенное наименование – «Полярный кодекс», «*Polar Code*») – новый международно-правовой документ, вносящий существенные уточнения в правовой режим судоходства в водах Арктики и Антарктики. Концепция и нормативное содержание этого документа «ваялось» более 20 лет, а прогнозы его применения, выдвинутые

---

* Вылегжанин Александр Николаевич – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного права МГИМО МИД России.

** Иванов Георгий Георгиевич – д.ю.н., профессор, профессор кафедры частного и гражданского права МГИМО МИД России.

*** Дудыкина Инна Петровна – к.ю.н. ilc48@mail.ru.

в зарубежных исследованиях, разные. Совпадающая же оценка этого документа сводится к весьма общей констатации того, что он имеет гармонизирующее значение для будущего международно-правового режима судоходства в полярных районах, прежде всего, в Северном Ледовитом океане, особенно для прибрежных к нему арктических государств, прежде всего для России и Канады, имеющих самые протяженные арктические побережья, вдоль которых проходят, соответственно, Северный морской путь и Северо-Западный проход.

Необходимость в Полярном кодексе¹. Целесообразность согласования на международном уровне единого юридического документа, применимого к регулированию судоходства в полярных районах, обозначалась, в основном, в связи с двумя факторами: уменьшением площади многолетнего (многовекового) льда в Северном Ледовитом океане и, соответственно, с ростом судоходства в арктических морях. Как отмечено в опубликованных за рубежом исследованиях, в арктических морях «с 1950-х годов медленно сокращалась площадь льда, при темпе 2,8-4,3% за десятилетие (с учетом спутниковых данных, полученных с 1979 г.), но с 1996 г. темп такого сокращения вырос до 10,7% за десятилетие»². Приводимые в исследованиях данные о сокращении многолетнего льда в Арктике, впрочем, отличаются друг от друга. Отмечено, например, что в Северном Ледовитом океане «с 1979 г. в летний период площадь льда сократилась на 40%», причем «только за семь лет, с 2005 по 2012 годы, площадь многолетнего льда уменьшилась на 50%»³. Более того, прогнозируется, что «до середины нашего века или, возможно, до 2030 года (or possibly before 2030) летом весь лед полностью растает в Северном Ледовитом океане»⁴. Обращено внимание не только на сокращение здесь площади льда, но и на значительное уменьшение его толщины⁵. Соответственно, уже зафиксирован некоторый рост числа судов, проходящих через Северный морской путь: в 2012 г. его восточную оконечность – Берингов пролив – пересекли порядка 150 судов в северном направлении («northbound») и 160 судов – в обратном, южном направлении («southbound transits»); в 2013 году эти показатели возросли: 167 судов – в северном направлении и 172 судна – в южном⁶. Отмечено, что в 2013-2014 гг. с конца августа, весь сентябрь и октябрь Севморпуть был «почти полностью свободен ото льда», так что проходящие через него суда (такие как танкер «Владимир Тихонов», водоизмещением 162000 тонн) могли идти со скоростью, развиваемой в «чистой воде» (свободной от льда), т.е. в среднем 14 узлов; соответственно, они могли пройти по Севморпути «всего за восемь дней»⁷. При этом в исследованиях показаны преимущества использования Севморпути – в сравнении

с путем через Суэцкий канал и через Индийский океан для перевозки грузов из Европы в Японию, Ю.Корею, Китай, иные развивающиеся экономики Азии. Конкретно, привлекательность Севморпути для судовладельцев объясняется в зарубежных исследованиях несколькими показателями: а) экономией времени судна в пути (на 19 дней, в сравнении с путем через Суэцкий канал, при перевозке груза из Мурманска в Кобе, Япония); б) экономией, соответственно, затрат на фрахт, топливо, продовольствие для экипажа и т.д.; в) соответствующим снижением выбросов с судов в атмосферу; г) отсутствием риска нападения пиратов на трассах Севморпути, в отличие от пути через Индийский океан⁸.

Но и при отмеченном росте площади льдов и при увеличении их толщины – в районах Антарктики⁹ – обозначена необходимость в международно-правовом уточнении стандартов безопасности судоходства в полярных водах. Так, в числе поводов к ускорению работы над Полярным кодексом названы и известные аварии у берегов Антарктиды в 2007 и 2008 годах двух судов¹⁰.

Разработка Полярного кодекса. В 1993 г. Международная морская организация (International Maritime Organization, далее – ИМО) создала «Внешнюю рабочую группу (Outside Working Group)» на уровне экспертов¹¹, и эта группа к 1998 г. предложила некие правовые контуры будущего Полярного кодекса: 1) документ должен основываться на уже принятых в ИМО правовых нормах о безопасности на море, охране окружающей среды и профессиональной подготовке моряков; 2) в фокусе документа должна быть охрана человеческой жизни на море в полярных районах и защита в этих районах морской среды от загрязнения с судов; 3) поддерживается подход, согласно которому Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) применима к «полярным водам»; 4) при составлении Полярного кодекса должны быть рассмотрены широкие знания и опыт (*extensive knowledge and experience*), аккумулированные в правовых режимах плавания во льдах (*ice navigation*) в Российской Арктике, Канадской Арктике (*the Russian Arctic, Canadian Arctic*), а также в Балтийском море (прежде всего, шведское и финское законодательство о сезонном плавании во льдах). Поддерживая деятельность «Внешней рабочей группы», ИМО одобрила «принципы гармонизации Полярного кодекса» (*Polar Code harmonization principles*), в числе которых следующие: – для плавания в полярных водах суда должны иметь «подходящее ледовое подкрепление» (*suitable ice strengthening*); – члены экипажа таких судов должны быть профессионально подготовленными; на «полярных судах (*polar vessels*)» должно быть установлено

«надлежащее навигационное оборудование»; «для каждого члена экипажа» должны иметься средства спасания (survival equipment); для судов, плавающих во льдах, должна быть установлена «единая классификация (a unified classes)»¹².

Заложив такую основу проекта Полярного кодекса, ИМО, однако, решила разработать и альтернативный документ – исключительно для вод Арктики, покрытых льдами. В 2002 г. ИМО одобрила такой документ – «Руководство для судов, эксплуатируемых в покрытых льдом арктических водах (*Guidelines for Ships Operating in Arctic Ice-covered Waters*)». Не будучи договорным источником международного права, данное Руководство имеет рекомендательный характер. Но и в ИМО, и в Арктическом Совете¹³ усилились призывы поднять на юридически обязательный уровень положения данного Руководства, да и в целом усовершенствовать (для применения в полярных водах) соответствующие конвенционные нормы, в первую очередь о безопасности на море и предотвращении загрязнения морской среды. Этот призыв был сформулирован в качестве ключевой рекомендации и по итогам международного исследования «Оценка арктического морского судоходства (*the Arctic Marine Shipping Assessments*)», организованного в 2004-2009 годах Арктическим Советом.

В параллель с этим, Международная ассоциация классификационных обществ (*International Association of Classification Societies*, далее также – МАКО), по результатам своей работы в 2006-2008 годах, разработала и приняла «Единые требования для судов ледовитого класса (*Unified requirements for Polar Class ships*)»¹⁴. Эти требования, в части описания типов льдов, соответствуют принятым Всемирной метеорологической организацией (*World Meteorological Organization*):

Ледовый класс судна (Polar Class – PC)	Общее описание (General Description) требования к судну
PC 1	Круглогодичное плавание в любых водах, покрытых льдами
PC 2	Круглогодичное плавание в условиях многолетнего льда средней толщины
PC 3	Круглогодичное плавание в условиях двухлетнего льда, с встречающимися участками многолетнего льда
PC 4	Круглогодичное плавание в условиях однолетнего льда большой толщины, с встречающимися участками старого льда

РС 5	Круглогодичное плавание в условиях однолетнего льда средней толщины, с встречающимися участками старого льда
РС 6	Плавание в летне-осенний период в условиях однолетнего льда средней толщины, с встречающимися участками старого льда
РС 7	Плавание в летне-осенний период в условиях однолетнего тонкого льда, с встречающимися участками старого льда

В контексте обозначенной многовекторной работы по уточнению действующего правового режима судоходства в покрытых льдами водах в полярных районах, в рамках ИМО с 2010 г. активизировалась работа по совершенствованию, применительно к таким районам, двух конвенций: Конвенции об охране человеческой жизни на море, 1974 г. с посл. поправками (International Convention for the Safety of Life at Sea – SOLAS; далее – СОЛАС); Конвенции о защите морской среды, 1973 г. с поправками, внесенными Протоколом 1978 г. (International Convention for the Prevention of Pollution from Ships 1973/1978 – MARPOL; далее МАРПОЛ). В частности, Подкомитет по проектированию и оборудованию судов (*the IMO Subcommittee on Ship Design and Construction*) рассмотрел широкий спектр вопросов, связанных с возможными поправками к Конвенции СОЛАС с тем, чтобы уточнить требования к судам, эксплуатируемым в полярных районах (Polar ships), в части их проектирования, строительства, обеспечения безопасности мореплавания, оборудования спасательными средствами и т.д. В свою очередь, в Комитете защиты морской среды (*the IMO's Marine Environmental Protection Committee*) был достигнут консенсус относительно отражения соответствующих положений Полярного кодекса в четырех приложениях к Конвенции МАРПОЛ: в Приложении I (о предотвращении загрязнения нефтью); в Приложении II (о предотвращении загрязнения ядовитыми веществами); в Приложении IV (о предотвращении загрязнения сточными водами); в Приложении V (о предотвращении загрязнения отходами). Наконец, Подкомитет ИМО по человеческому фактору в подготовке моряков и несении вахты (*the IMO's Sub-Committee on Human Element Training and Watch keeping*) позитивно рассмотрел те положения Полярного кодекса, которые относятся к профессиональной подготовке моряков и к требованиям в отношении их работы в условиях ледовой навигации.

В результате этапной разработки и согласования положений Полярного кодекса, в 2014 г. Комитет защиты морской среды ИМО одобрил

проекты поправок к Конвенции МАРПОЛ. В том же году Комитет по безопасности на море ИМО одобрил поправки к Конвенции СОЛАС. Последнее, в качестве новой главы Конвенции – XIV – вступят в силу 1 января 2017 г. Поправки будут применяться ко всем новым судам, построенным после вступления кодекса в силу. Что касается судов, уже спущенных к тому периоду на воду, то они, как планируется, должны соответствовать новым нормам еще через год (т.е. после 1 января 2018 г.)¹⁵.

В итоге в соответствующих Комитетах ИМО и в Международной морской организации в целом к маю 2015 г. была завершена работа над окончательным текстом Полярного кодекса. Полтора года (с середины мая 2015 г. по 1 января 2017 г.) предоставлено государствам для завершения внутренних законодательных процедур по принятию обозначенных дополнений и изменений в названные морские конвенции, по применению Полярного кодекса в целом, с учетом разного значения его составных частей, с точки зрения обязательности их исполнения.

Юридически обязательные и рекомендательные составляющие Полярного кодекса. Полярный кодекс, являясь международно-правовым актом, устанавливает международно-согласованные правила об эксплуатации судов в полярных районах. «Структура кодекса (Structure of the Code)» обозначена так: Полярный кодекс состоит из введения и частей I и II.

Введение «содержит обязательные положения (mandatory provisions)», применимые к обеим частям. Во введении определены, в частности, цели кодекса; термины; список источников опасностей в полярных водах; географические границы района действия кодекса.

Часть I кодекса названа «Меры по обеспечению безопасности (*Safety Measures*)». Она разделена на составные части: «I-A» и «I-B». Первая носит юридически обязательный характер, она и является новой главой – XIV – в Конвенции СОЛАС. А часть «I-B» носит рекомендательный характер, содержит «дополнительное руководство (*additional guidance*)» в отношении части «I-A».

Часть II Полярного кодекса названа «Меры предотвращения загрязнения (*Pollution Prevention Measures*)». Данная часть (как и Часть I) разделена на две составляющие – части «II-A» и «II-B»; «II-A» - юридически обязательна, составляет часть Конвенции МАРПОЛ; а часть «II-B» – это рекомендательное «дополнительное руководство».

В Полярном кодексе, в основном, используются термины в том же значении, в котором они используются в Конвенции СОЛАС (относительно положений, содержащихся в части I кодекса) и в Конвенции МАРПОЛ (относительно части II). Ключевые новые термины,

предусмотренные в Кодексе – те, которые обозначают суда категорий *A*, *B* и *C*. Конкретно, кодекс обобщенно классифицирует суда, допустимые к эксплуатации в полярных водах, в зависимости от их возможностей, выделяя всего три категории¹⁶:

– «Судно категории *A* (*Category A ship*)» – означает судно, сконструированное для эксплуатации в полярных водах, как минимум в условиях однолетнего льда средней толщины, с участками многолетнего льда;

– «Судно категории *B* (*Category B ship*)» – означает судно, не включенное в категорию *A*, которое сконструировано для эксплуатации в полярных водах, как минимум в условиях тонкого однолетнего льда, с участками многолетнего льда;

– «Судно категории *C* (*Category C ship*)» – означает судно, сконструированное для эксплуатации в открытых водах или в ледовых условиях менее сложных, чем те, которые обозначены для категорий *A* и *B*.

При этом, согласно кодексу, «ледовый (*полярный*) класс (*Polar class*)» означает тот ледовый класс, который установлен Администрацией государства регистрации судна или «организацией, признанной Администрацией на основе Единых требований Международной ассоциации классификационных обществ», описанных выше.

Несомненно, что для Администраций государств-участников конвенций СОЛАС и МАРПОЛ фундаментальное значение имеют именно те нововведения в эти конвенции, которые предусмотрены в «обязательных» частях Полярного кодекса – «I-A» и «II-A».

Зарубежные рецензенты Полярного кодекса единодушны в том, что он олицетворяет международно-правовое реагирование на «ключевые риски для окружающей среды (*the key environmental risks*)», сопряженные с навигацией в полярных водах¹⁷, как с точки зрения конструктивной безопасности судна, допускаемого государством регистрации к плаванию в таких водах, так и в плане обеспечения всего комплекса мер защиты морской среды в этих экологически уязвимых районах. Отмечается, что Полярный кодекс предусматривает специальные разрешения, которые с 1 января 2017 г. должно иметь на борту каждое судно, допущенное к навигации в полярных водах – «Свидетельство полярного судна (*Polar Ship Certificate*)»¹⁸. Свидетельство выдается судну после проверки на соответствие требованиям Кодекса, на определенный срок. Вопросы прохождения освидетельствования решаются согласно правилам конвенции СОЛАС. Свидетельство выдается Администрацией государства, под флагом которого судно осуществляет плавание, или же организацией, которая на то уполномочена данным государством. Свидетельство содержит основную информацию о судне: его название, отличительный номер или

позывной сигнал, брутто-регистрационный тоннаж, категорию и тип судна, порт регистрации, наличие необходимого оборудования; в свидетельстве также указывается индивидуально определенный идентификационный номер судна согласно системе ИМО.

Далее, в Полярном кодексе содержится норма о том, чтобы на борту каждого судна, допущенного к навигации в полярных водах, находилось «Наставление по эксплуатации в полярных водах (*Polar Water Operational Manual*)»¹⁹. Этот документ представляет собой некий аналог технического паспорта, ориентированный на учет специфики работы судна в полярных водах, отражающий технические возможности его навигации в высоких широтах, информацию о районе и особенностях плавания, инструкции для экипажа, информацию о возможности маневрирования судна во льдах.

Согласно главе 3 кодекса («Конструкция судна (*Ship Structure*)»)²⁰, допускаемые к нахождению в полярных водах суда должны быть построены из материалов, которые выдержат работу при особо низких температурах, причем во льдах. Решение о соответствии конструкции судна установленным требованиям принимается государством регистрации судна или организацией, уполномоченной на то таким государством.

Несомненно, что регулятивное значение имеют предусмотренные кодексом требования к водонепроницаемости судна и защищенности его от других атмосферных явлений²¹, положения кодекса о спасательных средствах и устройствах судна²², о планировании каждого выхода судна в полярные воды²³, о поддержании судном связи²⁴, о противопожарной безопасности на судне²⁵, положения об обеспечении надлежащей остойчивости судна²⁶, о повышенных требованиях к машинному оборудованию судна, допущенному к навигации в полярных водах²⁷.

Часть II Полярного кодекса предусматривает весьма детальные положения об охране окружающей среды. Обязательные для исполнения нормы кодекса представлены в следующих главах: – о предотвращении загрязнения нефтью (*prevention of pollution by oil*); – о защите от загрязнения токсичными жидкими веществами, перевозимыми наливом (*control of pollution by noxious liquid substances in bulk*); – о предотвращении загрязнения вредными веществами, перевозимыми по морю в упакованном виде (*prevention of pollution by harmful substances carried by sea in packaged form*); – о предотвращении загрязнения сточными водами с судов (*prevention of pollution by sewage from ships*); – о предотвращении загрязнения отходами с судов (*prevention of pollution by garbage from ships*).

Приложение I к конвенции МАРПОЛ уже предусматривает, что в районе Антарктики сброс нефти и нефтесодержащих смесей (*oil and*

oily mixtures) запрещен. Полярный кодекс, в дополнение к этому запрету, предусмотрел (в главе, посвященной загрязнению нефтью²⁸), что и в арктических водах сброс нефти и любых нефтесодержащих смесей запрещен. Вместе с тем, как отмечено зарубежными исследователями, при обсуждении данного вопроса отмечалось, что в арктических портах ощущается явный «недостаток в оборудованных приемниках нефти и нефтесодержащих смесей», как, впрочем, и оборудования для приема с судов балластных вод, сточных вод и отходов. В этом контексте предлагалось, в частности, обязать арктические государства обеспечить наличие в портах такого оборудования²⁹. В итоге в кодексе предусмотрены некоторые исключения из запрета сброса – в отношении, например, сброса чистого балласта.

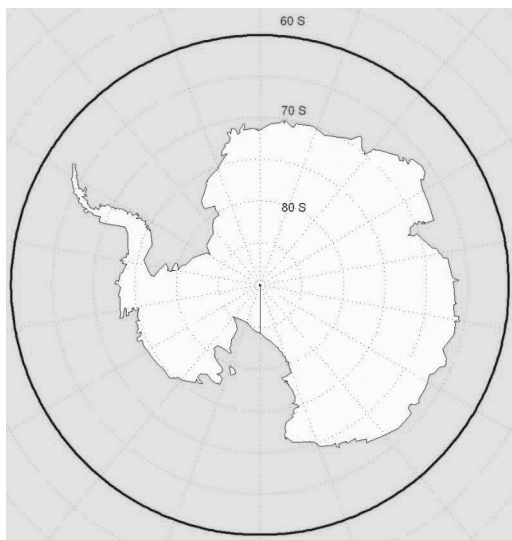
Кодексом предписано, что всякие нефтяные операции, проводимые экипажем судна в полярных водах, должны надлежаще учитываться в Журнале нефтяных операций, в Судовом плане чрезвычайных мер по борьбе с загрязнением нефтью и в Судовом плане чрезвычайных мер по борьбе с загрязнением моря. Такой учет производится согласно правилам, установленным в приложении I к МАРПОЛ.

Весьма предметно прописаны в Полярном кодексе особые условия перевозки вредных для окружающей среды жидких токсичных веществ³⁰, меры предотвращения загрязнения сточными водами³¹, предписан порядок сброса отходов с судов³².

С точки зрения науки международного права не меньшее значение имеет корректное понимание значения рекомендательных составляющих Полярного кодекса. Части «I–B» и «II–B», как уже было отмечено, это суть «дополнительные руководства» к исполнению каждой из обязательных частей Кодекса. Эти руководства представляют собой уточнения, рекомендованные правила, называемые в зарубежной международно-правовой литературе “soft law”, некоторые из них имеют вид таблиц и даже формул.

Район действия Полярного кодекса ограничен понятием «полярных вод», то есть арктическими водами и морским районом Антарктики, описание которых содержится в тексте документа. Ниже воспроизведены схемы района действия кодекса (из его текста):

– в районе Антарктики (совпадает с районом действия Договора об Антарктике)

– в Северном Ледовитом океане и примыкающих к нему морских районах:

В кодексе констатируется, что эти два района полярных вод различны по правовому статусу и географическому положению, что документом учтено.

В зарубежном исследовании, при комментировании вопроса о «значении Полярного кодекса ИМО для арктического судоходства (the significance of the IMO Polar Code for Arctic Shipping)», отмечено, что район действия Полярного кодекса «охватывает оба полюса», и Северный, и Южный³³. Уточним, однако, что Южный полюс находится на материке Антарктида, и если даже предположить, что речь идет об эвентуальном судоходстве в далеком будущем по антарктическим озерам или рекам, к такому судоходству Конвенции СОЛАС, МАРПОЛ не применимы.

Соотношение Полярного кодекса с другими международно-правовыми источниками. Обязательные части Полярного кодекса подлежат исполнению государствами-участниками конвенций и СОЛАС, и МАРПОЛ, для этого в данные конвенции, как отмечалось, внесены соответствующие поправки. Т.е. исполнение этих конвенционных предписаний – суть исполнение обязательных составляющих Полярного кодекса.

Не столь просто решается вопрос о международно-правовом характере тех положений кодекса, которые носят рекомендательный характер.

В зарубежной правовой литературе напоминает, что весь Полярный кодекс (а не только его обязательные составляющие) принят межправительственной международной организацией – ИМО – и как документ такой организации кодекс уже имеет международно-правовое значение³⁴. Но документы международной организации не названы «в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм» в статье 38 Статута Международного Суда ООН. Скорее, международно-правовое значение «рекомендательных» положений кодекса надо оценивать в контексте общего (обычного) международного права и универсальных морских конвенций, прежде всего, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Конвенция 1982 г. предусматривает в ст. 194 меры «по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды», которые включают, наряду с другими, меры, направленные на уменьшение в максимально возможной степени: загрязнения с судов; загрязнения «от установок и устройств, эксплуатируемых в морской среде»; меры «по обеспечению безопасности работ на море»; «по регламентации проектирования, конструкции, оборудования ... и эксплуатации таких установок или устройств». Такие меры принимаются государствами как «совместно» (в случае с мерами, предусмотренными в Полярном кодексе), так и «индивидуально», но при выполнении общего обязательства – государства при этом «стремятся согласовать свою политику в этом

отношении» (п. 1 ст. 194 Конвенции 1982 г.). Как отмечено в многотомном Комментарий к Конвенции 1982 г., это обязательство «относится и к субстантивным нормам права, и к обеспечению выполнения национального законодательства (relates both to the substantive rules of law and to enforcement of national legislation)»³⁵. В ст. 211 Конвенции 1982 г. («Загрязнение с судов») предусмотрено: «Государства, действуя через компетентную международную организацию или общую дипломатическую конференцию, устанавливают международные нормы и стандарты для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды с судов и содействуют установлению таким же образом, по мере необходимости, систем путей для сведения к минимуму угрозы аварий, которые могут вызвать загрязнение морской среды, включая побережье, и ущерб от загрязнения связанным с ним интересам прибрежных государств».

Принимаемые государствами законы и правила по предотвращению загрязнения морской среды должны, согласно Конвенции 1982 г., «быть по меньшей мере столь же эффективными, что и общепринятые международные нормы и стандарты» (п.2 ст. 211). В упомянутом многотомном Комментарий к Конвенции 1982 г. отмечено: слова «по меньшей мере» означают здесь, что нормы национального законодательства «могут быть более строгие (may be stricter), при условии, что они являются недискриминационными (nondiscriminatory)»³⁶. Это положение особенно важно в контексте ст. 234 Конвенции 1982 г. («Покрытые льдом районы»). В ней предусмотрено: «Прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его. В таких законах и правилах должным образом принимаются во внимание судоходство и защита и сохранение морской среды на основе имеющихся наиболее достоверных научных данных».

Как отмечено в многотомном Комментарий к Конвенции 1982 г., эта статья – «одна из немногих положений Конвенции, которая согласовывалась непосредственно на переговорах между заинтересованными государствами (the States concerned), в данном случае, между Канадой, СССР и США». Это еще – и «единственное положение (the only provision)»

в Части XII Конвенции, согласно которому прибрежному государству предоставлено право «принимать свои недискриминационные законы и правила (its own nondiscriminatory laws and regulations), применимые в его исключительной экономической зоне и обеспечивать их выполнение»³⁷. Авторы Комментария подчеркивают, что данная статья – это «*lex specialis* в отношении правил ст. 211».

Напомним, что согласно п. 5 ст. 211 в общем случае природоохранные законы и правила прибрежного государства, принятые в отношении его 200-мильной исключительной экономической зоны, должны соответствовать «общепринятым международным нормам и стандартам». А п. 6 этой же статьи предусматривает порядок взаимодействия прибрежного государства с компетентной международной организацией с тем, чтобы обеспечить это соответствие.

В этом контексте ст. 234 – это и «спасательная норма» для случая, если компетентная международная организация (имеется в виду ИМО) и прибрежное государство не придут к согласию, каким должно быть это соответствие. По смыслу ст. 234, ее положения «не принимают во внимание (overrides)» ст. 211, но только – «в пределах географических районов, к которым она относится»³⁸ (т.е. в пределах покрытых льдом районах его исключительной экономической зоны).

Означает ли, в этом контексте, что с 2017 г. будут применяться лишь положения Полярного кодекса (как *lex posterior* – последующая норма, по отношению к норме Конвенции 1982 г.); и не применима ст. 234 Конвенции 1982 г.? Нет, конечно. Как уже отмечено, не все положения Полярного кодекса имеют договорный характер и в этом качестве обязательны к исполнению; в отличие от Конвенции 1982 г., все нормы которой имеют договорный характер.

Теоретически может быть поставлен и вопрос (не поставленный, впрочем, в цитируемых зарубежных научных трудах): что является применимым, если какая-то норма законодательства арктического государства расходится с соответствующей нормой Полярного кодекса? Сугубо в рамках ст. 234 Конвенции 1982 г., применимой будет норма законодательства соответствующего арктического государства.

Другие комментарии к Полярному кодексу в зарубежной литературе по международному праву. В своей работе «Будущее арктической морской деятельности и логистика судоходства» Б. Гуннарссон обращает внимание на то, что Полярный кодекс «будет использоваться арктическими государствами для развития своего законодательства о безопасности судов при плавании во льдах, подготовке моряков, а также для

установления законодательных требований к конструкции судов, их ледовому классу, природоохранным характеристикам»³⁹.

В связи с разработкой и принятием Полярного кодекса зарубежными учеными в более широком плане выявляются проблемы международно-согласованного управления судоходством в Северном Ледовитом океане. При этом акцент сделан на «ключевой» констатации того, что «Арктической морской инфраструктуры недостает в большей части региона (is lacking in most of the region)»⁴⁰. В обоснование такой констатации автор ссылается на результаты двух исследований: Канадская оценка арктического судоходства (*the Canadian Arctic Shipping Assessment*), 2007 г.; и уже упомянутое исследование, организованное в 2009 г. Арктическим Советом (*the Arctic Council's Arctic Marine Shipping Assessment*). Конкретно, в зарубежных исследованиях указываются следующие недостатки в «морской инфраструктуре» Арктического региона.

Во-первых, «недоступность имеющихся арктических портов и их плохие условия (inaccessibility and poor conditions of existing Arctic ports)». Особое внимание обращено на «ограниченную инфраструктуру в северо-западной части Аляски»⁴¹. Во-вторых, отмечено, что подобные недостатки присущи и российскому арктическому побережью: только «глубоководный порт в Мурманске» предполагает надлежащие портовые услуги. Порт Дудинка находится не на арктическом морском побережье, а на реке Енисей, и заход судов туда сопряжен с потерей времени при проходе по Северному морскому пути; а «порты далее на восток – на берегах морей Лаптева, Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова – находятся в очень плохом состоянии (are in very poor condition)»⁴².

Но, как отмечено, если даже российские порты на арктическом побережье и «предоставляли бы лучшие портовые услуги и оборудование, то ограничения по глубине вод в этих портах все равно делали бы эти порты недоступными для больших грузовых судов, проходящих через Северный морской путь» (inaccessible for larger cargo ships sailing on the NSR)⁴³. Этот недостаток в портовом обустройстве российского арктического побережья очевиден, по мнению аналитика, на фоне той привлекательности использования Северного морского пути, которая имеется сегодня с учетом таяния льдов на его акваториях: «Летний навигационный период на Северном морском пути сейчас составляет пять месяцев, с июля по ноябрь» и странно не пользоваться этим для экономического развития инфраструктуры этого пути, в контексте правовых возможностей, в т.ч. отраженных в Полярном кодексе⁴⁴.

Выводы. Хотя правовой режим полярных районов – Арктики и Антарктики – традиционно рассматривается не в рамках международного

морского права, а в контексте проблематики территории в международном праве, тем не менее Полярный кодекс, принятый ИМО, следует квалифицировать как источник международного морского права. Правила, им предусмотренные, регулируют отношения между государствами и иными субъектами международного права, возникающие в связи с судоходством в полярных водах. Полярный кодекс предлагает международно-правовые способы реагирования на основные риски, сопряженные с навигацией в полярных водах, с точки зрения конструктивной безопасности судна, допускаемого государством регистрации к плаванию в таких водах, и в плане обеспечения всего комплекса мер защиты морской среды в этих экологически уязвимых районах. После 1 января 2017 г. будут применяться и положения Полярного кодекса, и ст. 234 Конвенции 1982 г. (об особых правах прибрежного государства регулировать судоходство в районах его исключительной экономической зоны, покрытых льдом). В этом смысле Россия и Канада, как государства с самым протяженным арктическим побережьем, сохраняют право, на основе данной статьи, регулировать судоходство в таких районах, соответственно, на акваториях Северного морского пути и Северо-западного прохода. Но позитивное значение Полярного кодекса видится, прежде всего, в гармонизации правил о безопасности на море и защите морской среды при судоходстве во всяких полярных районах, что объективно отвечает долгосрочным интересам всех государств.

The Polar Code (Comments in Foreign Legal Sources) (Summary)

Alexander N. Vylegzhanin*

Georgy G. Ivanov**

Inna P. Dudikina***

The paper addresses the content of a new International document – the International Code for Ships Operating in Polar Waters- in the context of foreign teachings on the subject. Special attention is devoted to the legal significance of the Polar Code and its relation to other sources of the Law of the Sea, including the UN Convention on the Law of the Sea, 1982.

Keywords: the Polar Code; the International Code for Ships Operating in Polar Waters; International Convention for the Safety of Life at Sea; SOLAS; International Convention for the Prevention of Pollution from Ships; MARPOL; UN Convention on the Law of the Sea.

¹ Исследованы зарубежные материалы, представленные в следующих источниках: The Arctic in World Affairs. A North Pacific Dialogue on the Future of the Arctic. Ed. by O. Young, J. Kim, Y. Kim. 2013 North Pacific Arctic Conference Proceedings. KMI and East-West Center. Published in December 2013. Honolulu. USA. P.1-80. Report on the Goals and Objectives for the Arctic Research 2015-2016 for the US Research Program Plan. Washington, DC. 2015. P.1-29. Policy Brief № 4. Arctic Climate Change. Economy and Society. By L.Brigham. P. 1-4. Environmental Security in the Arctic Ocean. Ed.by Berkman P.A. and Vylegzhanin A.N. Springer. Dordrecht. 2013.460 P. Alaska and the New Maritime Arctic. Conference Report. Ed. Brigham L.W. University of Alaska Fairbanks. 2014. P. 1-25.

² Wadhams P. Diminishing Sea-Ice Extent and Thickness in the Arctic Ocean/ Environmental Security in the Arctic Ocean. Ed.by Berkman P.A. and Vylegzhanin A.N. Springer. Dordrecht. 2013. P. 16.

³ Gunnarsson B. Operations and Shipping Logistics. The Arctic in World Affairs. A North Pacific Dialogue on the Future of the Arctic. Ed. by O. Young, J. Kim, Y. Kim. 2013 North Pacific Arctic Conference Proceedings. KMI and East-West Center. Published in December 2013. Honolulu. USA. P. 42.

⁴ Ibid. P. 42-43.

⁵ Wadhams P. Op.cit. P. 21-25.

---

* Alexander N. Vylegzhanin – Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Chair, MGIMO MFA Russia.

** Georgy G. Ivanov – Doctor of Laws. Professor of the Chair of Private and Civil law, MGIMO MFA Russia.

*** Inna P. Dudikina – Ph.D in Law. ilc48@mail.ru.

- ⁶ Alaska and the New Maritime Arctic. Conference Report. Ed. Brigham L.W. University of Alaska Fairbanks. 2014. P. 14.
- ⁷ Gunnarsson B. Op.cit. P. 42.
- ⁸ Ibid. P. 45-46.
- ⁹ Констатируется: “Antarctic sea ice extent is currently expanding”. Wadhams P. Op.cit. P. 15.
- ¹⁰ См.: В. Пересыпкин, Л. Цой, В. Шурляк: Международный Полярный кодекс: российские предложения. Электронный ресурс / Морской флот №4 (2012).
Режим доступа: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=29222>
- ¹¹ В этом контексте не вполне точно утверждение, высказанное в зарубежной науке: «Navigation in Polar Waters was first addressed by the IMO in 2002»./Deggim H. IMO perspective/The Arctic in World Affairs. A North Pacific Dialogue on the Future of the Arctic. Ed. by O. Young, J. Kim, Y. Kim. 2013 North Pacific Arctic Conference Proceedings. KMI and East-West Center. Published in December 2013. Honolulu. USA. P. 62. Иной год решения ИМО о разработке Полярного кодекса назвали авторитетные специалисты ЦНИИМФ: «Впервые решение о разработке международного Полярного кодекса было принято Международной морской организацией (ИМО) в 1996 г.» – См. В.Пересыпкин, Л.Цой, В.Шурляк/Морской флот №4 – <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=29222>. Отметим, что исследование технических вопросов безопасности плавания судов во льдах, отраженных в Полярном кодексе, и, особенно, сопоставление требований кодекса с требованиями, применяемыми в Российской Федерации, выполнено в статье специалистов ЦНИИМФ очень профессионально.
- ¹² Policy Brief № 4. Arctic Climate Change. Economy and Society. By L.Brigham. P. 3/4
- ¹³ Межправительственный форум, учрежденный на основе Оттавской декларации восьми арктических государств 1996 г. См. текст декларации, а также в целом об Арктическом совете: Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в трех томах. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. Науч. ред. А.Н. Вылегжанин. М. 2013. С.175 и сл.
- ¹⁴ Policy Brief № 4. Arctic Climate Change. Economy and Society. By L.Brigham. P. 4.
- ¹⁵ См. сайт ИМО – <http://www.imo.org/Pages/home.aspx>
- ¹⁶ Polar Code. Introduction, 2.1, 2.2, 2.3.
- ¹⁷ Gunnarsson B. Op. cit. P. 54; Deggim H. Op.cit. P. 64.
- ¹⁸ Polar Code. Part I-A Chapter 1 – General, 1.3 Certificate and survey/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ¹⁹ Polar Code. Part I-A, Chapter 2 – Polar water operational manual (PWOM)/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²⁰ Polar Code. Part I-A, Chapter 3 – Ship structure/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²¹ Polar Code. Part I-A, Chapter 5 – Watertight and weather tight integrity.
- ²² Polar Code. Part I-A, Chapter 8 – Life-saving appliances and arrangements/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²³ Polar Code. Part I-A, Chapter 11 – Voyage planning/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²⁴ Polar Code. Part I-A. Chapter 10 – Communication/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²⁵ Polar Code. Part I-A, Chapter 7 – Fire safety/protection/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²⁶ Polar Code. Part I-A, Chapter 4 –Subdivision and stability, International Code for Ships Operating in Polar Waters.

- ²⁷ Polar Code. Part I-A, Chapter 6 – Machinery installations.
- ²⁸ Polar Code. Part II-A Chapter 1. Prevention of pollution by oil/International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ²⁹ Gunnarsson B. Op.cit. P. 64-67.
- ³⁰ Polar Code. Part II-A Chapter 2. Control of pollution by noxious liquid substances in bulk/ International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ³¹ Polar Code. Part II-A Chapter 4. Prevention of pollution by sewage from ships.
- ³² Polar Code. Part II-A, Chapter 5. Prevention of pollution by garbage from ships / International Code for Ships Operating in Polar Waters.
- ³³ Gunnarsson B. Op. cit. P. 54.
- ³⁴ Deggim H. Op.cit. P. 64, etc.
- ³⁵ United Nations Convention on the Law of the Sea. A Commentary. Vol. IV. Ed.-in-Chief M.H. Nordquist. Dordrecht/Boston/London. 1990. P. 64.
- ³⁶ United Nations Convention on the Law of the Sea. A Commentary. Vol. IV. P. 203.
- ³⁷ United Nations Convention on the Law of the Sea. A Commentary. Vol. IV. P. 393.
- ³⁸ United Nations Convention on the Law of the Sea. A Commentary. Vol. IV. P. 393.
- ³⁹ Gunnarsson B. Op. cit. P. 54.
- ⁴⁰ Conference Report. Anchorage, Alaska. November 6-7, 2013. Ed. Brigham L.W. P. 3.
- ⁴¹ Conference Report ... P. 5.
- ⁴² Gunnarsson B. Op.cit. P. 50.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid. P. 45.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международное управление устойчивым развитием: пределы необходимого и возможного

Малеев Ю.Н.*

Устойчивое развитие в современных условиях предполагает повышение роли международного управления этим процессом, в котором особо возрастает роль международных организаций, прежде всего – ООН. Реализация данной Концепции связана, кроме прочего, не только с применением силы в антикризисных, анти конфликтных мер, но и с решением острых политических, социальных и экологических ситуаций. Четкое определение пределов объективно необходимого и возможного в таких мерах – исключительно актуальная современная проблематика.

Ключевые слова: международное управление; устойчивое развитие; международный конфликт, кризис; антикризисное управление; использование силы; внутренние дела; превентивные операции.

Всем знаком термин «устойчивое развитие». Но при изучении темы оказывается, что тематика международного управления таким развитием оказывается за рамками пристального внимания отечественной доктрины международного права.

Нет смысла дополнительно раскрывать понятие «устойчивое развитие», которое было введено в мировую политику и науку известной комиссией Брутланд (создана в 1984 году) в контексте Всемирной стратегии охраны природы (ВСОП), принятой в 1980г.¹ (Вторая редакция ВСОП, получившая название «Забота о планете Земля – Стратегия устойчивой жизни» была опубликована в октябре 1991 г.)

---

* Малеев Юрий Николаевич – д.ю.н., профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. Ps48@mail.ru.

Но есть смысл подчеркнуть, что именно с тех пор концепцию устойчивого развития все чаще стали понимать шире: как включающую в себя *не только экологическую составляющую*, но и захватывающую другие сферы жизни общества, которые лишь в совокупности могут обеспечить должное развитие. В этом контексте следует понимать также историческое решение принятого главами правительств и лидеров 179 стран в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) решения об изменении курса развития всего мирового сообщества. Без «международного управления» такое «изменение курса» нет смысла начинать не только на уровне «всего мирового сообщества», но и на любом другом уровне.

Кроме того, каждое государство в отдельности, намереваясь участвовать в международном управлении, должно отвечать определенным критериям. Они предусмотрены, к примеру, в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г.). Она следует рекомендациям и принципам, изложенным в документах Конференции в Рио-де-Жанейро 1992 года, руководствуется ими.

Важно и то, что *Всемирный саммит ООН по устойчивому развитию* в 2002 году (Йоханнесбург, ЮАР) подтвердил приверженность всего мирового сообщества идеям устойчивого развития, разработанным, кроме прочего, на Конференции ООН по проблемам окружающей среды в 1972 году (Стокгольмская декларация 1972 г.). Хотя СССР (соответственно – и Россия) не участвовал в данной Конференции, принятые на ней документы продолжают сохранять значение для российского права.

В Плате выполнения решений данного Всемирного саммита специально подчеркивалось, что основу устойчивого развития на национальном уровне составляют продуманная экологическая, *социальная и экономическая политика (выделено мною – автор)*². Отметим также, что в п. 2.2 «Повестки дня на XXI век», принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, указывается: «Большое значение для устойчивого развития имеют как экономическая политика отдельных стран, так и международные экономические отношения». И заметим, что низкая эффективность (как отмечают многие эксперты) указанной Повестки только обостряет внимание к необходимости поисков эффективных совместных международных (и, разумеется, национальных) методов управления устойчивым развитием.

В связи с этим непременно следует отметить и тот факт, что на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. (считайте – «сегодня») без голосования принята Резолюция «Преобразование

нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», в которой закреплены 17 целей устойчивого развития и подчеркивается единство его трех компонентов: экономического, социального и экологического. Здесь специально указывается на необходимость поощрять универсальную, открытую, недискриминационную и справедливую многостороннюю торговую систему в рамках ВТО, в том числе благодаря завершению переговоров по ее Дохинской повестке дня в области развития (п.17.10).

Когда мы повторяем и другие даты и события в интересующем нас плане (например, Экономический Форум в Давосе в 1999 г., в 2016 г.; Конференция министров на тему «Окружающая среда для Европы», Киев, 2003 г.), в нашем уме постоянно как бы звучат слова: «Но ведь все это – стремление совместно, международно управлять, а не просто сотрудничать».

Полагаю, что особая роль в этом процессе международных инвестиционных отношений не требует обоснования³. (Хотя следует иметь в виду неудачу с 20-летней попыткой государств – членов ОЭСР согласовать проект Многостороннего инвестиционного соглашения⁴).

Отметим также важную роль Всемирного банка, специализированного учреждения ООН, в которого входят: Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международная ассоциация развития (МАР), Многостороннее агентство гарантии инвестиций (МАГИ). Предоставление Всемирным банком кредитов, займов и оказание другой помощи в экономическом развитии государствам, несомненно, способствует укреплению «управленческого механизма» устойчивым развитием.

Как отмечает В.Н. Кузнецов, достижение должного уровня устойчивого развития требует *согласованных действий мирового сообщества* с целью выявления имеющихся противоречий, определения путей их возможного разрешения и *глобального управления этими процессами*, включая разработку и законодательное закрепление механизмов реализации концепции устойчивого развития⁵.

Полагаю, что речь можно вести не обязательно о глобальном управлении, но и о региональном, ином многостороннем (и даже, иногда – о двустороннем) управлении.

Резкие изменения в международных отношениях конца XX - начала XXI века не позволяют с оптимизмом говорить о глобализации и даже о регионализации. И тем не менее:

– сохраняется необходимость принятия эффективных, кроме прочего, международно-правовых мер устойчивого развития;

– Указы Президента России от 4 февраля 1994 г. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» и от 1 апреля 1996 г. «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» прямо указывают на преимущество по отношению к принципам и подходам, сформулированным Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. Они не утратили силу;

– в Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31.08.02 № 1225-р. определена основная задача в области международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Концепция устойчивого развития нашла отражение и в других федеральных законах;

– данная Концепция направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе – на сокращение числа разрушительных конфликтов;

– без справедливого распределения ресурсов и возможностей между всеми членами человеческого общества устойчивое развитие невозможно. Постоянно будут революции или иные насильственные акции. *Гарантированный* минимальный уровень жизни должен быть неотъемлемым правом любого гражданина;

– нужна более действенная координация в масштабе планеты, отдельных стран и регионов по решению таких насущных проблем, как (кроме прочего): предотвращение войн, других вооруженных конфликтов; борьба с опустошением, голодом, эпидемиями, детской смертностью и другие.

О международном управлении написано и будет написано много, в том числе – автором настоящей статьи⁶. Но возвращаться к этой теме приходится постоянно, особенно в контексте исторических перемен, произошедших после крушения СССР.

Как писал в конце прошлого века один из аналитиков: «Нынешний виток «рассеянной» дестабилизации отражает кризис миросистемного регулирования – по-видимому, самый глубокий со времен последней мировой войны. Смысл разговора о нем – не в провозглашении неизбежности новой войны, а в остроте потребности соединить усилия в интересах *реформы международного управления*. Исторически подтверждаемая ненадежность многополярной структуры мироуправления в новых международных условиях заставляет трезво оценивать вырисовывающуюся ей альтернативу *управления однополярного*. Оно может оказаться далеко не худшим вариантом развития – при условии, что центр глобального регулирования будет представлять собой сплоченное

единство ограниченного круга ответственных государств. Задача России – обрести свое место в этом ответственном клубе, который вряд ли станет первым незамутненным образцом демократизма мировой политики, но может компенсировать падение управляемости и предотвратить разрастание типологически новых и оттого лишь более опасных «рассеянных» угроз».⁷

Полагаю, что в контексте нового витка «рассеянной дестабилизации» начала XXI века и этот аналитик сегодня не совсем полагался бы на свои мысли 1993 года, приведенные выше. Но в любом случае приходится взвешенно подходить к оценке прежних оптимистичных концептуальных подходов к проблематике международного управления. Особенно его универсального варианта в плане формирования системы, напоминающей мировое правительство. (Под эгидой ООН, разумеется).

В этом отношении для меня весьма значимыми являются тезисы, высказанные Министром иностранных дел России И.С. Лавровым в 2004 году⁸. Важными и потому, что их автор – Министр иностранных дел, и потому что России, и потому, что они выражают мысли большинства «трезво думающих, но не всегда высказывающих» лиц того времени. (Интересно было бы знать, что сегодня думают эти лица).

В частности, в 2004 году для Министра иностранных дел России стало очевидно, что исчезновение «негативной стабильности эпохи холодной войны» способствовало обострению многочисленных региональных конфликтов. «Опасной тенденцией, – пишет он, – стало их превращение в реальные или потенциальные очаги терроризма, преступности, наркоторговли и распространения оружия массового уничтожения. Всему этому способствуют сохраняющиеся во многих регионах нищета, безработица, напряженность на социально-экономической, межнациональной и религиозной почве, создающие питательную среду для экстремистских настроений»⁹.

«Устойчивая неразвитость» – такой характерный в этом плане термин все чаще звучит на различных международных форумах. Как отмечает И.С. Лавров:

– Важнейшая проблема мировой экономики начала XXI в. – преодоление бедности и отсталости, которые характерны, прежде всего, для развивающихся стран, где проживает почти 2/3 населения Земли. Поэтому данную глобальную проблему часто называют проблемой преодоления отсталости развивающихся стран. Для большинства этих стран характерны ужасающие масштабы нищеты;

– Сохранение такого положения формирует в широком общественном сознании этих стран негативное отношение к существующему в мире

порядку. Это выражается в идеях об ответственности развитых стран за положение в развивающихся странах, а также в требованиях перераспределения доходов в мировой экономике, «уравниловки» в мировом масштабе (движение за установление нового международного экономического порядка);

– другое направление поисков более надежного международного управления связано с совершенствованием механизмов многостороннего сотрудничества. Наиболее универсальным из них, несомненно, является ООН. Эта организация не требует рекламы, обладая громадным и уникальным опытом деятельности на глобальном и региональном уровне. Важно добиваться того, чтобы она была готова более эффективно реагировать на кризисы, чтобы были установлены более четкие критерии применения принудительных мер, включая силовые, и не обязательно по решению Совета Безопасности. Эта тема, которая в последние годы всплывает под разными названиями – «гуманитарная интервенция», «безопасность человека», «право на защиту», – стала одной из центральных в работе созданной генеральным секретарем ООН Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам;

– ...еще одно направление нового мироустройства касается дальнейшего укрепления международного права. Россия не рассматривает его как раз и навсегда установленную догму. Так же, как и национальное законодательство, международное право должно следовать за жизнью. В частности, необходимость выработки подходов к гуманитарным катастрофам показывает, что международное право нуждается в совершенствовании, в заполнении определенного вакуума¹⁰.

Так что же из себя может представлять «новое международное право»?¹¹

Предполагается, что оно прогрессивно развивается в направлении формирования некоего содержательно нового права, адекватно отвечающего объективным реалиям современных международных отношений, с точки зрения международного управления. И влияют на этот процесс, прежде всего, такие факторы: исчезновение биполярной системы мира после распада СССР; резкое усиление силового начала в международных отношениях; информационная глобализация на основе Интернета; активная экономическая интеграция; возрастание глобального (и решающего для судеб человечества) ресурсного фактора; всплеск цивилизационного противостояния; тенденции ограничения суверенитета государств во имя коллективных целей¹².

Некоторые аналитики не так давно утверждали, что «современное мировое сообщество приобретает ...характер *единого целостного*

организма – глобального по масштабам и последствиям»¹³. Транснациональные корпорации (ТНК), которые иногда предлагается даже признать субъектами международного права, якобы, подают в этом отношении пример.

Нельзя с безоговорочным оптимизмом расценивать усилившееся в этих условиях взаимовлияние и взаимодействие национальных правовых систем друг с другом, региональными системами и общим международным правом¹⁴. Но процесс идет и основное в его базисе сегодня – перелив капитала, который (наряду с трансграничным движением товаров и услуг) все увереннее приобретает транснациональный характер, способствуя усилению роли международного управления. Возникновение системного единого экономического пространства (ЕЭП)¹⁵ в этом плане показывает, возможно, образец.

Одновременно идущий процесс формирования глобального единого информационного пространства планеты (ГЕИП), региональных и других ЕИП побуждает еще активнее переосмысливать сложившуюся «традиционную» международно-правовую надстройку, не подгоняя под нее насильно то, что не умещается в прежние формы.

В.М. Шумилов полагает целесообразным оставаться в рамках относительно устоявшейся концепции «транснационального права» (ТНП), когда участники международных отношений самостоятельно вырабатывают нормы взаимного поведения, которые представляют собой «синтетическую правовую сферу, где взаимодействуют субъекты как международного права, так и внутригосударственного права»¹⁶. Споры относительно ТНП будут еще долго, на наш взгляд, продолжаться. Но возможно, что, как и предсказывает И.С. Лавров (см. выше), нарастает процесс передачи решения наиболее важных для коллектива государств вопросов с уровня международного договора на уровень решения международного органа.

Как представляется, государства и другие участники международных отношений все более начинают оценивать преимущества институционального международного управления, коллективной воли в рамках международных организаций по сравнению с традиционным договорным (и обычно – правовым) механизмом. Не случайно все чаще предлагается тщательно взвешивать, насколько целесообразно ограничиваться заключением договора без передачи решения проблематики на уровень действующей международной организации или учреждения новой.

Можно считать признаком нового международного права усиление прогрессивной роли коллективной воли (ее относительной автономности) международных организаций. Нормативная система Европейского

Союза и ее квинтэссенция – Лиссабонский договор 2007 года наглядно это демонстрирует хотя бы как попытку¹⁷.

Вообще, феномен «европейского права» существует как бы сам по себе, не будучи ни международным правом, ни внутригосударственным правом. Некоторые авторы¹⁸ стремятся обосновать, что «европейское право» является частью международного права со своими особенностями. Но другие полагают, что это действительно феномен международно-правового происхождения (не исключено, что временного порядка), в котором коммунитарное начало (истоки его следует искать еще до нашей эры) находится в тесном переплетении с субсидиарным началом (внутригосударственным правом), но не сливается с ним¹⁹.

Наднациональное решение (как и любое иное решение) международной организации нельзя уравнивать с международным договором по своей юридической природе и силе. И, судя по всему, все большее понимание приобретает концепция постепенного перехода именно к институциональной форме международного управления.

В настоящее время выстраивается пока что, в основном, кризисное (антикризисное, пост-кризисное) управление²⁰, которое может быть эффективным лишь в рамках институционного механизма (хотя бы временного). При этом, похоже, «ресурсный» аспект привлекает наибольшее внимание в силу наступления ресурсного голода, прежде всего, в сфере энергетических ресурсов²¹. Хотя, повторим, исследуемая проблематика носит более общий характер, состоящий в том, что будущий миропорядок в целом должен основываться на коллективных механизмах решения мировых проблем²².

В этом плане нельзя не напомнить, что по инициативе России в 2004 году были приняты резолюции Совета Безопасности ООН 1540 и 1566 в отношении: четкого определения терроризма; режима нераспространения ОМУ в части доступа негосударственных субъектов к такому оружию и его компонентам; недопустимости укрывательства пособников терроризма от правосудия. На основе решений Совета Безопасности должна продолжаться соответствующая «управленческая» работа на универсальной основе. Речь идет о продвижении проекта Международной конвенции о борьбе с терроризмом и российского проекта Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма.

Много споров вызывает сопряженный с темой «гуманитарных интервенций» вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости реагировать на кризисы в тех или иных странах (Сирия в этом плане – наиболее актуальный пример)²³. Над «международным

управлением», а проще – над поиском верного международно-правового ответа, предстоит непростая работа.

И непременно с позиций управления международными конфликтами. В этом плане приоритетного внимания заслуживает новейшая концепция, развиваемая американскими конструктивистами. О.Г. Карпович, исследующий эту концепцию²⁴, выделяет в ней ряд важных положений, требующих внимательной оценки:

– социальная реальность не является ни неизменно данной, ни рационально предопределенной. Отсюда вытекают три основных принципа конструктивизма: культурная, историческая и политическая обусловленность социального действия;

– международные отношения – система, возникшая на Западе и продолжающая отражать и воспроизводить мышление западной цивилизации, оставаясь относительно закрытой для влияний из не западных частей мира;

– **Принцип исторической обусловленности** типа внешнеполитического поведения демократии предполагает реконструкцию реально существовавших форм демократии, исходя из исторического контекста. Демократия без учета социально-экономических характеристик оказывается лишь проекцией одного общества на другое без учета культурных особенностей последнего. Демократия не может насаждаться, если она порождает угрозу дестабилизации культурных сообществ;

– Международные отношения – «борьба» – конкуренция за культурные смыслы и культурное самоопределение, а не за власть или утверждение идеалов либерализма. И власть и свобода – лишь варианты такого рода смыслов и представляют собой частные случаи самоопределения в системе международных отношений;

– **Управление конфликтами** – это не что иное как управление групповым поведением его участников, рассматривая их как социальную группу, в которой поведение членов этой группы регулируют социальные законы... Нет никакой разницы в законах социального ролевого поведения в группах, состоящих из отдельных членов общества, или в группах, состоящих из акторов международных отношений и мировой политики, даже если эти акторы – нации-государства: ролевое поведение их в составе группы определяется известными и хорошо изученными законами социального взаимодействия. То же относится и к международным конфликтам: конфликтное взаимодействие в них строится по принципам внутригруппового социального конфликта. Идет явный перенос схем, теорий, законов и практики социального взаимодействия на сферу международных отношений.

В исследуемом плане особое значение приобретает разрабатываемая и получившая применение в политической практике России концепция управления конфликтами при помощи технологий информационно-психологического воздействия. Иными словами, ведения информационных войн и психологического воздействия на массовое сознание в конфликтных ситуациях.

Универсальной модели в этом плане нет. Во внешнеполитическом курсе России, в противовес сторонникам либерального направления, ориентирующего на интеграцию с Западом, с очевидностью набирает вес модель *самостоятельного развития, основанного на национальных ценностях*. А это предполагает наступательную стратегию России в глобальном информационно-психологическом противоборстве. То есть «управление» сочетается с конкуренцией, противоборством самих «управляющих»²⁵.

Причем, как показывает сирийский опыт борьбы с ИГИЛ, это информационно-психологическое противоборство в определенных ситуациях лишь прелюдия к противоборству вооруженному.

«Традиционные» культурно-цивилизационные модели информационно-психологического управления конфликтами включают в себя: англосаксонскую, восточноазиатскую, ближневосточную и романо-германскую модели. В этой глобальной системе соответствующая *российская национальная модель не сложилась*, но находится в стадии активного формирования. Специалисты полагают, что в перспективе она сможет составить реальную конкуренцию западным моделям, которые к тому же содержат в себе скрытые системные риски, способные стать причиной новых кризисов.

Видимо, следует воспринять как сложившуюся парадигму утверждение о том, что современные международные конфликты «обладают большим родовым и видовым сходством и развиваются в целом по одним и тем же закономерностям».

И опять же встает вопрос: что за центр может аккумулировать в себе «нейтральную», незаинтересованную позицию в данном вопросе. И опять же ответ один – ООН. Но что из себя сегодня представляет эта организация?

Творчески переработаю свои же соображения на эту тему, высказанные 10 лет тому назад:

– Реформа ООН неизбежна. Она теряет авторитет и уступает свои позиции региональным организациям, самостоятельным коллективным и индивидуальным действиям государств по самому главному

вопросу – обеспечению мира и безопасности, регулированию все возрастающего числа чрезвычайных ситуаций, связанных с применением силы;

– Американская ассоциация содействия ООН, выражая общее мнение, в 80-х годах констатировала основные причины кризиса ООН: неопределенность роли ООН в мире и неспособность к адаптации этой роли к происходящим в мире изменениям: глобализация мировой экономики; рост национализма; перемещение основной части конфликтов за рамки тех форм, которые предусмотрены Уставом ООН; вытеснение системы союзов системой биполярности или монополярности с **использованием, в основном, средств ядерного сдерживания**; многократное увеличение количества членов ООН²⁶;

– Давний американский интерес в превращении ООН в мировое правительство понятен. О нем можно судить, в частности, по книге Г. Кларка и Л. Сона «Всеобщий мир через мировое право» издания 1960 г.²⁷ Но на эту идею работали и продолжают работать и объективные международные факторы. Хотя, как представляется, бесперспективно;

– человечество с ожесточением приближает свой конец посредством приведения в негодность окружающей среды; безудержного размножения именно в тех регионах, где с очевидностью наступило «перепроизводство» человеческого материала; разработки самых изощренных, расплывающихся по всему миру, способов уничтожения себе подобных при полном крахе системы разоружения; проповеди оголтелого фанатизма на религиозной и расовой почве и т.п.;

– самое время появления наднационального механизма, который принял бы на себя роль управления мировыми процессами, рассчитывать на самоорганизацию которых уже не приходится;

– ООН, прежде всего, должна заняться *социальным устройством государств*. За привычными словами об уважении суверенитета государств и невмешательстве в их внутренние дела, со стороны ООН это на практике означает самоустранение от того, чтобы помогать социально-политическому развитию, влиять на него, способствуя тем самым избавлению человечества от истоков ужасов и бедствий войны и всякого рода конфликтов и террористических актов;

– Схема работы ООН в социально-политической сфере, примерно, такова: мониторинг социально-политического положения в каждой (абсолютно каждой) стране; оценка его эффективности как с точки зрения обеспечения основных прав человека так и мирного сосуществования с другими государствами; выработка в случае необходимости рекомендаций по изменению *социально-политической ситуации в конкретной стране в утвержденном СБ направлении*; принятие мер дипломатического,

информационного, экономического и, если потребуется, военного характера (скажем, ликвидации антинародных или агрессивных режимов) для неперменного претворения в жизнь принятых решений;

– вероятно, наступило время для серьезного отношения к «космической утопии» К. Циолковского, как называли его философские идеи еще в 1991 году²⁸. Я не имею в виду прогноз о том, что в будущем произойдет полная биохимическая перестройка обитателей Земли и их превращение в разумные «животно-растения», непосредственно перерабатывающие солнечную энергию. Пока таких превращений мы не наблюдаем, хотя кто знает... Более понятно другое предсказание великого ученого: о том, что человечество расселится в Солнечной системе и других звездных мирах. ООН должна (опираясь на данные, получаемые с помощью космических зондов, станций и т.п.), в первую очередь, определить – на какую планету переселяться и какова идеология такого переселения, в частности, чьи геномы (или сперматозоиды и материнские клетки?) запускать в космос, иными словами – кого помещать в новый «Ноев ковчег»?

Существует множество других тонкостей, связанных с исламским миром и имеющих отношение к теме настоящей статьи. Но важен напрашивающийся вывод: сам этот мир считает себя отдельным (можно сказать – избранным Аллахом) от всего остального человечества и потому ставит цель достигнуть общего мироустройства на исламских началах, лишь вынужденно, по необходимости, считаясь с наличием остального человечества. Эту вынужденность и придется учитывать ООН в дальнейших своих отношениях с исламским миром как целым и с каждым отдельным исламским государством.

Не может ООН форсировать то, что пока что доказывает свою несостоятельность на региональном уровне²⁹. Иное дело, что на уровне ООН следует попытаться (mutatis mutandis, преобразуя в универсальное качество) внедрить зарекомендовавшие себя принципы и методы региональной интеграции³⁰. Такая попытка встретит и понимание и негативную реакцию, поскольку региональная интеграция задумывалась только для государств конкретного региона. Распространение ее на «посторонних» может вызывать тот же синдром несовместимости, какой возник в «настоящей» Европе (Франции и Нидерландах, во всяком случае) относительно полного объединения с новыми Восточно-европейскими государствами и Турцией.

Для ООН следует искать пока что приближенную модель общего управления, опирающуюся на региональный опыт, но заимствующую из него только то, что будет подходить для всех государств.

А в последующем, точно так, как это попытались сделать в Европе с проектом Конституции для Европы, можно пытаться эволюционно повышать «уровень универсального управления» путем принятия соответствующих решений ГА ООН.

Тема «международного управления» имеет непосредственное отношение к проблематике невмешательства во внутренние дела государства в том смысле, что должны быть представления о той границе, где допустимо такое «управление». В 2013 году я попытался разобраться в этом.³¹ Самое нужное и для данной статьи повторю, там, где уместно критически оценивая и развивая свои прежние мысли:

– у многих вызывает сомнение адекватность мысли Кофи А. Аннана, бывшего Генерального секретаря ООН, о том, что «Только СБ ООН полномочен решать, что в том или ином государстве создалась угрожающая внутренняя ситуация, которая требует силового вмешательства. При этом даже соображения национального суверенитета могут не приниматься во внимание, если это стоит на пути выполнения Советом Безопасности его главенствующего **долга – сохранить международный мир и безопасность**»³².

Хотя резонанс соответствующая лекция К. Аннана вызвала большой (в ответ на призыв К. Аннана правительство Канады даже создало в 2000 г. Международную комиссию по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (её ещё называют комиссией Эванса-Сахнуна), представленный данной Комиссией в 2001 году на рассмотрение Генерального секретаря и членов ООН доклад «*Ответственность за защиту*» («The Responsibility to Protect»)³³ не построен на столь односторонней абсолютизации роли Совета Безопасности ООН;

– решается трудная задача: нарастает угроза мировому правопорядку (борьба с терроризмом в этом плане – лишь частный случай), ликвидация которой нередко бывает невозможной исключительно мирными средствами или исключительно по решению Совета Безопасности ООН, и становится невозможным обойтись без применения силы, чаще – вооруженной, группой государств или отдельным государством.³⁴

Вероятно, что в ближайшее время *экологический кризис* выйдет (если уже не вышел) на первый план. Не исключено, поэтому, что «экологическому приоритету» будет уделяться все большее внимание и что ООН скоро просто некуда будет деться от того, чтобы реально принять на себя функцию глобального управления процессом «человек – окружающая среда».

Наивностью отдает пятый доклад Римскому клубу «Цели для человечества», в котором сформулирована концепция *глобальной солидарности*,

путь к которой, по мнению его авторов, должна открыть «революция мировой солидарности», связанная с перестройкой сознания и формированием нового «глобального этноса» с *общечеловеческой моралью*. (Доклад опубликован в 1977 году). В 1980 году Римский клуб вынес на широкое обсуждение модель будущего мирового порядка, основанного на сосуществовании различных культур, религий, образов жизни и т.п. Но и тогда было понятно, что «Только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся *в пределах его способностей к адаптации*, имеют право на существование и должны поощряться»³⁵.

Способно ли человечество к такой мирной адаптации, хотя бы для того, чтобы избежать взаимоуничтожения – опять вопрос. Видимо, уже *не обойтись без глобальной организации*, способной обеспечивать общие интересы всех государств, будучи наделенной соответствующими силовыми полномочиями и ресурсами. Речь в данном случае может идти о *постепенной трансформации ООН в более эффективную систему глобального управления*³⁶.

Госпожа О'Брайен, глава юридической службы ООН, рассуждает проще. Она полагает, что необходимо найти иное решение в «кризисных ситуациях, когда СБ ООН не даст согласия на применение принудительных мер в соответствии с Главой VII» Устава ООН. Она приводит мнение ряда государств о том, что концепция «Ответственность за защиту» не является нормой международного права, но в то же время упоминает что, по мнению других государств, эта концепция «является *уполномочивающей новой нормой*, которая, хотя и не стала обязательной новой нормой, накладывает безусловные новые обязательства, возлагает дополнительную ответственность, включающую *реальные действия*»³⁷.

В связи со сказанным возникает вопрос о *международно-противоправном неприменении вооруженной силы* в определенных ситуациях³⁸, требующий специального исследования.

International Management of Sustainable Development: the Limits of the Necessary and the Possible (Summary)

Yury N. Maleev*

Sustainable development in contemporary world supposes the increase of the role of international management by this process, where the role of international organizations, United Nations first of all, is specially increasing. The realization of this Concept is connected, among all, not only with the use of force in anti-crisis, anti-conflict measures, but in decision of acute political, social and ecological situations. Strict definition of what is objectively necessary and possible in such measures – is extremely acute contemporary problem.

Keywords: international management; sustainable development; international conflict, crisis; anti-crisis management; use of force; internal affairs; preventive operations.

¹ Как развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека.

² Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Приложение. A/CONF.199/20. С. 10. URL: <http://docplayer.ru/366206-Rezolyuciya-2-plan-vypolneniya-resheniy-vsemirnoy-vstrechi-na-vysshem-urovne-ro-ustoychivomu-razvitiyu.html> В этом же «управленческом» контексте мы понимаем тот факт, что в качестве одной из целей в данном Плане указывается «укрепление согласованной, эффективной и целевой технической помощи, связанной с торговлей, и программ создания потенциала, в том числе программ, предусматривающих использование существующих и будущих возможностей доступа к рынкам и изучение взаимных связей между торговлей, окружающей средой и развитием».

³ Подробнее см.: Фархутдинов, И.З. Международное инвестиционное право и процесс. – М., 2010.

⁴ О причинах такой неудачи см.: Ковалев, А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. – М., 2007. – С. 378.

⁵ Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие. – М., 2000. С. 54-57.

⁶ Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами (теория и документы). – М.: ЭКОНОМИКА, 2000; Лавров С.

---

* Yury N. Maleev – Doctor of laws, Professor of the International Law Chair, MGIMO MFA Russia. llc48@mail.ru.

Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия и глобальная политика. – 2004. – Т. 2. – № 6; Адамишин А. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. – 2001. – № 1. – Ноябрь-Декабрь; Зуб А. Т. Антикризисное управление. – М.: Аспект Пресс, 2005; Богатуров А. Кризис миросистемного регулирования // Междунар. жизнь = Intern. affairs. – М., 1993. – N 7. – С. 30-40; Шеленкова Н. Б. Европейская интеграция: политика и право. – М., 2003; Исаев Д. А. К вопросу о правовом обеспечении формирования общего европейского экономического пространства // МЖМП. – 2004. – № 4 (56). – С. 85-95; Лабин Д. К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка. Автореф. дисс... д.ю.н. Институт государства и права. – М., 2005; Хабачиров, М. Л. «Гуманитарная интервенция» как способ защиты прав человека? // Конституционное правосудие и международно-правовые стандарты прав человека в России. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002; Н. В. Прокофьев. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территориях иностранных государств // Московский журнал международного права. – 2003. – № 1 (49). – С. 40-60; Хохлышева О. О. Действующее международное право и современный миротворческий процесс. Н. Новгород, 2000; Черниченко С. В. Гуманитарная интервенция: международные противоречия // Актуальные международно-правовые и гуманитарные проблемы. Сборник статей. Вып. 2. – М., 2001. – С. 134-147; Шумилов В. М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М., 2003; Ярышев С. Н. Единое экономическое пространство: понятие и сущность. // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1. – С. 206-224; Моисеев А. А. Надсударственность в современном международном праве. – М.: Научная книга. 2007; Малеев Ю. Н. Перспективы международного управления // Вестник МГОУ. – 2007. – № 4 (29). – С. 7-16; Воронцова Н. А. Правовые основы становления и функционирования межгосударственного механизма интеграционных процессов в Евразийском экономическом сообществе. Автореферат дисс. доктора юр. наук. Москва. МГИМО (У) МИД России. 2004.

⁷ Богатуров А. Там же.

⁸ И. С. Лавров. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 6.

⁹ Эти негативные факторы не исчезли и сегодня, косвенным проявлением чего является «миграционная катастрофа» в Европе в начале XXI века. И столь же очевидно, что «собственными силами» соответствующие регионы никогда не справятся с ними, а нередко и не стремятся это сделать. А так называемые «цивилизованные нации», следуя языку ст. 38 Статута Международного суда ООН (он же – Международный суд справедливости (!), International Court of Justice, если следовать английскому аутентичному тексту Статута) намерены законсервировать их отсталость под эгидой демократизации социально-политической ситуации и международных отношений.

¹⁰ Лавров С. Там же.

¹¹ Подробнее см.: Малеев Ю. Н. Новое международное право. Россия и пути решения современных международно – правовых вопросов. – Сборник материалов научно-практической конференции. – Москва. 2010. – С. 171-183.

¹² См.: Мысли А. А. Моисеева по данному вопросу см.: Материалы «круглого стола» Института актуальных международных проблем (ИАМП) Дипломатической академии МИД России «Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом» // Международная жизнь. – 2009. – № 7. – С. 33.

¹³ Фархутдинов И. З. Иностранные инвестиции: Глобальные правовые парадигмы // Право и политика. – 2003. – № 10. – С. 57 – 71.

- ¹⁴ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 122.
- ¹⁵ См., напр.: Алчинов В.М. Процессы региональной интеграции в Европе и на постсоветском пространстве: интересы России: Политологический анализ: Автореф. дисс. ... д.п.н. М., Дипломатическая академия МИД РФ. 2006; Ковалев А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. – М.: Научная книга, 2007; Насибов Н.Н. Перспективы формирования единого экономического пространства // Социальные и гуманитарные науки. Продолжающееся научное издание. Выпуск 11. Приложение к журналу «Вестник Московского государственного открытого университета». – М.: 2006. – С. 50-62; Стариков П.В. Роль права Всемирной Торговой Организации в формировании мирового экономического порядка. Автореф. дисс. ... к.ю.н. М., Дипломатическая академия МИД РФ. 2006; Шеленкова Н.Б. Европейская интеграция: политика и право. М., 2003; Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. – М.: 2003; Ярышев С.Н. Единое экономическое пространство: понятие и сущность. // Московский журнал международного права. – № 1. – 2009. – С. 206-224.
- ¹⁶ См.: Шумилов В.М. Глобализация мировой экономики и глобальная правовая система // Внешнеэкономический бюллетень. N 9. 2002. С. 73. У этой теории есть серьезные зарубежные сторонники, работы которых по данному вопросу известны еще с 1956 года. – См.: Jessup P.P. Transnational Law. New Haven. 1956. Явление наднациональности мы не склонны относить к отдельной правовой системе, как это иногда делают. На наш взгляд, это правовая характеристика, качество. – См.: Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. – М.: Научная книга, 2007.
- ¹⁷ См.: Бирюков М.М. Лиссабонский договор о новой роли парламентов государств-членов в механизме принятия решений институтами Европейского союза. – Отношения Россия – ЕС на пороге перемен. Liber amicorum в честь профессора Л.М. Энтина. Европейский учебный институт МГИМО (У) МИД РФ. М.: АКЦИОМ. 2009. С. 199-215.; Энтин Л.М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы. М.: Аксиом. 2009.
- ¹⁸ См., например: Колосов Ю.М. О понятии Европейского международного права // Российский ежегодник международного права, 2006.- СПб.: Россия-Нева. 2007; Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М.: Научная книга. 2006.
- ¹⁹ См.: Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право... С. 18 и далее.
- ²⁰ Лебедева М.М. Изменение политической структуры мира на рубеже веков... С.10; Зуб А.Т. Антикризисное управление. М.: Аспект Пресс. 2005; Ларионов И.К. Антикризисное управление. Учебное пособие. М.: МГСУ. 2005; Зуб А.Т. Антикризисное управление. М.: Аспект Пресс. 2005.
- ²¹ См.: Фишер С., Дорнбуш Р., Шалензи Р. Экономика. Пер. с англ. М., 1998. С. 659-660; Закирходжаев Л. Д. Международно-правовой режим трансграничных минеральных ресурсов.- Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М. МГИМО (У) МИД РФ. 2006. С. 8-9.
- ²² См.: Лавров С. Демократия, международное управление и будущее мироустройство// Россия в глобальной политике, 2004, № 6.
- ²³ См.: Малеев Ю.Н. Дела внутри территории государства, но не внутренние дела // Вестник Дипломатической академии МИД России. «Международное право». М., 2013. – С. 98-116.

²⁴ Карпович О.Г. Технологии управления международными конфликтами с позиций американского конструктивизма // Международный политический журнал. Мир и политика. 16 октября 2012.

²⁵ Подробнее см.: Карпович О.Г. Технологии управления международными конфликтами. ...

²⁶ См.: Организация Объединенных наций в будущем (проект реорганизации управления и системы принятия решений ООН, подготовленный Ассоциацией содействия ООН-США). М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 5-8. Факт, что ООН стояла все эти годы если не в стороне от них, то лишь спорадически, и редко эффективно, пыталась влиять на соответствующие кризисные ситуации. Да и то не в зародыше, в истоках, а уже на стадии возникновения кризиса, конфликта, человеческих жертв, в духе задачи «прорвать нарыв». Сегодня же становится все более опасно дожидаться этих нарывов, только реагировать на возникающие кризисные ситуации. Становится чрезвычайно важным, возможно, определяющим для судьбы человечества, предотвращение самих симптомов наиболее опасных кризисов.

²⁷ Clark C., Sohn L. World Peace through World Law. Second ed. Cambridge, 1960. Нечто подобное в СССР отважился высказать позднее один из отечественных авторов: Шахназаров Г.Х. Еще одна разрядка или начало перехода к новому миропорядку? // Новое время. – 1989. – № 49. – С. 22-25; А еще позднее: Кириленко В.П., Малинин С.А. Превратится ли Организация Объединенных Наций в мировое правительство? // Региональная политика. – 1994. – № 3.

²⁸ См. Большой энциклопедический словарь. Том 2. – Главный редактор В.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия. 1991. – С. 620.

²⁹ Некоторые исследователи склонны расценивать даже Европейский Союз не иначе как эксперимент в области институционального творчества, исход которого не предсказуем. – См.: Sbragia Alberta. Thinking about the European Future: the Uses of Comparison in Europolitics. Wash., D.C., 1992.

³⁰ Интерес вызывает в этом плане выступление Иванова С.Б. на тему «Глобальная и региональная интеграция в начале XXI века». – 37 Конференция по проблемам международной безопасности. Мюнхен. 2001, 4 февраля.

³¹ Малеев Ю.Н. Дела внутри территории государства, но не внутренние дела // Вестник дипломатической академии МИД России. «Международное право». – М. 2013. – С. 98 – 116; Рекомендую также монографию Довгань Е.Ф. Принцип невмешательства во внутренние дела. – Минск. «Право и экономика». – 2009.

³² Аннан К. Размышления о проблеме вмешательства. Лекция 26.07.1998. в Дитчли Парке (Великобритания). См. сборник выступлений Генерального Секретаря ООН «Проблема вмешательства». – С. 11-12. Опубликовано Департаментом общественной информации ООН, 1999 г.

³³ “The Responsibility to Protect”. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. 2001, ICBN: 0-88936-960-7, 110 pg./<http://www.idrc.ca/EN/Resources/Publications/Pages/IDRCBookDetails.aspx?PublicationID=240> (иногда в русском переводе она именуется «ответственностью по защите»). Текст доклада см. также док. ООН A/57/303 от 14.08.2002.

³⁴ См.: Синякин И.И. Односторонние действия государств, связанные с применением силы: международно-правовые вопросы // Московский журнал международного права. – 2012. – №1. – С.125-140; Тарасова Л.Н. Правомерное принуждение в международном праве // Московский журнал международного права. – 2011. – № 3. – С. 50-67.

³⁵ Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. – С. 209; Много интересного по данной теме можно почерпнуть в книге: Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. – М.: Научная книга, 2009.

³⁶ См.: Лавров С.В. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. – Т.2. – №6. – Ноябрь-декабрь; Адамишин А. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. – 2002. – № 1. – Ноябрь-декабрь и др.

³⁷ Черниченко С.В. О борьбе с террористами на иностранной территории. – Новые вызовы и международное право. – Институт государств и права РАН, 2010; Лисицын-Светланов А.Г. Новые вызовы, угрозы и возможность перемен: о роли государств в прогрессивном развитии международно-правового регулирования при решении глобальных проблем современного мира. – Новые вызовы и международное право. – Институт государства и права РАН, 2010; Бирюков М.М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. – М.: Научная книга, 2006.

³⁸ Подробнее см.: Малеев Ю.Н. Международно противоправное неприменение вооруженной силы // Казанский журнал международного права. – № 5. – 2012. – С. 154-161.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Химическое и бактериологическое разоружение и международно-правовое регулирование экологической безопасности

Кукушкина А.В.*

В современном мире сохраняются проблемы, связанные с конфликтами и нестабильностью. Отсутствие прочного мира, распространение конфликтов, в том числе вооруженных, продолжающееся накопление оружия массового уничтожения как ядерными державами, так и другими большими и малыми государствами, вызывает озабоченность мирового сообщества. Важной задачей в совершенствовании системы международно-правового регулирования защиты окружающей среды является совершенствование его договорной основы.

Ключевые слова: защита окружающей среды; химическое и бактериологическое разоружение; международное право окружающей среды.

В наше время международные договоры действуют во всех областях международных отношений. Существует большое количество международных договоров и в области разоружения, и в области окружающей среды. Международный договор является оптимальной формой юридического закрепления природоохранных предписаний. Он формулирует ясно выраженные правила поведения, определяет субъектно-пространственные пределы их действия, учреждает институционный механизм контроля за правильным и добросовестным их применением¹.

В докладе ЮНЕП, посвящённом экологическим последствиям военной деятельности, приведен перечень международно-правовых актов по разоружению, относящихся к окружающей среде, и актов, которые

---

* Кукушкина Анна Викторовна – к.ю.н., доцент кафедры международного права МГИМО МИД России. Ilc48@mail.ru.

касаются окружающей среды, хотя и имеют главной целью ограничение гонки вооружений². В этом докладе не содержится критерия, позволяющего выделить международно-правовые акты, «относящиеся к окружающей среде». Ознакомление с перечнем позволяет сделать вывод, что «относящимися к окружающей среде» следует считать международно-правовые договоры, которые направлены на ограничение или ликвидацию оружия массового уничтожения. Или, иными словами, все международно-правовые акты, направленные на ограничение или ликвидацию оружия массового уничтожения, имеют природоохранительное значение³.

Современное международное право предусматривает всеобъемлющий запрет на обладание бактериологическим (биологическим) и токсинным оружием и его применение. Эта международно-правовая норма закрепляется в двух многосторонних соглашениях – Протоколе о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанном в Женеве в 1925 году, и вступившем в действие в 1926 году, и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, подписанной в 1972 году и вступившей в силу в 1975 году.

Эти многосторонние соглашения, поставившие под запрет сразу целый вид оружия массового уничтожения, до сих пор являются по своему охвату уникальными в перечне договоров в военной области международной безопасности. По сути дела, это – первая мера реального разоружения. Подтверждение действенности и укрепления установленной ими международно-правовой нормы против биотического оружия – важная задача, в том числе и при наличии новых достижений в области биотехнологии.

Исторически первым документом стал Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г.

В Протоколе констатируется, что применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира и предусматривает, что Договаривающиеся Стороны признают запрещение применения таких газов, и соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны. Помимо этого, Договаривающиеся Стороны приложат все свои усилия к побуждению других государств присоединиться к настоящему Протоколу, что вытекает из цели, поставленной государствами – участниками Протокола.

Протокол расширил существовавшую международно-правовую систему для запрещения применения на войне химического и бактериологического оружия. Тем не менее, Протокол не мог решить все проблемы, связанные с химическим разоружением⁴. В нём отсутствуют юридические требования относительно запрета на продолжение исследований в области химического оружия, его производства и накопления. Протокол создал норму, запрещающую использование этого оружия, однако не запретил накопление и его дальнейшую разработку⁵. Он не исключает полностью возможности возникновения химической войны. В докладе ООН «Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения» отмечается, что возможное применение на войне химических и бактериологических агентов следует рассматривать как дополнительную угрозу, которая может иметь дополнительные последствия для меняющейся окружающей нас среды⁶. Помимо угрозы, которую создаёт для человека этот вид оружия массового уничтожения, оно чрезвычайно опасно для окружающей среды, ибо практически невозможно обеспечить защиту от него почвы, естественных водоёмов, растительности и животного мира. Поэтому изъятие химического оружия из военных arsenалов государств, исключение самой возможности его применения путём запрещения производства и уничтожения накопленных запасов являются одними из наиболее актуальных проблем в области разоружения⁷.

Долгое время к недостаткам Женевского протокола относилось то, что он не имеет положений о контроле за его соблюдением. В 1989 году Генеральной Ассамблеей ООН впервые на основе консенсуса были одобрены специальные процедуры расследования сообщений о случаях нарушения протокола. Эти процедуры наделяют Генерального секретаря ООН достаточными полномочиями оперативно направлять по просьбе любого заинтересованного государства-члена миссии экспертов для проведения расследований на месте случаев применения биологического оружия. Он также наделен правом проводить консультации с любым государством-членом ООН по вопросам, касающимся возможного применения биологического оружия.

О результатах расследования Генеральный секретарь должен информировать все государства – члены ООН. Важное значение имеет также резолюция Совета Безопасности 620 (1988), в которой Совет Безопасности решил незамедлительно рассматривать, принимая во внимание расследования Генерального секретаря, соответствующие и эффективные меры в соответствии с Уставом ООН⁸.

В совокупности процедуры расследований под эгидой Генерального секретаря ООН и резолюция 620 (1988) Совета Безопасности создают

международно-правовую основу для эффективных действий против нарушителей Протокола. Таким образом, Женевский протокол де-факто дополнен теперь положениями о международном контроле за его соблюдением, о международных действиях в ответ на нарушение Протокола.

Необходимо отметить, что большинство заключаемых в период до середины 80-х годов XX века соглашений о сокращении вооружений, например, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, были призваны обеспечить неосуществление определенных видов деятельности (за исключением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении).

Экологический аспект Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.⁹ состоит в запрещении биологического оружия, как одного из наиболее опасных для человека и окружающей среды классов вооружений. С заключением конвенции впервые в истории была запрещена целая категория вооружений – биологическое оружие.

В соответствии с конвенцией государства-участники берут обязательство никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным путём и не сохранять:

1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не имеют назначения для профилактических, защитных или других мирных целей;

2) оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах (ст. 1).

Таким образом, цель данной конвенции – обязать её участников не приобретать биологическое оружие ни при каких обстоятельствах, например, даже в случае, если со стороны враждебного государства будет предпринято нападение с применением такого оружия. Конвенция не допускает оговорок. Вопрос о том, является ли данное средство биологическим оружием, решается на основе определения, существует ли оно в таких видах и количествах, которые явно не оправданы с точки зрения мирных целей¹⁰. Оружие, снаряжение или средства их доставки не могут быть приобретены, если они предназначены для использования

таких средств в вооруженных конфликтах или просто во враждебных целях, поэтому для того, чтобы данная норма начала действовать, обязательно наличие международного вооруженного конфликта. Целью данной статьи является исключение таких средств и систем оружия из арсеналов стран-участниц, кроме случаев, когда можно доказать, что наличие данных средств оправдано использованием их в целях лабораторных исследований.

Если бактериологическое оружие когда-либо будет использовано в широких масштабах, никто не сможет предсказать, насколько длительными окажутся последствия и какое воздействие оно произведет на окружающую среду. Поскольку биологические агенты невидимы, не имеют вкуса, запаха и, как правило, не наносят непосредственного физиологического повреждения, их своевременное обнаружение почти невозможно.

Биологическое оружие может создаваться путём использования живых организмов (например, бактерий и вирусов) или полученных из этих организмов отравляющих веществ (ядов). Теоретически оно способно привести к многотысячным жертвам при использовании даже очень небольшого количества материала. Что касается его опасности для человеческой жизни, то, как оружие массового уничтожения, оно сравнимо с ядерным, и некоторые страны рассматривают их в качестве стратегических эквивалентов¹¹.

Защита от бактериологической войны является чрезвычайно сложной и дорогой в силу трудностей, связанных с выявлением болезнетворных агентов, что характерно исключительно для этого вида оружия. Так, в США после операции «Буря в пустыне» биологической защите было уделено большое внимание. При этом активной защитой является превентивное уничтожение таких объектов, а для пассивной защиты были созданы передвижные лаборатории.

Большое значение имеет защита экологически уязвимых географических и околосемных районов с помощью многосторонних соглашений, направленных против военного воздействия или террористических актов, и таким образом, против враждебных манипуляций с окружающей средой. В мире имеется немного таких регионов: с ними связаны Договор о Шпицбергене 1920 г., Договор об Антарктике 1959 г., Договор по космосу 1967 г.

Для предотвращения введения вирулентных (болезнетворных и живучих) микроорганизмов в окружающую среду другой страны как акта войны, и таким образом, воздействия на биотический компонент окружающей среды, который может привести к тому, что большие регионы будут непригодны для животноводства и проживания людей в течение

десятилетий, важно присоединение к Женевскому Протоколу 1925 г. и Конвенции 1972 г.

В докладе Генерального секретаря ООН указывается: «В некоторых случаях трудно доказать виновность в совершении нападения, поскольку отдельные организмы существуют в том или ином виде в природе, и если они распространяются открыто, то можно утверждать, что такое положение сложилось в результате спонтанной эпидемии. Эффективность крупномасштабного нападения с применением биологического оружия на незащищенное население можно сравнить с воздействием ядерного оружия»¹².

Следующим документом в отношении этого класса оружия массового уничтожения является Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г.¹³

Согласно ст.1 этой Конвенции каждое государство-участник обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах:

а) не разрабатывать, не производить, не приобретать иным образом, не накапливать или не сохранять химическое оружие или не передавать прямо или косвенно химическое оружие кому бы то ни было;

б) не применять химическое оружие.

Каждое государство-участник обязуется уничтожить химическое оружие, которое находится в его собственности или владении или которое размещено в любом месте под его юрисдикцией или контролем.

Конвенция имеет своей целью обеспечить ликвидацию или недопущение возрождения химического оружия во всем мире. От предыдущих многосторонних соглашений она отличается тем, что не только запрещает целую категорию оружия массового уничтожения, но и ограничивает промышленную базу, обладающую потенциальными возможностями производства химического оружия. Кроме того, она предусматривает беспрецедентные процедуры проверки, наиболее революционными из которых являются положения об инспекциях по запросу, охватывающие любые места и объекты в государствах-участниках, независимо от их связи с химическим оружием, то есть система проверки охватывает всю без исключения территорию, находящуюся под инспекцией или контролем каждого государства-участника¹⁴.

В докладе Директора-исполнителя ЮНЕП отмечается, что воздействие химического оружия на здоровье людей и окружающую среду в случае химической войны может иметь следующие последствия: окружающей среде, в том числе флоре и фауне, может быть нанесен ущерб преднамеренно или по неосторожности. Общее разрушение экосистемы

может иметь катастрофические последствия, когда восстановление окружающей среды может потребовать годы, десятилетия или даже столетия. Также здесь отмечается, что химическая война имеет антиэкологические последствия, которые могут достигать массового разрушения или даже экоцида, и антисоциальные последствия, которые могут достигать уровня массового уничтожения или даже геноцида¹⁵.

Большую проблему представляет старое и оставленное химическое оружие. Так, по данным Организации по запрещению химического оружия, государствами, официально объявившими о наличии у них старого химического оружия, являются Бельгия, Германия, Италия, Франция, Великобритания и Япония.

Так, 13 апреля 2001 г. французские власти эвакуировали более 12 000 жителей городка Вими более, чем на неделю, пока шла перевозка 173 тонн взрывчатых веществ времен Первой мировой войны, включая боеприпасы с серным ипритом и фосгеном. Во время транспортировки боеприпасы были подвергнуты заморозке и затем помещены в подземные шахты для ядерных ракет, где и должны были храниться до момента уничтожения. По имеющимся данным, ежегодно во Франции обнаруживается примерно 250 тонн боеприпасов времён Первой мировой войны, 10-15% из которых составляет химическое оружие¹⁶.

Также инженерные войска армии США и Управление по охране окружающей среды (the Environmental Protection Agency, EPA) продолжали систематическое обследование и забор почвенных проб на 1600 земельных участках на северо-западе Вашингтона, в целях обнаружения заражённой химическими агентами почвы и оставшихся со времён Первой мировой войны боеприпасов. В то время армия США арендовала у Американского университета участок земли для разработки и испытаний химического оружия. В 2001 г. были обнаружены контейнеры с серным ипритом и люизитом, а также миномётные снаряды.

Безусловно, уничтожение химического оружия вызывает особую озабоченность со стороны тех людей, которые живут в непосредственной близости от объектов хранения и в районах расположения химического оружия. И здесь необходимы гарантии безопасности принятых методов уничтожения, гарантии процессов детоксикации, надёжность контроля на всех стадиях уничтожения¹⁷.

Актуальность этой проблемы подчёркивается в п. 2 ст. 1 Соглашения между СССР и США об уничтожении и непроизводстве химического оружия и о мерах по содействию многосторонней Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. «Каждая сторона в ходе уничтожения своего

химического оружия будет отдавать наивысший приоритет обеспечению безопасности людей и защите окружающей среды»¹⁸.

Россия является крупнейшим в мире государством-обладателем химического оружия. Всё многообразие химических веществ и боеприпасов требует разработки, по возможности, универсальных методов уничтожения. При этом сама технология должна учитывать специфику работы со сверхтоксичными веществами и включать в себя проверенные приёмы и подходы, в том числе незаменимый практический опыт с высокотоксичными отравляющими веществами (ОВ), который позволяет выработать и реализовать на практике мероприятия по обеспечению безопасных условий труда и охраны окружающей среды. Эти мероприятия, учитывающие факты работы с чрезвычайно токсичными химическими веществами, включают в себя санитарно-гигиенические, противопожарные и экологические нормативы, а также правовые обязательства¹⁹.

Отечественная методика хранения химического боезапаса оказалась более технологичной и безопасной, чем в США. Из американских химических снарядов, например, невозможно извлечь взрыватели. У нас контейнеры и взрыватели с отравляющим веществом хранились отдельно. Кроме того, американцы изготавливали свои химические снаряды из дешёвого алюминия, мы – из более дорогого и более прочного сплава. Наши запасы химического оружия оцениваются в 40 тысяч тонн, что почти на 10 тонн больше, чем у американцев, которые официально заявили о прекращении производства химического оружия ещё в 1969 году.

По Конвенции, к которой Россия присоединилась в 1993 году, в 2000 году мы должны были уничтожить один процент своих боевых запасов химического оружия, а к 29 апреля 2007 г. – все 40 тысяч тонн имеющегося на базах хранения химического оружия. Однако по экономическим причинам этого сделать не удалось. Предполагалось, что к 2007 г. Россия сможет ликвидировать около 20% ОВ, к 2012 году полностью избавится от химического оружия, при условии, что страны-доноры окажут России безвозмездную финансовую помощь. Такое соглашение было достигнуто на саммите «восьмёрки» в Кананаскисе²⁰.

В итоге здесь следует отметить, что с учётом сформировавшегося принципа экологической безопасности представляется необходимым принять международно-правовой документ, где были бы закреплены отраслевые принципы охраны окружающей среды, и в первую очередь – принцип экологической безопасности. Также с учётом требований настоящего времени можно предложить внести дополнения в договоры по химическому и бактериологическому разоружению, учитывающие требования экологической безопасности.

Chemical and Bacteriological Disarmament and International Legal Regulation of Environmental Security (Summary)

Anna V. Kukushkina*

Conflicts and security problems continue to make part of contemporary world. The spread of conflicts, including armed conflicts, accumulation of weapons, and chemical and bacteriological weapons build-up by nuclear powers and other big and small states are all of serious concern for the international community. The development of the body of international agreements in the sphere of protection of the environment is of critical importance.

Keywords: environmental protection, chemical and bacteriological disarmament, international environmental law.

¹ Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. М., 1986. С.73.

² Doc. UN UNEP/ GC. 8/3, February 19, 1980. – P. 60-62.

³ Иванченко Н.С. Природоохранный аспект международно-правовой проблемы разоружения. – Л., 1983. – С. 96.

⁴ Иванченко Н.С. Указ. соч. – С.98.

⁵ Тарасенко С.А. О запрещении химического оружия // Советский ежегодник международного права. – 1979. – М., 1980. – С. 137.

⁶ Doc. UN A/7575. Rev.1. – P. 59.

⁷ Подробнее см.: Тарасенко С.А. Указ соч. – С.137-146; Никольский Н.М., Гришин А.В. Научно-технический прогресс и международные отношения. – М., 1978. – С. 218-226; Cebis V. K otazce obecneho zakazu pouzivani plinu odzbrojenych konfliktu // Casopis pro mezinarodni pravo, Praha, 1966. – Ss. 107-121; Pokstefl J. Chemicke a bakteriologicke prostredky vedeni valecnych akci. – Studie z mezinarodniho prava, 1966. – С. 11. S. 137-162.

⁸ Смидович Н.П. Биологическое оружие: эффективность запрета на обладание и применение // Международное право и международная безопасность. – М., 1991. – С.143.

⁹ Международное право в документах. – М., 1982. – С. 688-693.

¹⁰ Томас Грэм-мл. Химическое и бактериологическое оружие // Международное право и международная безопасность. – М., 1991. – С.158.

¹¹ Теренс Тейлор. Биологическое оружие // Военные преступления. Это надо знать всем. Под ред. Р. Гутмэна и Д. Риффа. Научный редактор проф. Колосов Ю.М. – М., Текст, 2002. – С. 55.

---

* Anna V. Kukushkina – Ph.D in Law, Associate professor of the International Law Chair, MGIMO MFA Russia. Ilc48@mail.ru.

- ¹² Вавилов А.М. Указ соч. – С. 51.; См. также «Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения». Доклад Генерального Секретаря ООН. – Нью-Йорк, 1969.
- ¹³ Действующее международное право. Избранные документы. Ответственные редакторы Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М., 2002. – С. 523-548.
- ¹⁴ Бацанов С.Б. Некоторые замечания по Конвенции о химическом оружии // Разоружение. Периодический обзор, подготовленный ООН. – 1993. – Т. XVI. – № 1. – С. 40.
- ¹⁵ Воздействие химического оружия на здоровье людей и окружающую среду. Доклад директора – исполнителя ЮНЕП//UNEP GC. 16/6, 10 January 1991. – P. 1-2.
- ¹⁶ Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М., 2002. – С.702-705.
- ¹⁷ О роли Американского университета в программе разработки химического оружия, осуществлявшейся во время Первой мировой войны, см. Jones D.P. “The role of chemists in research on war gases in the United States during World War I”, Ph.D. thesis, University of Wisconsin, 23 May 1969, pp. 115-65; Brophy, L.P. Miles, W.D. and Cochrane, R.C. The Chemical Warfare Service: from Laboratory to Field (Office of the Chief of Military History, US Army: Washington, DC, 1959), pp. 5-8, 24-25. В июле 2001 г. Американский университет предъявил армии США иск о возмещении убытков на сумму в 87 млн долл. Vogel S. ‘AU seeks \$87 million in burial of weapons, claim alleges Army mishandled cleanup’, Washington post (Internet edn), 14 July 2001, p. B01, URL < [http// www. Washington post. com](http://www.Washingtonpost.com)>.
- ¹⁸ См. текст: Разоружение. Периодический обзор, подготовленный ООН. – Том XV. – 1990.
- ¹⁹ Леонов Г.С., Шелученко В.В. Основные технологические и экологические аспекты уничтожения химического оружия//Разоружение. Периодический обзор, подготовленный ООН. – 1992. – Том XV. – № 2. –С. 122-124.
- ²⁰ Журнал Итоги, 17 декабря 2002 г. – С. 24-27.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Приговор Нюрнбергского Трибунала и ответственность физических лиц за международные преступления

Егоров С.А.*

70 лет назад, 1 октября 1946 г. в германском городке Нюрнберг Международный военный трибунал (МВТ) вынес приговор в отношении главных нацистских военных преступников европейских стран оси. В статье говорится о том влиянии, которое приговор нюрнбергского трибунала оказал на становление института ответственности физических лиц за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Подчеркивается прямая связь международной преступности с криминализацией общественно опасных деяний на уровне национального законодательства и в сфере международного права.

Показаны результаты криминализации международно-противоправных деяний в первые послевоенные годы, в связи с учреждением в 90-е гг. прошлого века Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и по Руанде, а также в связи с принятием Римского Статута Международного уголовного суда.

Ключевые слова: Международный военный трибунал; преступления против мира; военные преступления; преступления против человечности; геноцид; Нюрнбергский процесс; приговор нюрнбергского Трибунала; институт ответственности физических лиц за международные преступления; криминализация общественно-опасных деяний.

Начало октября 1946 г. в Нюрнберге было ознаменовано важным событием – по завершении своей работы Международный военный

---

* Егоров Сергей Алексеевич – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России. tempora2010@yandex.ru.

трибунал (МВТ) вынес приговор в отношении главных нацистских преступников.

Трибунал был учрежден в соответствии с Лондонским соглашением, подписанным 8 августа 1945 г. представителями СССР, США, Великобритании и Франции. Тогда же был принят Устав Трибунала в качестве приложения к Соглашению. До начала процесса соглашение пополнилось еще 19 государствами-участниками.

Оказавшимся на скамье подсудимых высшим руководителям фашистской Германии, согласно выдвинутым против них обвинений, грозило суровое наказание за подготовку, развязывание в нарушение международных договоров, и ведение агрессивных войн, что в совокупности составляло преступление против мира. Им предстояло также ответить перед трибуналами за участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих и других преступлений.

В статье речь идет о международных преступлениях, представляющих собой общественно-опасные деяния, совершаемыми в связи с войнами и вооруженными конфликтами.

Созданию Международного военного трибунала во многом способствовала последовательные усилия дипломатии Советского Союза, который уже в первые месяцы войны выступил с идеей организации международного судебного органа в целях осуществления справедливого возмездия и наказания фашистских главарей.

Напомним о некоторых документах, принятых в связи с этим, учитывая их важное значение для формирования юридических предпосылок учреждения органа международного правосудия, каковым по окончании войны стал МВТ.

Это, прежде всего, заявление СНК от 14 октября 1941 г., в котором говорилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии». Уже в нотах Советского правительства от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных зонах и ответственности германского правительства и командования за эти преступления» указывалось, что вся ответственность за совершаемые

гитлеровцами преступления ложится на фашистских правителей и их пособников. Документы были направлены всем странам, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, и преданы широкой гласности.

Особое политико-правовое значение имело подписание в Москве 30 октября 1943 г. руководителями СССР, США и Великобритании Декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, ставшее важным этапом на пути к достижению Лондонского соглашения, хотя, как известно, руководители США и Великобритании долгое время высказывались за внесудебное наказание нацистских главарей, предлагая просто расстрелять их без суда и следствия.

В Декларации провозглашалось, что все германские офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, виновные в зверствах, убийствах, массовых казнях или в истреблении населения, «будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законом этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Таким образом, Декларация 1943 г. установила не только принцип ответственности гитлеровских преступников, но и принцип их подсудности. В то же время в отношении главных нацистских преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом, было принято решение об их наказании «согласно совместному решению правительств союзников»¹.

Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории эффективным опытом осуждения лиц, виновных в совершении беспрецедентных по своей жестокости преступлений, масштабы которых вышли далеко за пределы одного отдельно взятого государства.

Однако отношение к этому учреждению международной уголовной юстиции до сих пор остается не однозначным.

Критики Нюрнбергского процесса убеждены, что произошедшее в Нюрнберге не что иное, как утверждение права победителей чинить суд над побежденными, пример проявления юридического произвола. На отрицание юрисдикции МВТ еще в ходе его работы были направлены попытки стороны защиты доказать, что Трибунал представлял собой суд *ex post facto* (с обратной силой), отправлявший правосудие в нарушение принципа *nullum crimen, nulla poena, sine lege* (нет преступления, нет наказания, если на момент преступления оно не было квалифицировано законом).

Конечно, было бы преувеличением воспринимать свершившееся 70 лет назад в Нюрнберге в качестве раз и навсегда установленного эталона правосудия. С другой стороны, нельзя согласиться с утверждениями тех, кто ставит под сомнение саму легитимность Нюрнбергского процесса, его решений и приговора.

Необходимо напомнить, что в 20-30-е гг. государствами был принят ряд международно-правовых актов, составивших определенную юридическую основу для осуществления судопроизводства в Нюрнберге. Например, положения о квалификации определенных деяний как международных преступлений были закреплены еще в Гаагских конвенциях 1907 г., Статуте Лиги Наций и Версальском договоре 1919 г., Женевском протоколе 1924 г. о мирном разрешении споров и Договоре об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г., Женевской конвенции 1929 г. и ряде других международно-правовых актов.

В связи с этим в приговоре МВТ подчеркивается, что нормы Гаагских и Женевских Конвенций вследствие их однозначного восприятия сообществом государств, следует рассматривать в качестве неотъемлемой части международного права, обязательной для всех субъектов этой системы права, независимо от их участия или неучастия в этих договорах. В приговоре было убедительно показано, что те договорные и обычно-правовые нормы, в нарушении которых обвинялись подсудимые, обрели для Германии обязательный характер до того как были нарушены.

На наш взгляд, формально-юридическая оценка природы МВТ и его итогов полезна и необходима, но явно не достаточна для всеобъемлющей объективной оценки социально-политической и исторической важности Трибунала, а также его значения для теории и практики международного права.

Работу Нюрнбергского, как, впрочем, и Токийского трибуналов необходимо рассматривать с учетом сложившейся к тому время в мире особой морально-психологической и социально-политической атмосферы всеобщего возмущения злодеяниями нацистов и требованиями сурового наказания для них.

На основе тщательного анализа огромного массива свидетельств преступлений, совершенных нацистами до и во время Второй мировой войны, нюрнбергский Трибунал пришел к заключению, что многие из них были настолько циничны и столь немыслимо чудовищны по своему характеру и масштабам, что не могли получить адекватной международно-правовой квалификации и криминализованы заблаговременно.

Касаясь вопроса о том, почему до начала Второй мировой войны многие деяния, касающиеся, в частности, фундаментальных прав человека

не были предусмотрены международным правом, необходимо заметить, что, как правило, активизация нормотворческой деятельности в сфере права вооруженных конфликтов представляет собой ответ на уже свершившиеся злодеяния, обусловленные, среди прочего, количественными и качественными изменениями в средствах и методах ведения войны, уничтожением новых объектов и институтов социальной инфраструктуры (е.g. атомные электростанции), чреватými исключительно опасными последствиями, прежде всего, для гражданского населения.

Интенсификация кодификационных мероприятий в указанной отрасли международного права наблюдалась до и особенно после завершения обеих мировых войн, а также в 70-80 гг. прошлого века после череды войн и вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Африке и др. Формирование правосознания и практика нормотворчества, в силу известных свойств человеческого сознания в той или иной степени отстают от потребностей международно-правовой криминализации опасных действий участников войн. Вообразить заранее вероятность возникновения каких-либо криминогенных проблем в условиях современных войн становится все сложнее.

В связи с этим уместно привести слова Ш. Бассиони, который касаясь событий 1932-1945 гг., писал: «Факты, которые положили начало «преступлениям против человечности», были столь непредвиденно варварскими и столь значительными, что никакой определенной положительной нормы международного права, определенно покрывающей все ужасные деяния, которые были совершены в этот период времени нацистским режимом, не существовало. Просто это была ситуация, когда факты вышли за пределы того, что установило международное право. Вследствие того, что они были столь очевидно незаконны по своей природе, закон просто не упоминал такие злодеяния определенно. Действительно, закон редко ожидает невероятного»².

Выработка, согласование и принятие соответствующего нормативного материала неизбежно затянули бы открытие судебного процесса на неопределенное время. Организаторы процесса не пошли на это, учитывая уровень негодования мирового сообщества по поводу преступных действий нацистов в ходе войны и требований их скорого и сурового наказания. Этим, в частности, объясняется, почему Трибунал был вынужден, вводя в свой Устав некоторые новые нормы, отступить от принципа классического права «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» – нет преступления, нет наказания, если на момент преступления оно не было квалифицировано законом. По этим причинам Трибунал – поскольку судили побежденных, в том числе, победители, – явился исторически мотивированным

исключением из классического юридического принципа «*nemo judex in causa sua*» – никто не может быть судьей в своем собственном деле³.

При всей неоднозначности политико-правовых оценок, учреждение, работа и непосредственно приговор МВТ имеют непреходящее значение для теории и практики международного права и, прежде всего, для подтверждения и дальнейшего развития института ответственности физических лиц за международные преступления.

Нюрнбергский процесс подтвердил и дал мощный импульс дальнейшему наполнению этого института нормативно-правовым содержанием. В его приговоре отмечалось, что «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»⁴.

Здесь уместно упомянуть о специальных положениях, сформулированных Уставом Нюрнбергского Трибунала и закрепленных Комиссией международного права в 1950 г. как «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала». Кратко их содержание сводится к следующему.

Уголовная ответственность должна наступать для любого лица, совершившего деяние, криминализованное международным правом, даже если в национальном законодательстве за это деяние не предусмотрено уголовного наказания. Глава государства или какое-либо ответственное лицо правительства не пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции в случае совершения международно-противоправного деяния. Не освобождается от ответственности по международному праву и тот, кто имея возможность сделать осознанный выбор, тем не менее, исполнил преступный приказ. При этом любому человеку, который обвиняется в совершении международно-противоправного деяния, должно быть обеспечено право на справедливое расследование его дела в уголовном суде с надлежащим учетом фактических и юридических обстоятельств. Для наказания таких лиц может применяться механизм отправления как международного, так и национального правосудия.

В ходе своей первой сессии Генеральная Ассамблея ООН единогласно постановила, что вышеупомянутые принципы являются неотъемлемой частью международного права⁵. Это не только способствовало становлению института международной уголовной ответственности физических лиц, но и во многом определило развитие целых отраслей международного права: права применяемого в период вооруженных конфликтов, международного права прав человека и др.

Во многом благодаря этому в международно-правовой теории и уголовной судебной практике (международной и национальной) сложилось твердое убеждение об индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества, непосредственно связанной с преступной деятельностью государства, вследствие чего для последнего наступает международная ответственность. Иначе говоря, ответственность физических лиц, в отличие от ответственности государств, не является по сути своей международно-правовой. В сфере международного права могут находиться основания уголовной ответственности физических лиц.

Существенно важным явился вклад МВТ в международно-правовую криминализацию таких противоправных деяний, составивших сферу его предметной юрисдикции, как преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Лица, совершившие названные преступления, неукоснительно подлежали уголовному наказанию.

Если военные преступления, связанные с нарушением норм права вооруженных конфликтов, были в той или иной мере уже криминализованы Гаагскими конвенциями и декларациями 1899 и 1907 гг., то преступления против мира и человечности впервые в истории были криминализованы в Уставе Международного военного трибунала.

Фактор криминализации определенного деяния имеет существенное значение в контексте осуществления международного правосудия. МВТ и его приговор существенным образом активизировали работу на международном и национальном уровнях по криминализации деяний, представляющих особую общественную опасность.

По аналогии с национальным правом, под криминализацией в области международного права, очевидно, следует понимать признание государствами отдельных деяний, совершаемых как в мирное, так и в военное время опасными для общества, признание их преступными и уголовно наказуемыми, а также закрепление, прежде всего в договорно-правовой форме, определенных признаков составов таких преступлений.

В первые послевоенные годы именно через отбор и криминализацию особо общественно-опасных деяний пошел процесс дальнейшего укрепления института индивидуальной ответственности за международные преступления.

Одним из первых нормативно-правовых кодификационных актов, криминализировавших относительно новый вид общественно-опасного деяния, стала принятая в 1948 г. конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Этот вид тяжчайшего преступления имеет своего рода «генетическую связь» со ст. 6(с) Устава МВТ, согласно которой «преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Геноцид не следует смешивать с другими видами противоправных действий, неизбежным следствием которых является массовое истребление людей, поскольку целью его совершения является не просто убийство одного человека или группы людей, а физическое уничтожение какой-либо совокупности лиц, объединенных признаком принадлежности к определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группе, как это определено в конвенции.

Специфика состава преступления, свойственная такому международному преступлению, как геноцид обуславливает необходимость решения довольно сложной задачи, связанной с доказыванием в суде наличия у обвиняемого умысла уничтожить, полностью или частично, какую-либо из вышеупомянутых групп населения. Для квалификации геноцида как преступления не имеет определяющего значения, было ли оно совершено в период вооруженного конфликта (внутригосударственного или международного) или в отсутствии такового. В любом случае на государствах лежит обязанность принимать меры предупреждения и наказания за его совершение.

В конвенции о геноциде 1948 г. закреплено общепринятое определение этого преступления, согласно которому под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. В соответствии со ст. 3, наказанию подлежат следующие деяния: а) геноцид; б) заговор с целью совершения геноцида; в) прямое и публичное

подстрекательство к совершению геноцида; d) покушение на совершение геноцида; e) соучастие в геноциде.

Что касается преступления против человечности, то оно, по всей видимости, нуждается в дополнительных кодификационных мероприятиях, прежде всего, для выработки его единообразного определения. Так, при совпадении перечней преступных деяний в Уставах Международных трибуналов по бывшей Югославии (ст. 5) и по Руанде (ст. 3), достаточно различными оказываются социально-политические обстоятельства, в которых они совершаются или их квалифицирующие признаки. В первом случае требуется наличие вооруженного конфликта, будь то международного или немеждународного, а во втором – подсудными Трибуналу являются лишь те лица, которые совершили преступления против человечности «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам». Вместе с тем, не вызывает возражений то, что преступления против человечности подверглись криминализации в международном праве и подлежат уголовному преследованию на международном или национальном уровне.

Состоявшаяся в 1949 г. в Женеве Дипломатическая конференция, посвященная вопросам кодификации и прогрессивного развития международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов⁶, явно под влиянием приговора и других документов МВТ, возложила на государства обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективного уголовного наказания для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения, сформулированные в каждой из четырех принятых на конференции конвенций. Они также обязаны разыскивать виновных и привлекать их либо к собственному суду, либо выдавать их, в соответствии с принципом: «*Aut dedere, aut judicare*» («Либо выдай, либо суди»). Криминализация ряда общественно-опасных деяний путем квалификации их в качестве серьезных нарушений стало новеллой в сфере «Женевского права».

Серьезными нарушениями, общими для всех Женевских конвенций 1949 г., являются преднамеренное убийство, пытки или негуманное обращение, преднамеренное причинение чрезмерных страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью. К другим серьезным нарушениям отнесены, в частности, уничтожение или присвоение имущества, принуждение покровительствуемого лица служить в вооруженных силах противной стороны, лишение такого лица права на беспристрастное и нормальное судопроизводство. Аналогичную категорию преступлений

составляют незаконное депортирование или перемещение, незаконный арест покровительствуемого лица и взятие заложников и др.⁷

В Дополнительном протоколе I (ДП I) к Женевским конвенциям список «серьезных нарушений» был дополнен противоправными действиями, характерными для сферы «Гаагского права», такими, например, как нападения на гражданских лиц и объекты, пользующиеся защитой в соответствии с ДП I. Предусмотрено также наказание за преступное бездействие. Особая ответственность возлагается на военачальников. Подтверждение в ДП I возможности выдачи виновных преступников государству, на территории которого было совершено противоправное деяние, подчеркивает важность взаимопомощи государств в вопросах судопроизводства по соответствующим уголовным делам.

Рассмотренные международно-правовые акты, криминализируя серьезные нарушения и обязывая государства осуществить законодательные мероприятия в целях обеспечения возможности осуществления уголовного наказания за такие деяния, тем не менее, не определяют, ни каких-то конкретных мер наказания, ни специфические черты соответствующего судебного учреждения.

ДП I содержит важное положение, приравнивающее «серьезные нарушения упомянутых выше документов к военным преступлениям», снизившее остроту споров, связанных с выяснением соотношения между серьезными нарушениями и военными преступлениями. При этом авторы документа придали первым новое дополнительное значение, заключающееся в том, что при их совершении наступают уголовные последствия в соответствии с международным правом.

Другими словами, если первоначально нормы о серьезных нарушениях понимались как международные обязательства по введению в действие соответствующих норм внутригосударственного законодательства, то с принятием ДП I серьезные нарушения приобрели новое, дополнительное, значение как международные преступления, аналогичные военным преступлениям.

Результаты этой кодификационной нашли свое отражение в уставных документах трибуналов *ad hoc* и в Статуте МУС.

Так, Устав МУТ для бывшей Югославии разделил два рассматриваемых нами вида противоправных действий, разместив серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. в ст. 2, а нарушения законов или обычаев войны, т.е. военные преступления – в ст. 3, что свидетельствует об их равнозначности. В ст. 4 Устава МУТ по Руанде серьезные нарушения связаны со ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола II к ним⁸. В соответствии со ст. 8 (2)(а) Статута МУС,

серьезные нарушения приводятся в качестве одной из категорий военных преступлений, что является еще одним свидетельством того, что серьезные нарушения теперь включены в категорию военных преступлений.

Инициированная во многом приговором МВТ тенденция укрепления института ответственности физических лиц по международному праву за счет международно-правовой криминализации наиболее общественно-опасных деяний, не ослабевает⁹, несмотря на сложность этого процесса, как об этом свидетельствуют попытки криминализации таких деяний, как международный терроризм, агрессия и др.

Что касается Международного уголовного суда, то с его учреждением квалификация военных преступлений, преступления геноцида и преступления против человечности получили дальнейшее существенное развитие. Имеется в виду, в частности, состав каждого из указанных преступлений (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), наличие которого позволяет квалифицировать конкретное деяние как преступление. С принятием Римского Статута МУС институт индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления пополнился также принципами отправления международного уголовного правосудия, содержащимися в его части 3 «Общие принципы уголовного права».

Речь идет о следующих положениях: никакое лицо не может быть судимо дважды за одно преступление (*non bis in idem*) (ст. 20); нет преступления без законного наказания (*nullum crimen sine lege*) (ст. 22); нет наказания без закона (*nulla poena sine lege*) (ст. 23); отсутствие обратной силы закона (ст. 11, 24); индивидуальная уголовная ответственность (ст. 25); презумпция невиновности (ст. 66); исключение из юрисдикции несовершеннолетних (ст. 26); недопустимость ссылки на должностное положение (ст. 27); ответственность командиров и других начальников (ст. 28); неприменимость срока давности (ст. 29) и др¹⁰.

The Verdict of the Nuremberg Tribunal and Individual Responsibility for International Crimes (Summary)

Sergei A. Egorov*

70 years ago, on October 1, 1946 in the small German town of Nuremberg, the International Military Tribunal (IMT) issued a verdict against the major Nazi war criminals of the European Axis. The article refers to the impact that the verdict of the Nuremberg Tribunal had on the establishment of the institute of responsibility of individuals for crimes against peace, war crimes and crimes against humanity. It stresses the direct link to international crime criminalization of socially dangerous acts at the level of national legislation in the sphere of international law.

The results of the criminalization of internationally wrongful acts in the early post-war years as well as in connection with the establishment in the 90th years of the last century of the International Criminal Tribunals *ad hoc* for the former Yugoslavia and for Rwanda, as well as in connection with the adoption of the Rome Statute of the International Criminal Court are shown.

Keywords: International Military Tribunal; crimes against peace; war crimes; crimes against humanity; the Nuremberg trials; the sentence tribunal; genocide; the institution liable.

¹ Цит. по: Без срока давности. – М., Мысль, 2006. – С. 61.

² Цит. по Возникновение и развитие доктрины преступления против человечности. – Режим доступа: <http://mybiblioteka.su/4-110638.html>. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

³ См.: В. Зорькин. Нюрнбергский процесс и современные проблемы международной уголовной юстиции. – Режим доступа: <http://voozl.com/material/protsess-i-problemyi-ugolovnoy-yustitsii> [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 14.12.2015.

⁴ См.: Ответственность за военные преступления против человечества: сборник документов. – М., 1969. – С. 42.

⁵ См.: Резолюцию 95(1) от 11 декабря 1946 г.

⁶ Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право. Дисс... доктора юрид. наук. – М.: ДА МИД России, 2000.

---

* Sergei A. Egorov – Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Chair of the Diplomatic Academy of Russia, Permanent judge of the International Criminal Tribunal for Rwanda (2003-2010). tempora2010@yandex.ru.

⁷ См.: Егоров С.А. Ответственность за нарушение норм права вооруженных конфликтов. – Режим доступа: <http://bfveteran.ru/pravo/722-otvetstvennost-za-narushenie-norm-prava-vooruzhennykh-konfliktov.html?showall=1> [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

⁸ Егоров С.А. Международный уголовный трибунал по Руанде // Право и жизнь. Независимый научно-правовой журнал. – 2014. – № 192. – Июнь. – С. 133-164.

⁹ Егоров С.А. Гибридные (смешанные) трибуналы и суды // Международное право и международные организации. – 2014. – № 3. – С. 470-481.

¹⁰ См.: Валеев Р.М, Курдюков Г.И.. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. – М.: Статут, 2010. – 624 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Либерализация торговли в рамках Евразийского экономического союза (на примере Соглашения ЕАЭС-Вьетнам)

Воронцова Н.А.*

Страны Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) прилагают большие усилия, чтобы развивать экспорт товаров и встраиваться в региональные и глобальные производственные цепочки. Заключение соглашений о свободной торговле является наиболее эффективным инструментом, с помощью которого можно расширять и упрощать доступ отечественных производителей на рынки других стран. ЕАЭС впервые воспользовался правом заключения глобального соглашения о свободной торговле (далее – соглашение) и таким государством был выбран Вьетнам. В статье рассматриваются инновационные идеи, заложенные в соглашение, сравниваются обязательства стран ЕАЭС с обязательствами, вытекающими из членства ряда стран ЕАЭС в ВТО. Это вопросы либерализации торговли, широкий круг вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, компенсационных и антидемпинговых мер, тарифных и нетарифных барьеров, технического, санитарного и фитосанитарного регулирования, экономические преимущества от соглашения для стран ЕАЭС, взаимные обязательства в части уменьшения или обнуления ставок таможенного тарифа.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация (ВТО); Вьетнам; ГАТТ; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); компенсационные и антидемпинговые меры; соглашение о свободной торговле; таможенный тариф.

---

* Воронцова Наталья Анатольевна – д.ю.н., профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. N.Vorontsova@mail.ru.

Фундаментом регулирования внешнеэкономической деятельности государства является торговая политика. В современный период государства довольно активно осуществляют торгово-экономические связи и возникает объективная необходимость правового регулирования этого процесса. Как правило, это затрагивает вопросы доступа товаров одного государства или объединения государств на рынки других государств или объединений, защиты внутреннего рынка, регулирование товарооборота и др. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН – Хартии экономических права и обязанностей государств¹ были сформулированы основные положения, касающиеся, исходя из названия документа, как прав государств (например, выбирать свою экономическую систему, формы организации своей внешнеэкономической деятельности), так и обязанностей (например, способствовать международной торговле на основе взаимной выгоды, равных преимуществ и взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования). И, несмотря на то, что в соответствии со ст. 38 Статута Международного Суда² резолюция ГА ООН не является источником международного права, большинство государств все же придерживаются положений, изложенных в рассматриваемом документе.

Глобализация заставляет государства и объединения государств повышать эффективность своего экономического функционирования посредством выхода на новые и, как правило, более крупные рынки. Такое взаимодействие осуществляется в рамках торговых соглашений, подписание которых не запрещается правилами ВТО. Так, статья XXIV ГАТТ указывает, что положения ГАТТ не препятствуют членам ВТО создавать таможенные союзы или зоны свободной торговли. Главное при этом, что они не будут приводить к созданию препятствий в торговле с участниками региональных торговых соглашений³.

При этом снятие барьеров (препятствий) на торговлю товарами является ключевым в таких соглашениях. Это – стимулирование движения товаров и услуг; создание условий для справедливой конкуренции; привлечение инвестиций в страны, заключившей соглашение; обеспечение защиты и охраны прав интеллектуальной собственности; создание механизма урегулирования споров.

Учреждая Евразийский экономический союз (далее – Союз, ЕАЭС), государства-члены поставили цель обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы⁴.

Стремясь занять оптимальные позиции в формирующейся в последние годы новой структуре мировой экономической системы, государства – члены Евразийского экономического союза развивают свой

проект экономической интеграции. Несомненно, государства – члены ЕАЭС понимают, что обеспечение Союзом экономического прогресса, модернизации и усиление конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики невозможно без экономического взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с другими странами, а также международными интеграционными объединениями и международными организациями. И именно Договор о ЕАЭС наделяет это объединение международной правосубъектностью, позволяющей Союзу выступать стороной в международных соглашениях.

Первым глобальным и всеобъемлющим документом в сфере внешнеэкономической деятельности, реализующим это право Союза, является Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам (далее – Соглашение)⁵, в соответствии с которым Стороны договорились о создании зоны свободной торговли в соответствии со Статьей XXIV ГАТТ 1994 и Статьей V ГАТС.

Вьетнам является весьма привлекательным рынком, при этом экономическая специализация Вьетнама такова, что основные экспортные товары стран ЕАЭС будут дополнять друг друга, а жесткая конкуренция возможна только в отдельных отраслях, которые защищены в рамках соглашения. Это выгодно для всех сторон, подписавших соглашение⁶.

Кроме того, соглашение о свободной торговле с Вьетнамом открывает перед производителями стран ЕАЭС новые возможности. Вьетнам активно участвует в развитии производственно-сбытовых цепочек в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Углубление торгово-экономических связей с Вьетнамом, позволит производителям и поставщикам стран ЕАЭС в свою очередь получить доступ к участию в уже налаженных производственно-сбытовых связях в АТР. При этом продукция, поставляемая на вьетнамский рынок, будет более конкурентоспособна по цене благодаря снижению или отмене ввозных таможенных пошлин. Кроме того, получение беспошлинного доступа на рынок Вьетнама создает предпосылки для развития экспорта тех товаров, которые ранее не поставлялись из-за слишком высокой цены.

Либерализация торговли с Вьетнамом, по оценкам совместной исследовательской группы, не влечет за собой значимых рисков для экономик стран ЕАЭС. На импорт из Вьетнама приходится около 1% от всего импорта ЕАЭС из третьих стран, и при этом основную массу составляют товары, которые не производятся на территории ЕАЭС в необходимом количестве⁷.

Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом охватывает все направления торгово-экономического сотрудничества. Это,

конечно же, снижение ставок ввозных таможенных пошлин (что свойственно большинству соглашений этой направленности), обязательства сторон по защите прав на объекты интеллектуальной собственности. Кроме того, определены направления сотрудничества в области устойчивого развития, электронной коммерции, сфере государственных закупок, а также установлены единые принципы защиты конкуренции.

Также Соглашение значительно повышает предсказуемость торгового регулирования. Например, оно обязывает страны заранее уведомлять друг друга об изменениях в торговом регулировании, а также требует большего сотрудничества между таможенными службами и регулирующими органами в сфере технического, санитарного и фитосанитарного регулирования.

Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом охватывает как торговлю товарами, так и торговлю услугами и инвестиции. Условия Соглашения в сфере торговли товарами являются обязательными для всех государств ЕАЭС и Вьетнама.

Особенностью Соглашения являются обязательства в части взаимной либерализации торговли услугами, осуществления инвестиций и перемещения физических лиц. Этот раздел соглашения изначально будет распространяться только на взаимоотношения между Россией и Вьетнамом. Впоследствии другие страны ЕАЭС также смогут развивать сотрудничество Вьетнамом в этих сферах.

Условия доступа вьетнамских товаров на рынок ЕАЭС в части нетарифных барьеров остаются прежними.

В вопросах технического, санитарного и фитосанитарного регулирования страны Евразийского экономического союза не принимали на себя дополнительных обязательств по сравнению с действующим режимом, который отражает обязательства России по участию в ВТО.

В то же время Вьетнам принял на себя ряд дополнительных обязательств в области технического, санитарного и фитосанитарного регулирования, например, обязательства в части повышения предсказуемости и прозрачности вступления в силу технических регламентов. Эти положения отсутствуют в так называемых «базовых» Соглашениях ВТО, но являются частью обязательств России по участию в ВТО, и по условиям работы Таможенного союза, а теперь – Евразийского экономического союза, соблюдаются всеми странами ЕАЭС. Таким образом, страны ЕАЭС, которые не являются членами ВТО, получили дополнительные права в данной сфере в отношении Вьетнама.

После вступления соглашения в силу Вьетнам должен будет:

- отменить (обнулить) для поставщиков из стран ЕАЭС ввозные таможенные пошлины более чем на 59% тарифных линий от общей товарной номенклатуры;

- в отношении еще 30% товарной номенклатуры ставки ввозных таможенных пошлин будут снижены до 0% в течение переходного периода.

Отмена ввозных таможенных пошлин вьетнамской стороной не охватывает только 12% товарной номенклатуры (отдельные виды готовой продукции из мяса, кондитерские изделия, соль, промышленные отходы, изделия из драгоценных металлов, автомобили специального назначения), по большинству из которых у стран ЕАЭС отсутствует экспортный интерес.

Евразийский экономический союз отменит (обнулит) ставки ввозных таможенных пошлин на 88% тарифных линий товарной номенклатуры. При этом на 59% тарифных линий товарной номенклатуры ЕАЭС таможенные пошлины будут отменены сразу после вступления Соглашения в силу, пошлины на остальные 29% тарифных линий будут отменены в течение переходных периодов, которые составляют от 5 до 10 лет. Вместе с тем, таможенные пошлины будут сохранены на наиболее чувствительные категории товаров, а именно: мясо, молоко, чай, кофе, сахар, растворимые напитки, трубы, самолеты, машины и т.д.

Первое снижение таможенных пошлин произойдет сразу после вступления Соглашения в силу. В дальнейшем снижение ставок таможенных пошлин будет происходить 1 января каждого последующего года в соответствии с достигнутыми договоренностями.

Либерализация условий доступа товаров государств – членов ЕАЭС на рынок Вьетнама позволит повысить уровень конкурентоспособности поставляемых на него товаров государств – членов ЕАЭС, а также создаст условия для поставок новой продукции, которая до отмены ввозных таможенных пошлин была недостаточно конкурентоспособна по ценовому параметру. С другой стороны, либерализация доступа вьетнамских товаров на рынок ЕАЭС обеспечит снижение потребительских цен на эти товары, а, следовательно, сделает их более доступными для потребителя.

По истечению всех переходных периодов положительный эффект от отмены таможенных пошлин может составить около 55-60 млн долл. США в год. Вьетнамские компании в результате отмены таможенных пошлин могут рассчитывать на экономию до 5-10 млн долл. США в год⁸.

Каких-либо значимых негативных эффектов от действия рассматриваемого Соглашения не предполагается. Что касается традиционно чувствительных к либерализации торговли секторов экономик стран ЕАЭС, таких как легкая промышленность или сельское хозяйство, то для данных

секторов достаточно серьезный уровень защиты сохранится и после вступления соглашения в силу⁹.

Кроме того, для защиты экономик, отдельным приложением к Соглашению установлены четкие критерии происхождения для всех товаров¹⁰. Для целей главы соглашения и перечня особых критериев происхождения, приведенного в Приложении 3 к рассматриваемому Соглашению, доля добавленной стоимости должна рассчитываться по следующей формуле:

$$\frac{\text{Стоимость FOB} - \text{стоимость непроеисходящих материалов}}{\text{стоимость FOB}^{11}} \times 100\%,$$

где стоимость непроеисходящих материалов является:

а) стоимостью на условиях поставки CIF (стоимость товара при импорте, включающая в себя стоимость фрахта и страхования до порта или места въезда в страну импорта) на момент ввоза материалов на территорию Стороны; или

б) ранее уплаченной или подлежащей уплате ценой за эти непроеисходящие материалы на территории Стороны, в которой осуществлялась обработка и переработка товара.

Если производитель приобретает непроеисходящие материалы на территории Стороны, в которой будет произведена их дальнейшая переработка, то в стоимость таких материалов не должны включаться затраты на фрахт, страхование, упаковку и другие расходы, связанные с поставкой этих материалов от поставщика до места производства.

Сохраняется привычная для участников внешней торговли стран ЕАЭС система сертификации происхождения товаров. За нарушения правил подтверждения происхождения товаров стороны Соглашения обязаны установить ответственность для компаний-нарушителей. Также Соглашение дает странам-участникам новые инструменты контроля за выполнением критериев происхождения на территории страны экспортера: по запросу стороны обязаны проводить проверки экспортеров на основании наличия обоснованных сомнений, также контрольные службы могут провести выездную проверку производителя (экспортера) товара.

В качестве исключительной меры реагирования на системные нарушения в области определения страны происхождения товаров, Соглашением предусмотрена возможность временно приостановить режим свободной торговли, т.е. повысить ставки ввозных таможенных пошлин до общего уровня Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Таможенная стоимость товаров, находящихся в торговом обороте между Сторонами, определяется в соответствии с таможенным законодательством импортирующей Стороны, которое основывается на положениях статьи VII ГАТТ 1994 и Соглашения о применении положений статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994, содержащегося в Приложении 1А к Соглашению ВТО.

Соглашение охватывает достаточно широкий круг вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью – в сфере объектов авторского и смежных прав, товарных знаков, географических указаний (включая наименования мест происхождения товаров), изобретений (включая полезные решения), полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, сорта растений и нераскрытую информацию.

При этом зафиксировано, что участники Соглашения ТРИПС подтверждают свои обязательства, а страны, которые не являются участниками данного соглашения, будут основываться на его принципах. Кроме того, стороны Соглашения подтверждают свои обязательства, установленные в международных соглашениях по интеллектуальной собственности, участниками которых они являются. Речь идет о:

- Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года;

- Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года;

- Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года (Римская конвенция);

- Конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизведения их фонограмм от 29 октября 1971 года;

- Мадридском соглашении о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 года и Протоколе к нему от 27 июня 1989 года;

- Договоре о патентной кооперации от 19 июня 1970 года.

Кроме того, Соглашением предусматривается гармонизация нормативно-правового регулирования Вьетнама и стран ЕАЭС в ряде вопросов в целях создания эффективных механизмов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Соглашением предусмотрена возможность использования различных способов защиты внутреннего рынка, это компенсационные, антидемпинговые и двусторонние защитные меры, а также триггерные защитные меры.

В отношении компенсационных и антидемпинговых мер, в Соглашении, по сути, продублированы соответствующие положения Соглашения

ВТО по субсидиям и компенсационным мерам¹². При этом при проведении компенсационных или антидемпинговых расследований, которые должны доказать обоснованность защитных мер, Вьетнам обязан рассматривать страны ЕАЭС индивидуально и не может вводить защитные меры против ЕАЭС в целом. Такой подход не позволит ограничивать экспорт из всех стран Союза, если будут выявлены, например, демпинговые поставки производителями одной из стран ЕАЭС.

Формат двусторонних защитных мер предусматривает, что в случае если импорт каких-либо вьетнамских товаров будет наносить ущерб или создавать угрозу нанесения ущерба, ЕАЭС сможет ввести на определенный Соглашением срок двустороннюю защитную меру – приостановив дальнейшее снижение ставки пошлины либо повысив ставку пошлины до уровня Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Кроме того, Соглашение позволяет применять триггерный защитный механизм.¹³ В соответствии с данным механизмом установлены пороговые годовые объемы импорта для ряда вьетнамских товаров, в рамках которых импорт осуществляется по нулевой ставке пошлины. При превышении этих объемов страны ЕАЭС имеют право применять таможенные пошлины на уровне ставки Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Если Евразийский экономический союз будет применять специальные защитные меры, вводимые согласно правилам ВТО в отношении торговли со всеми странами, то вьетнамские поставки также будут подпадать под их действие.

В целях разрешения споров между сторонами соглашения в отношении толкования и/или применения Соглашения в случаях, когда одна Сторона полагает, что другая Сторона прекратила выполнение обязательств по Соглашению установлены следующие правила.

Споры по одному и тому же вопросу между одними и теми же сторонами спора, возникающие в рамках рассматриваемого Соглашения и Соглашения ВТО, могут разрешаться любым способом по выбору Стороны-заявителя. Выбранный таким образом способ разрешения спора исключает использование другого. Однако, процедурные положения соответствующих статей Соглашения ВТО, инкорпорированные в Соглашение и относящиеся к разрешению споров, в случае их несоответствия или возможного нарушения, не применяются к любому государству-члену Евразийского экономического союза, не являющемуся членом ВТО.

При этом процедуры разрешения споров, действующие в рамках Соглашения ВТО, считаются иницированными по запросу стороны спора об учреждении третьей группы в соответствии со статьей 6 Приложения 2 «Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих

разрешение споров» к Соглашению ВТО, в то время как процедуры разрешения споров в рамках самого Соглашения считаются инициированными по запросу на арбитражное рассмотрение спора в соответствии с пунктом 1 статьи 14.7 рассматриваемого Соглашения.

Стороны спора могут в любой момент договориться об использовании процедуры добрых услуг, согласительной процедуры или посредничества. Эти процедуры могут продолжаться и после начала процедур Арбитражной группы¹⁴.

Любая из Сторон спора может, если Стороны спора не договорятся об ином, пригласить Генерального секретаря Постоянной палаты третейского суда (далее «ППТС») в качестве компетентного органа. В случае, если Генеральный секретарь ППТС является гражданином государства-члена ЕАЭС или Вьетнама или не в состоянии исполнить функцию компетентного органа, просьба о выполнении необходимых назначений адресуется его заместителю или следующему по старшинству должностному лицу, не являющемуся гражданином государства – члена ЕАЭС или Вьетнама и правомочному исполнить функцию компетентного органа.

Интересна так называемая «эволюционная оговорка» в Соглашении, в соответствии с которой стороны соглашения обязуются пересматривать Соглашение с учетом будущих изменений в международных экономических отношениях, *inter alia* (в том числе) в рамках ВТО, и в этом контексте и в свете учета любых значимых факторов изучать возможность дальнейшего развития и углубления сотрудничества в рамках Соглашения и расширения его на еще не охваченные сферы.

Следует остановиться на том факте, что вступление в силу Соглашения требует проведения большого количества подготовительных мероприятий. На момент написания статьи в Евразийской экономической комиссии такой План мероприятий по имплементации Соглашения разработан. Остановимся лишь на некоторых аспектах необходимых действий. Это: подготовка согласованного перевода текста Соглашения на русский язык; направление заверенных копий Соглашения в государства – члены ЕАЭС для проведения внутригосударственных процедур – после поступления в Комиссию текстов приложений к главе 8 Соглашения¹⁵; проведение внутригосударственных процедур, необходимых для вступления Соглашения в силу; принятие решения Высшего Евразийского экономического совета (т.е. президентами) о выражении согласия Союза на обязательность для него Соглашения и о перечне поручений Комиссии и государствам – членам ЕАЭС в целях его имплементации (для Российской Федерации и Республики Беларусь с учетом выхода на итоговые договоренности и заключения межправсоглашений о промышленной сборке

автомобильной техники на территории Социалистической Республики Вьетнам); направление Вьетнамской Стороне уведомления о завершении государствами – членами ЕАЭС и ЕАЭС процедур, необходимых для вступления Соглашения в силу, с учетом завершения соответствующих процедур. Кроме того, после принятия Высшим Евразийским экономическим советом решения о выражении согласия Союза на обязательность для него Соглашения, необходимо направление Вьетнамской Стороне целого пакета информации, вытекающей из положений Соглашения. В частности, о представителях в состав Комитета по товарам (в соответствии со статьей 2.12 Соглашения); названии и контактных данных органа, проводящего расследования (в соответствии с п. 2 статьи 3.5 Соглашения); уполномоченных и верифицирующих органах, образцах печатей и бланков сертификатов происхождения (в соответствии с п. 1 статьи 4.28 Соглашения); представителях в Подкомитет по правилам определения происхождения (в соответствии со статьей 4.34 Соглашения); представителях для участия в консультациях по разработке системы информационного обмена между таможенными органами сторон Соглашения (в соответствии со статьей 5.7 Соглашения); компетентных органах и контактных пунктах и соответствующих должностных лицах в таких пунктах в сфере технического регулирования (в соответствии с п. 1 статьи 6.9 Соглашения); компетентных органах и контактных пунктах и соответствующих должностных лицах в таких пунктах в сфере санитарного и фитосанитарного регулирования (в соответствии с п. 1 статьи 7.10 Соглашения); источниках, в которых публикуется информация о государственных закупках, проводимых государствами – членами ЕАЭС (в соответствии с п. 2 статьи 10.2 Соглашения) и др.

Кроме того, в Плане заложено проведение и ряда других важных мероприятий. Большинство мероприятий предполагается осуществить до конца 2015 года.

В целом, соглашения о свободной торговле становятся ценным и эффективным инструментом получения преференциальных условий доступа на внешние рынки и привлечения инвестиций для государств – членов ЕАЭС. К 2015 году к созданию зоны свободной торговли проявили интерес более 30 торговых партнеров государств – членов ЕАЭС.

В 2014 году начала свою работу Совместная исследовательская группа по изучению вопросов о целесообразности заключения соглашения о зоне свободной торговли с Израилем. Созданы аналогичные исследовательские группы с Индией и Египтом.

ЕЭК осуществляет взаимодействие с Китайской Народной Республикой, направленное на выработку оптимального формата сотрудничества.

Установление диалогового взаимодействия и формализация сотрудничества по вопросам торгово-экономической повестки с третьими странами, региональными интеграционными объединениями и международными организациями осуществляется Евразийской экономической Комиссией в формате подписания меморандумов. Например, уже подписаны меморандумы с Китайской Народной Республикой, Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), Европейской экономической комиссией Организации Объединенных Наций¹⁶.

В 2014 году была инициирована работа над новыми меморандумами о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам – с общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР)¹⁷, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹⁸.

Trade Liberalization within the Eurasian Economic Union (the Case of the EAEU-Vietnam Agreement) (Summary)

Natalia A. Vorontsova*

The countries of the Eurasian Economic Union (further – EAEU) make great efforts to develop the export of goods and to become part of regional and global production chains. Free-trade agreements are the most effective tool, which enables the expansion and simplification of access to foreign markets for domestic producers. The EAEU has made use of the right to make a global free-trade agreement (further – the Agreement) for the first time, and Vietnam has been chosen to be such a state. The article examines the innovative ideas, incorporated in the agreement; obligations of the EAEU countries are compared to the ones arising from the WTO membership of several EAEU countries. These are questions of trade liberalization, a wide range of aspects, connected with intellectual property, compensatory and anti-dumping measures, tariff and non-tariff barriers, technical, sanitary and phytosanitary regulation, economic advantages of the agreement for the EAEU countries, mutual obligations regarding reduction or zeroing of customs tariff rates.

---

* Natalia A. Vorontsova – Doctor of Laws, professor of the International Law Chair, MGIMO MFA Russia. N.Vorontsova@mail.ru.

Keywords: World Trade Organization (WTO); Vietnam; GATT; Eurasian Economic Union (EAEU); compensatory and anti-dumping measures; free-trade agreement; customs tariff.

¹ Хартия экономических прав и обязанностей государств от 12.12.1974 г. // Действующее международное право. – М., 1996. В 3-х т., Т. 3. С. 135.

² Статут Международного Суда // Действующее международное право. – М., 1996. В 3-х т., Т. 1, С. 58.

³ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt94>. – Дата обращения: 19.11.2015.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.// URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/akt/>. Автор подробно в ранее опубликованных статьях рассматривает вопросы преобразования Таможенного союза и ЕврАзЭС в Евразийский экономический союз. См.: Правовой анализ положений Договора о Евразийском экономическом союзе // Московский журнал международного права. – 2014. – № 4. – С. 78-87; Присоединение к Таможенному союзу Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 2014. – № 1(93). – С. 141-152; Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации – этапы и сроки формирования // Международное право – International Law. – 2009. – №3(39). – С. 135-153; Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России: миф или реальность? // Международное право – International Law. – М., 2008. – № 3(35). – С. 210-217 и др.

⁵ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Социалистической Республикой Вьетнам от 29.05.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/akt/trade>. Соглашение со стороны ЕАЭС было подписано на основании решения принятого президентами стран Союза на заседании Высшего Евразийского экономического совета 8 мая 2015 года. С одной стороны соглашение подписано каждым государством – членом ЕАЭС отдельно и представителем от имени ЕАЭС в целом, другой стороной – подписантом соглашения был Вьетнам.

⁶ Зона свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом является логичным продолжением внешнеэкономического взаимодействия стран в последние годы. Происходит рост взаимной торговли – с 2,6 млрд долл. США в 2010 году до 4,2 млрд долл. США в 2014 году, что подтверждает заинтересованность и вовлеченность предпринимателей в поддержании и развитии взаимовыгодного сотрудничества. Поэтому упрощение условий торговли и снятие барьеров является логичным последовательным решением.

⁷ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны и Социалистической Республикой Вьетнам от 29.05.2015 г.

⁸ Там же.

⁹ По товарам легкой промышленности (одежда, постельное белье, обувь) импорт ЕАЭС составляет более 12 млрд долларов США, но из Вьетнама импортируется только 4% этого объема (около 500 млн долларов США).

¹⁰ Статья 4.3 определяет стандартные критерии происхождения. Товары считаются происходящим в Стороне, если они:

«а) полностью получены или произведены в такой Стороне в соответствии со статьей 4.4 настоящего Соглашения; или

б) произведены в одной или нескольких Сторонах исключительно из материалов, происходящих из данных Сторон; или

с) произведены на территории Стороны с использованием непроясходящих материалов и удовлетворяют требованиям перечня особых критериев происхождения, приведенного в Приложении 3 к настоящему Соглашению».

¹¹ FOB – стоимость товара, включающая стоимость транспортировки до порта или места окончательной отгрузки за рубеж.

¹² Стороны применяют компенсационные меры в соответствии с положениями Статьи VI и XVI ГАТТ 1994 и Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам, в соответствии с Приложением 1А Соглашения об учреждении ВТО.

¹³ Статья 2.10 Соглашения о свободной торговле предусматривает применение «триггерных защитных мер» в отношении происходящих из Вьетнама товаров, перечисленных в Приложении 2 к Соглашению и импортированных на территории государств-членов ЕАЭС, если объем импорта таких товаров в течение календарного года превысит определенный для этого года триггерный уровень, указанный в этом приложении. Триггерные защитные меры применяются в форме таможенной пошлины, эквивалентной пошлине в размере ставки режима наибольшего благоприятствования, в отношении рассматриваемого товара на дату введения триггерной защитной меры. Срок действия триггерной защитной меры не может превышать 6 месяцев.

¹⁴ «Арбитражная группа» – третейская группа, состоящая из 3-х членов. В течение 15 дней с момента назначения второго арбитра, назначенные арбитры по взаимному согласию выбирают председателя Арбитражной группы.

¹⁵ Глава 8 «Торговля услугами, капиталовложения и перемещение физических лиц».

¹⁶ Меморандум о сотрудничестве по вопросам торговли между Евразийской экономической комиссией и Министерством коммерции Китайской Народной Республики, Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Европейской экономической комиссией ООН.

¹⁷ Совместное заявление по итогам встречи между представителями Евразийской экономической комиссии и МЕРКОСУР от 25.11.2014 г.

¹⁸ ЕАЭС: цифры и факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/akt/trade>. – Дата обращения: 19.12.2015.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО

Международно-правовые основы регулирования статуса трудящихся- мигрантов на универсальном и региональном уровне

Ястребова А.Ю.*

В публикации определены современные международно-правовые основы универсальной и региональной регламентации статуса трудящихся-мигрантов, показаны научные подходы к регулированию отдельных видов трудовой миграции и проанализированы формы межгосударственного сотрудничества в указанной сфере. Автором изучены специальные компоненты действующих международно-правовых механизмов управления трудовой миграцией в контексте деятельности межгосударственных интеграционных объединений на региональном (субрегиональном) уровне.

Ключевые слова: миграция; международно-правовой статус трудящихся-мигрантов; права человека; интеграция мигрантов в принимающем государстве; универсальные и региональные международные договоры.

При определении особенностей международно-правового регулирования миграция подразделяется на вынужденные и добровольные передвижения.

Международно-правовые основы регламентации трудовой миграции имеют свою специфику. С одной стороны, универсальные стандарты трудовых и социальных прав закреплены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и должны

---

* Ястребова Алла Юрьевна – к.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права Дипломатической Академии МИД России. allayastrebova@mail.ru.

применяться государствами-участниками ко всем лицам (в Пакте используется термин «каждый»), без какой-либо дискриминации. Указанные стандарты равнозначны в отношении иностранцев и собственных граждан. Каждое государство-участник решает вопрос о форме имплементации прав и свобод, установленных Пактом, в собственной национально-правовой системе.

С другой стороны, принимающее государство устанавливает порядок въезда, пребывания и выезда трудящихся-мигрантов по своему усмотрению. По мнению экспертов Международной организации по миграции (МОМ), межгосударственные трудовые передвижения индивидов регулируются, прежде всего, национальным миграционным законодательством, и «некоторые страны играют активную роль в регулировании внешней трудовой миграции и создании благоприятных условий для своих граждан за рубежом»¹.

Часть 1 ст. 2 Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.² определяет их как лиц, «которые будут заниматься, занимаются или занимались оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданами которого они не являются». Как известно, универсальным международно-правовым стандартом выступает право каждого человека на труд. Под ним в ч. 1 ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.³ понимается право «на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает и на который он свободно соглашается».

В.А. Волох указывает на значимость т.н. «общественно-организованной» формы трудовой миграции, которая предполагает наличие возможности с учётом проводимой государствами политики существенным образом влиять на объёмы и направление перемещения населения из одной страны в другую»⁴. Представляется, что баланс международных обязательств стран приёма и их собственных возможностей по обустройству трудящихся-мигрантов должен способствовать созданию достойных условий занятости и пребывания.

Конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. устанавливает перечень видов трудовой миграции. Статья 2 Конвенции включает в понятие «трудящийся-мигрант» приграничных и сезонных иностранных работников, моряков и лиц, занятых на стационарных прибрежных установках; переезжающих в ходе трудовой деятельности из одного государства в другое на короткие периоды мигрантов; трудящихся на проекте и по найму, а также иностранцев, которые работают по другим основаниям («не по найму») в стране

пребывания. По нашему мнению, ст. 2 Конвенции 1990 г. была сформулирована так подробно, чтобы способствовать определенной классификации типов трудящихся-мигрантов и в соответствующих двусторонних договорах, и в национальном законодательстве государств-участников.

Ряд западноевропейских стран (Греция, Португалия, Италия, Нидерланды, Финляндия, Австрия) включил статус сезонного иностранного работника в свое миграционное законодательство. К настоящему моменту отдельные государства – члены ЕС (Франция, Эстония, Чешская Республика и Финляндия) используют упрощенные процедуры привлечения сезонных трудящихся-мигрантов. Эксперты отмечают, что зачастую «упрощенный порядок принятия влечет за собой отмену обязательного тестирования вакансии на рынке труда и / или обязательного получения разрешения на проживание и / или разрешения на работу.

В рамках упрощенного режима требуется оформить только въездную визу для пребывания в стране и осуществления трудовой деятельности»⁵. Здесь можно привести в пример консолидированную версию Миграционного кодекса Франции (Кодекс о въезде, проживании и убежище) 2010 г. и её Трудовой Кодекс 2008 г.; Закон Эстонии об иностранных гражданах 2009 г. и её Закон о занятости 2008 г.; Закон Чешской Республики о проживании иностранных граждан на её территории и её Закон о занятости 2004 г.; Закон Финляндии об иностранных гражданах 2004 г. с поправками 2009 г., и её Закон о занятости и трудовом договоре 2001 г. с поправками 2010 г.

Часть 1 ст. 11 Конвенции МОТ № 143⁶ определяет трудящегося-мигранта как «лицо, которое мигрирует или мигрировало из одной страны в другую с целью получения любой работы, кроме как за собственный счет»; указанный термин «включает в себя любое лицо, законно въехавшее в страну в качестве трудящегося-мигранта».

Универсальной гарантирующей нормой выступает ст. 7 Конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., которая обязывает участвующие государства уважать и обеспечивать права всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, находящихся на их территории или под их юрисдикцией, без какой бы то ни было дискриминации. Статья 11 Конвенции 1990 г. запрещает содержание этих лиц в рабстве или в подневольном состоянии (п. 1) и привлечение их к принудительному или обязательному труду (п. 2). Статья 24 закрепляет право трудящегося-мигранта и членов его семьи на признание правосубъектности. Пункт 1 ст. 39 устанавливает их право на свободу передвижения и выбора местожительства по территории государства пребывания.

Статья 5 Европейской конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов 1977 г. (ETS № 093)⁷ включает обязанность государств-участников еще до отъезда трудящегося-мигранта обеспечить его трудовым контрактом или конкретным предложением работы. Статья 32 устанавливает, что положения Конвенции действуют наряду с национальным законодательством договаривающихся сторон или любыми двусторонними либо многосторонними договорами, которые предусматривают более благоприятный режим в отношении защиты трудящихся-мигрантов.

Сегодня приём трудовых мигрантов экономически развитыми государствами связан с правовым регулированием, выходящим за рамки содержания Конвенции 1990 г. Примером этого может быть разделение их на неквалифицированную рабочую силу и высококвалифицированных специалистов, для которых создана особая система адаптации. Так, обычным условием для привлечения иностранной рабочей силы в Бельгии является тестирование вакансии на национальном рынке труда, которое возлагается на приглашающее юридическое лицо. От этой процедуры освобождены высококвалифицированные специалисты, преподаватели высшей школы и управленческий персонал. Кроме того, для таких категорий работников разрешение на пребывание в стране может быть продлено до 8 лет. В 2008 г. Правительство Южной Кореи запустило программу Job-Seeking Visa, согласно которой иностранцы с опытом работы в одной из 300 известных мировых компаний могут въехать на её территорию с целью самостоятельного трудоустройства без получения официального приглашения и наличия трудового договора. Иммиграционные власти ЮАР предоставляют разрешение на работу в связи с выдающимися способностями лицам, имеющим соответствующие профессиональные навыки и вносящим достойный вклад в развитие экономики страны, и членам их семей⁸.

Несмотря на различия в национально-правовом регулировании статуса трудящихся-мигрантов, общее состоит в том, что принимающее государство производит определенную селекцию иностранных работников. Они условно разделены на тех, кому предлагаются временное пребывание на период занятости, и тех, кто может претендовать на долгосрочное пребывание и заслуживает отдельных интеграционных преимуществ и программ (языковых, культурных, семейных).

Региональное международно-правовое регулирование привлечения иностранной рабочей силы в ЕС имеет собственные приоритеты, закрепленные в Плане стратегии ЕС по законной миграции⁹, к которым относится, в том числе, использование работников всех спектров квалификации в зависимости от потребности национальных рынков труда.

Лиссабонский договор 2007 г.¹⁰, вступивший в силу в декабре 2009 г., содержит обязанность государств-членов обеспечивать интеграцию граждан третьих стран, проживающих на законных основаниях на территории ЕС (ст. 79 (4) Договора о функционировании ЕС). Кроме того, в качестве унифицирующего международно-правового акта ЕС можно рассматривать Директиву Европейского Совета 2009/50/ЕС об условиях въезда и проживания граждан третьих стран для целей осуществления высококвалифицированной трудовой деятельности от 25 мая 2009 г., т.н. «директиву о голубой карте»¹¹. Содержание данной Директивы предусматривает и создание особых условий для воссоединения семей таких мигрантов, в частности, для их супругов и детей.

Западные учёные-правоведы указывают на тесную связь между процессами интеграции и иммиграционной политикой принимающих стран. К примеру, во Франции, Германии и Нидерландах государственная компетенция в сфере интеграции иностранцев была передана от министерств, ведающих социальными вопросами, к ведомствам внутренних дел или иммиграции. Это, по мнению специалистов, увеличивает возможности контроля над иммиграцией в большей степени, чем способствует интеграции трудовых мигрантов¹².

Васильева Т.А. выделяет как одну из европейских миграционных тенденций введение национальных преференций на рынке труда, когда «иностранец может получить рабочее место в западноевропейской стране только в том случае, если на него не претендуют граждане этой страны, а также других государств – членов ЕС или государств, входящих в Европейскую экономическую зону»¹³.

Специальное регулирование по отношению к неквалифицированным иностранным работникам в праве ЕС пока отсутствует. Правовой статус таких лиц определяется национальным законодательством принимающего государства и соответствующими двусторонними международными договорами. Тем не менее, эксперты МОМ считают, что уже начали складываться общие правовые основы привлечения неквалифицированных иностранных работников, объединяющие национальные законодательства стран ЕС, а именно:

- наличие медицинской страховки, оплаченной работодателем, или самим работником;
- запрет искусственного снижения оплаты их труда по сравнению с собственными гражданами;
- выдача разрешений на работу и пребывание только после подписания трудового договора с работодателем из страны ЕС;

– обеспечение выезда работников из страны найма по истечению срока действия трудового договора¹⁴.

Представляется, что эти нормы будут и в дальнейшем влиять на формирование директивных источников вторичного права ЕС. Так, явно в контексте вышеуказанных правовых основ была разработана и принята Директива Европейского Парламента и Совета ЕС 2014/36/ЕС от 26 февраля 2014 г. об условиях въезда и пребывания граждан третьих стран в целях занятости в качестве сезонных работников¹⁵. Данная Директива оставляет на усмотрение государств-членов ЕС размер трудовых квот, которые они могут устанавливать (ст. 7). Основные требования для въезда сезонных работников состоят в: 1) наличии действующего трудового договора и проездного документа; 2) доказательство надлежащего места проживания в ЕС; 3) отсутствие угрозы для общественного порядка, безопасности или здравоохранения; 4) отсутствие доступа к национальной системе социальной поддержки; 5) отсутствие риска с точки зрения нелегальной иммиграции (ст. 5, 6).

Региональным международным договором Совета Европы, затрагивающим статус трудящихся-мигрантов, выступает Европейская социальная хартия 1961 г., пересмотренная в 1996 г. (ETS N 163)¹⁶. Часть 4 ст. 18 Хартии устанавливает право граждан государств-участников на выезд с целью трудовой деятельности на территории других сторон. В Приложении к Хартии оговаривается, что перечень социальных прав трудящихся-мигрантов применим только к законно пребывающим иностранцам: он относится к иностранным гражданам «только в том случае, если они являются гражданами других Сторон, на законных основаниях проживающими или постоянно работающими на территории соответствующей Стороны» (п. 1). Пункт 18 части 1 Хартии, представляющей собой своеобразный свод основных принципов в области труда и социальной защиты, подтверждает право граждан Сторон на трудовую миграцию, с оговоркой о тех ограничениях, которые могут быть вызваны «вескими экономическими или социальными причинами». Статья 19 подробно излагает содержание права работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь, включая в него:

- содействие сторон деятельности служб бесплатной поддержки;
- оказание при въезде необходимых санитарных и медицинских услуг;
- гарантии предоставления национального режима государства пребывания в оплате труда, условиях работы, членстве в профсоюзах, участии в коллективных договорах, обеспечении жильем, налогообложении, судопроизводстве;

- право на невысылку, за исключением случаев угрозы национальной безопасности или общественному порядку и нравственности;
- разрешение свободно переводить любую часть заработка или сбережений;
- содействие воссоединению семей;
- помощь в изучении национального языка страны пребывания;
- содействие в обучении детей родному языку их родителей.

Представляется важным, что ч. 10 ст. 19 Хартии распространяет указанные формы защиты и содействия на самозанятых работников-мигрантов. Это означает поддержку любых типов занятости и предпринимательства, что актуально и для позиции российского законодателя относительно трудовой миграции. Здесь будет уместным привести пример действия въездных виз для иностранных работников в Италии. В этом государстве действует система двух типов трудовых виз: для самозанятости, т.е. самостоятельной деятельности неподчиненного характера, и для работы по найму. Первый тип визы выдается на срок до 90 дней, на длительный фиксированный период, не превышающий одного года, и с открытым сроком для тех иностранных граждан, которые будут осуществлять профессиональную деятельность на независимой основе. В эту же категорию включаются лица творческих (артистических) профессий¹⁷.

Пользуясь своим правом ратифицировать, согласно п. 1 ст. А ч. III, положения Европейской социальной хартии частично (не менее 16 статей или 63 пунктов), РФ посредством Федерального закона от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ¹⁸ взяла на себя международные обязательства, в том числе, в отношении:

- права своих граждан на трудовую миграцию (ч. 4 ст. 18),
- равенства обращения с работниками-мигрантами в области налогов, сборов и отчислений (ч. 5 ст. 19),
- разрешения на перевод ими любой части заработка и сбережений (ч. 9 ст. 19).

Российские правоведы отмечают, что действующее миграционное законодательство РФ не содержит полного объема прав и свобод работников-мигрантов, предусмотренного Хартией. По их мнению, Европейская социальная хартия «декларирует положения, которые уже закреплены в законодательстве во многих западноевропейских странах, и одна из её задач состоит именно в создании механизма международного контроля за распространением этих норм на все государства Евросоюза»¹⁹.

На наш взгляд, Европейская социальная хартия выступает региональной международно-правовой основой обращения государств-участников

с законно пребывающими трудовыми мигрантами. Пересмотренный вариант Хартии, принятый в 1996 г., содержит расширенный перечень социально-экономических прав и свобод человека и устанавливает такие стандарты, как право на защиту от бедности и социального отторжения (п. 30 ч. I), право пожилых лиц на социальную защиту (п. 23 ч. I), право на коллективные переговоры работников и работодателей (п. 6 ч. I) и, наконец, право иностранцев на трудовую деятельность наряду и на равных основаниях с собственными гражданами (п. 18 ч. I) и право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь (п. 19 ч. I). К настоящему моменту Хартия подписана 45 государствами – членами Совета Европы и ратифицирована 33 из них.

Статья 1 Конвенции СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей 2008 г.²⁰ определяет трудящегося-мигранта как лицо, являющееся гражданином одной из её Сторон или лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории этой Стороны, «законно находящееся и на законном основании занимающееся оплачиваемой трудовой деятельностью на территории другой Стороны, гражданином которой оно не является и в которой постоянно не проживает». Это более расширенное определение по сравнению с ч. 1 ст. 2 Конвенции ООН 1990 г., которое включает дополнительно таких лиц, как апатриды, и такой элемент, как требование законных оснований пребывания и трудовой занятости мигрантов. Конвенция СНГ 2008 г. устанавливает цикл миграции, обозначенный как «период времени, включающий выезд из Стороны постоянного проживания, транзит, въезд в принимающую страну, пребывание и осуществление оплачиваемой трудовой деятельности в принимающей Стороне, а также возвращение в Сторону постоянного проживания» (ст. 1). Это тот временной промежуток, в который Конвенция обеспечивает регулирование отношений между принимающим государством и трудящимися-мигрантами. Часть 1 ст. 4 Конвенции СНГ 2008 г. дает возможность принимающему государству установить дополнительные ограничения в отношении категорий работ по найму, рода деятельности и доступа к оплачиваемой трудовой деятельности, в целях защиты национального рынка труда и приоритетного занятия его вакансий своими гражданами.

Часть 5 ст. 69 Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)²¹ содержит понятие «трудящийся государства-члена», что обозначает лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого он не является и где постоянно не проживает. Осуществление трудовой

деятельности предполагает его занятость на основе трудового договора или гражданско-правового договора выполнения работ (оказания услуг); срок временного пребывания (проживания) трудящегося лица определяется сроком действия указанных договоров (ч. 5 ст. 97). Трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности (ч. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС). Указанная норма предполагает устранение ограничений по защите национальных рынков труда государств-членов, что будет стимулировать упрощенный обмен трудовыми ресурсами в едином экономическом пространстве. В ней также косвенно указаны предпочтительные для ЕАЭС виды трудовых миграций. В ч. 3 ст. 97 установлены такие преференциальные меры, как взаимное признание участниками Договора о ЕАЭС документов об образовании (в упрощенном порядке), ученых степенях и званиях.

Представляется, что в рамках ЕАЭС будут поощряться как сезонные и приграничные миграции среднеквалифицированных работников (возможен въезд без заполнения миграционной карты на срок до 30 суток согласно ч. 8 ст. 97 Договора), так и высокопрофессиональные и академические виды миграций.

Глобализация мировых миграционных процессов требует активного участия разных по своему экономическому уровню стран в универсальном и региональном (субрегиональном) международно-правовом регулировании. Распределение миграционных трудовых потоков в мире неравномерно: одни страны только принимают трудящихся-мигрантов, другие являются только государствами выезда, третьи выполняют обе функции. Поэтому заинтересованность в международно-правовом регулировании трудовой миграции у них различна.

На наш взгляд, стоит более детально сформулировать специальные принципы такого регулирования, приемлемые для всех участвующих в международном трудовом обмене государств. К числу таких принципов можно отнести обеспечение государствами происхождения и приема возвратности трудовой миграции; информированность трудящихся-мигрантов об их правах и обязанностях в государстве приема; запрет дискриминации в сфере общих прав человека и профессиональных прав; равенство обращения с трудящимися-мигрантами и реализацию консульской защиты государства гражданства на территории принимающей стороны. Национальное миграционное и трудовое законодательство государств приема, в свою очередь, может быть дополнено с учетом возможных форм имплементации перечисленных международно-правовых принципов сотрудничества в сфере добровольной миграции.

International Legal Backgrounds to Regulate the Status of Migrant Workers at Universal and Regional Level (Summary)

Alla Y. Yastrebova*

The article deals with the modern international legal backgrounds to regulate the status of migrant workers on universal and regional level, some scientific approaches to manage some types of the labour migration and the analysis of the forms of states' cooperation in the above field. The author examines the particular elements of the acting international legal mechanisms of the labour migration' regulation relating to the activities of the regional (sub-regional) integration organizations.

Keywords: migration; international legal status of migrant workers; human rights; integration of migrants in the accepting state; universal and regional international treaties.

¹ Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский). – М.: MOM, 2001. – С. 130.

² Текст Конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. приводится по инф.-правовой системе «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976 г. № 17(1831).

⁴ Волох В.А. Трудовая миграция: политико-правовые и социально-экономические аспекты привлечения и использования иностранной рабочей силы. –М.: Спутник, 2010. – С. 14.

⁵ Правовые основы привлечения и использования неквалифицированных и низкоквалифицированных иностранных работников-граждан третьих стран в 27 государствах Европейского Союза. Краткое описание. Первая версия. – Женева: MOM, 2010. – С. 87.

⁶ Конвенция МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г. Инф.-правовая система «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

⁷ European Convention on the Legal Status of Migrant Workers, 1977 // Basic Documents on International Migration Law. – P. 192–205.

⁸ Подробнее об этом см.: Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов. – М.: MOM, 2011.

⁹ COM (2005) 669.

---

* Alla Y. Yastrebova – Ph.D in Law, Associate professor, Professor of the of International Law Chair, Diplomatic Academy MFA Russia. allayastrebova@mail.ru.

- ¹⁰ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества, от 13 декабря 2007 г. 2007/С 306/01. Инф.-правовая система «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.
- ¹¹ Directive 2009/50/EC. OJ 2009 L 155/17.
- ¹² K.Groenendijk. Pre-departure Integration Strategies in the European Union: Integration or Immigration Policy // European Journal of Migration and Law. – № 13 (2011) 1–30. – P. 8.
- ¹³ Васильева Т.А. Статус иностранцев во внутреннем праве стран западной демократии в контексте миграционной политики // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. 2 Миграционная политика и законодательство. – М.: РСМД, 2013. – С. 396.
- ¹⁴ Правовые основы привлечения и использования неквалифицированных и низкоквалифицированных иностранных работников-граждан третьих стран в 27 государствах Европейского союза. С. 9.
- ¹⁵ Текст Директивы 2014/36/ЕС от 26 февраля 2014 г. об условиях въезда и пребывания граждан третьих стран в целях занятости в качестве сезонных работников приводится по инф.-правовой системе «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.
- ¹⁶ Бюллетень международных договоров. – Апрель 2010 г. – № 4.
- ¹⁷ Аналитический обзор процедур привлечения иностранной рабочей силы (законодательство Республики Казахстан и международный опыт). Первая версия. – Астана: МОМ, 2011. – С. 24.
- ¹⁸ СЗ РФ от 8 июня 2009 г. № 23. Ст. 2756.
- ¹⁹ Крощенко М.М., Алексенцева Ю.А. Европейская социальная хартия и миграционная политика России // Кадровик. Трудовое право для кадровика. № 7, июль 2009 г. Цит. по инф.-правовой системе «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.
- ²⁰ Текст Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ 2008 г. приводится по инф.-правовой системе «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.
- ²¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Инф.-правовая система «Гарант Аэро», 2015. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Особенности применения статьи 76 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

Падиряков А.В.*

В статье рассматриваются особенности возмещения убытков, понесенных в результате неисполнения договоров купли-продажи товаров, в частности, договоров купли-продажи товаров между российскими и иностранными организациями в случае регулирования таких договоров Венской конвенцией о договорах международной купли продажи товаров.

Ключевые слова: Венская конвенция 1980 г.; возмещение убытков; текущая цена; договорная цена; цена, установленная в договоре; сделка, совершенная взамен.

В условиях глобального экономического кризиса особую актуальность приобретает проблема неисполнения обязательств и, как следствие, возможности взыскания убытков, понесенных сторонами в результате неисполнения. Практикующие юристы все чаще и чаще сталкиваются со случаями, когда сделка, заключенная до кризиса, и предполагающая исполнение спустя какое-то время, становится экономически невыгодной или просто не нужной той или иной стороне в тех обстоятельствах, в которых она оказывается в связи с кризисом. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе с падением спроса, цен, а нередко – и того и другого, на ряд товаров, например, на сырье, металлы, недвижимость, а также с общим падением потребительского спроса и финансовыми трудностями. Когда такие проблемы возникают, стороны, как правило, пытаются договориться о прекращении сделки или об изменении ее условий.

---

* Падиряков Александр Викторович – начальник отдела правовой поддержки международных проектов Государственной корпорации «Ростех». a.v.padiyakov@rostec.ru.

Не так редки, однако, и случаи, когда одна из сторон просто прекращает исполнение своих обязательств. Значительное распространение получило неисполнение контрактов международной купли-продажи товаров.

Соответственно, в современных реалиях представляется весьма актуальным рассмотреть особенности возмещения убытков, понесенных в результате неисполнения договоров купли-продажи товаров, в частности, договоров купли-продажи товаров между российскими и иностранными организациями.

Российская Федерация является участником Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (далее по тексту – Конвенция). В связи с этим договоры купли-продажи товаров между российскими и иностранными организациями часто регулируются нормами Конвенции. В частности, это связано со значительным количеством стран – участниц Конвенции и ее автоматическим применением к договорам купли-продажи между российскими и иностранными организациями в случае выбора сторонами в качестве применимого российского права, если коммерческие предприятия таких организаций находятся в разных странах.

Достаточно эффективным способом восстановления нарушенного права в случае неисполнения контрагентами своих обязательств по договору купли-продажи товаров является взыскание понесенных убытков. Несмотря на кажущуюся простоту и ясность формулировок норм Конвенции о возмещении убытков, на практике при их применении возникает ряд сложных вопросов. В связи с этим имеет смысл провести краткий анализ некоторых особенностей соответствующих норм и проблем, возникающих при их толковании.

Регулированию вопросов возмещения убытков в Конвенции посвящен раздел II главы V части III Конвенции. Данный раздел содержит четыре статьи: 74, 75, 76 и 77¹.

Статья 74 содержит определение убытков. Возмещение убытков в случае, если после расторжения договора пострадавшей стороной совершена заменяющая сделка, т.е. возмещение «конкретных» убытков, регулируется статьей 75. Статья 76 посвящена возмещению абстрактных убытков, расчет которых происходит в условиях, когда заменяющая сделка не была совершена. Статья 77 также предусматривает обязанность пострадавшей стороны предпринять меры для уменьшения своего ущерба.

Зачастую основной составляющей взыскиваемых убытков является разница между договорной ценой и ценой заменяющей сделки. Как было указано выше, расчет убытков в данном случае регулируется статьей 75 Конвенции. В соответствии со статьей 75 Конвенции, «если

договор расторгнут и если разумным образом и в разумный срок после расторжения покупатель купил товар взамен или продавец перепродал товар, сторона, требующая возмещения убытков, может взыскать разницу между договорной ценой и ценой по совершенной взамен сделке».

В условиях экономического кризиса особую актуальность приобретают проблемы, которые могут возникнуть при возмещении абстрактных убытков, поскольку в связи с общим снижением деловой активности для пострадавшей стороны часто не представляется возможным заключить заменяющую сделку.

Статья 76 Конвенции предусматривает, что, «если договор расторгнут и если имеется текущая цена на данный товар, сторона, требующая возмещения ущерба, может, если она не осуществила закупки или перепродажи на основании статьи 75, потребовать разницу между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на момент расторжения договора...».

Что же такое цена, установленная в договоре? Предположим, у нас есть долгосрочный контракт, в котором предусмотрено, что цены подлежат корректировке ежегодно по определенной формуле, рассчитанной на основании определенных публикуемых индексов. Например, нередко в таких формулах в международных контрактах используются данные о валовом национальном продукте той или иной страны. Можем ли мы сказать, что в таком случае у нас имеется цена, установленная в договоре?

В целом, в Конвенции можно проследить различие между случаями, когда в договоре цена установлена и когда в договоре предусматривается порядок определения цены. Например, статья 14 Конвенции предусматривает, что предложение о заключении договора является достаточно определенным, «если в нем обозначен товар и прямо, или косвенно устанавливается количество и цена, либо предусматривается порядок их определения». Вывод о существовании такого различия может быть сделан и на основе анализа Комментария Секретариата Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), в котором, в частности, говорится следующее: «Таким образом, чтобы считаться офертой, предложение о заключении договора должно прямо или косвенно закреплять или предусматривать условия о цене. Возможность рассчитать цену товара при заключении контракта не является обязательным условием. К примеру, оферта и последующий контракт, могут устанавливать цену как максимальную на конкретном рынке на дату поставки, сроки которой могут определяться месяцами или даже годами. В таком

случае оферта будет содержать положения, прямо указывающие порядок определения цены»².

В Комментарий к Конвенции под редакцией Питера Шлейхтрима отмечается следующее: «Товар, его количество и цена определены в случае, если они прямо установлены. ... Однако второе предложение пункта 2 статьи 14 Конвенции допускает косвенное установление товара, количества и цены. Поскольку молчание само по себе не может определять товар, его количество и цену, данное положение Конвенции должно относиться к факторам, которые могут быть истолкованы как указание на товар, его количество и цену. Часто такие указания встречаются в устной форме. Например, в случаях, когда стороны заключают между собой различные сделки на протяжении длительного времени, ссылки на определенные числа может быть достаточно для обозначения товара, его количества и, возможно, даже цены на него.»³

Различие между «договорной ценой» и «ценой, установленной в договоре» проводится и в статье 55 Конвенции: «в тех случаях, когда договор был юридически действительным образом заключен, но в нем прямо или косвенно не устанавливается цена или не предусматривается порядка ее определения, считается, что стороны ... подразумевали ссылку на цену, которая в момент заключения договора обычно взималась за такие товары».

Как следует из протокола обсуждения Проекта Конвенции на дипломатической конференции в Вене в апреле 1980 г., использование в статье 76 Конвенции только «цены, установленной в договоре» было совершенно не случайным, и вопрос о том, можно ли использовать статью 76 в случае с определяемой ценой, обсуждался. Для лучшего понимания важности различия между «договорной ценой» и «ценой, установленной в договоре» имеет смысл обратиться к протоколу заседания Первого Комитета Венской дипломатической конференции, занимавшегося подготовкой Проекта Конвенции (далее по тексту – Комитет).

Вопрос об отличиях в используемых терминах в статьях 71 и 72 Проекта Конвенции (впоследствии ставшие статьями 75 и 76 Конвенции) был поставлен на 37-ой встрече Комитета доктором Людвиком Копаком, представлявшим на конференции Чехословакию. В первой статье английская версия Конвенции ссылается на «договорную цену» (“contract price”), а во второй – на «цену, установленную в договоре» (“price fixed by the contract”), в то время как во французской версии текста обе статьи отсылают к «prix du contrat», т.е. «договорной цене». В этой связи Редакционный комитет поместил данные термины в статьях 71 и 72 (впоследствии ставшими статьями 75 и 76 Конвенции) в квадратные скобки,

чтобы Комитет смог принять решение по вопросу их использования. Редакционный Комитет отметил, что выбор того или иного термина может существенно затронуть толкование других положений Конвенции. К примеру, выражение «договорная цена» было согласовано с положениями статьи 51 Проекта Конвенции [впоследствии ставшей статьей 55 Конвенции], которая касается определения цены договора в случае, если договор был заключен, но при этом цена не была прямо или косвенно установлена, в то время как использование формулировки «цена, установленная в договоре» исключила бы возможность определения цены в соответствии с положениями этой статьи.»⁴

На данное предложение поступил ряд комментариев от участников Комитета. Так, профессор С.Н. Лебедев, представлявший на конференции СССР, высказал следующее мнение: «Формулировка «цена установленная в договоре» должна быть сохранена в статье 73 (впоследствии ставшей статьей 75 Конвенции), поскольку иначе некоторые страны не смогут ратифицировать Часть 2 Конвенции, касающуюся заключения договора.»⁵

Представитель Финляндии, господин Севон, заявил, что в статьях 71 и 72 Проекта Конвенции (впоследствии ставшие статьями 75 и 76 Конвенции) намеренно были использованы разные термины и поэтому эти же термины должны быть сохранены в тексте Конвенции⁶.

Следует отметить, что представитель Соединенных Штатов Америки, профессор Хоннольд, возражал против идей, высказанных господином Севоном, считая, что в случае, если термин «цена, установленная в договоре», содержащийся в статье 72 Проекта Конвенции (впоследствии ставшей статьей 76 Конвенции) и имеющий более узкое значение, будет сохранен, добросовестная сторона потеряет возможность требовать возмещения убытков в ситуации, когда цена не была четко прописана в договоре.⁷

Тем не менее, большинство участников Комитета не придерживалось позиции профессора Хоннольда. Так, профессор Боннел, представлявший на конференции Италию, поддержал идеи господина Севона, поскольку, как он полагал, для использования двух разных терминов в статьях 71 и 72 (впоследствии ставших статьями 75 и 76 Конвенции) были серьезные причины. Он предложил использовать в Конвенции те же термины, что и в Единообразном законе о купле-продаже товаров (ULIS), где формулировка «цена, установленная в договоре» встречается в статье 84, а статья 85 содержит термин «договорная цена».

Обращение непосредственно к тексту протокола заседания Комитета также имеет большое значение, в связи с тем, что в научной литературе

получило определенное распространение толкование данного текста, которое не представляется вполне корректным. В частности, профессор Вилус пишет в своей статье следующее: «На Конференции в Вене обсуждалось, совпадают ли понятия «договорная цена» и «цена, установленная в договоре». Многие придерживались мнения, что договорная цена представляет собой цену, объективно и точно прописанную в договоре, что не всегда является обязательным для «цены, указанной в договоре»⁸. Следует признать, что такое толкование текста протокола Комитета может ввести в заблуждение и создать условия для неправильных выводов.

Если же допустить, что статья 76 Конвенции все же может применяться и в случае определимой цены, то мы столкнемся с очередной проблемой: цену не всегда можно рассчитать на момент расторжения договора. В практике автора был случай, когда цена по долгосрочному контракту должна была определяться ежегодно в течение 10 лет на основании формулы с использованием данных о валовом национальном продукте за предыдущий год, которые будут публиковаться в будущем. Таким образом, на момент расторжения договора было невозможно, например, рассчитать цену, которая должна была применяться на товар даже через год, не говоря уже о десятилетнем сроке.

Сам вопрос о том, по состоянию на какой момент нужно брать договорную цену, прямо не урегулирован в Конвенции. Статья 76 Конвенции предусматривает, что только текущая цена должна рассчитываться на момент расторжения договора, и не указывает, на какой момент должна рассчитываться договорная цена. Принимать за основу цену на момент расторжения, если договор предусматривает изменение цены в последующие годы, могло бы быть не совсем правильным. В конце концов, цена, действующая на момент расторжения, в нашем примере согласована только в отношении товаров, подлежащих поставке в этом конкретном году, а не на годы вперед.

Похожая проблема может возникнуть и в том случае, когда цена по долгосрочному контракту установлена, а не определима. Договор, например, может предусматривать, что каждый год цена увеличивается на 10%. Нужно ли принимать во внимание такой рост стоимости при расчете убытков по статье 76? Если его не принимать во внимание, тогда, опять же, вряд ли можно говорить о том, что цена на первый год является согласованной ценой в отношении всех десяти лет. Если учитывать увеличение цены, то может возникнуть ситуация, при которой договорная цена выше текущей цены на момент расторжения и покупателю, не получившему товар, просто будет нечего взыскивать.

На основе выше приведенного анализа доктрины и истории подготовки Конвенции, можно сделать вывод о том, что в случае, когда договор предусматривает, что цены подлежат корректировке ежегодно по определенной формуле, рассчитанной на основании определенных публикуемых индексов, применение статьи 76 вряд ли возможно.

При этом, применение положений статьи 76 в отношении текущей цены, как правило, не является проблематичным, если товар, в отношении которого заключен договор торгуется на бирже. Весьма естественным и логичным в такой ситуации представляется использование с учетом положений статьи 76 биржевых котировок на данный товар в соответствующий момент времени.

В ситуации, когда товар не торгуется на бирже, определение текущей цены может вызвать определенные затруднения.

В судебной практике и доктрине были выработаны определенные требования к цене на товар, используемой для определения текущей цены. Ниже мы остановимся на них подробнее.

Требование наличия цены на товар, соответствующий договорному описанию

Цена, используемая как текущая для целей статьи 76 Конвенции, должна существовать на товар, соответствующий описанию в нарушенном договоре. Так, Апелляционный суд земли Целле (Oberlandesgericht Celle) постановил в своем решении от 2 сентября 1998 года следующее: «Текущей ценой является цена, которая обычно выплачивается за товары того же вида»⁹.

Как отмечал профессор Пильц в работе «Internationales Kaufrecht. Das UN Kaufrecht (Wiener Uebereinkommen von 1980) in praxisorientierter Darstellung», для определения текущей цены на товар не могут приниматься во внимание цены на аналогичные товары¹⁰.

Помимо собственно физических качеств товаров, значение может иметь, например, и правовой режим, под который подпадает тот или иной товар. Так, например, в одном из дел, в котором автор статьи представляли российскую организацию-ответчика, речь шла о поставках ядерного материала в рамках межправительственного соглашения, который мог использоваться на ограниченной территории и только при условии соблюдения строгих административных правил. Это существенно отличало его от материала с теми же физическими характеристиками, но без дополнительных административных ограничений.

Требование соотносимости количества товара, на который существует цена, и количества товара по договору

Другим важным критерием, принятым применительно к цене, рассматриваемой в качестве текущей для целей статьи 76, является необходимость установления такой цены в отношении количества товара, соотносимого с количеством товара по договору. В Комментариях Секретариата Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) к статье 72 Проекта Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, предшествующие статье 76 Конвенции, поясняется следующее: «текущей ценой» является цена на товар, соответствующий договорному описанию в количестве, предусмотренном в договоре»¹¹.

Требование о наличии рынка в отношении товара

Для наилучшего понимания данного требования имеет смысл обратиться к трудам Профессора Эрнста Рабеля, работы которого во многом создали базу для анализа и последующей унификации норм права, регулирующих международную куплю-продажу товаров. Ученый считал, что абстрактное исчисление убытков может иметь место, если:

- (i) цены определяются по биржевым курсам специальными маклерами и иными подобными лицами;
- (ii) имеются текущие цены в соответствующей области торговли, которые признаются достаточно надежно определяемыми.

Если же речь идет о (i) способности быть проданным; или (ii) наличии обычной цены – но только в отношении одного продавца, то абстрактное исчисление убытков применяться не может – в этом случае применяется конкретное/индивидуальное исчисление убытков (при котором наличие объективной ценности является лишь вспомогательным средством)¹²

Профессор Кнапп писал по этому поводу следующее: «Статья 76(2) не применяется в случае отсутствия текущей цены, как например, в случае, если поставляемый товар является уникальным продуктом, произведенным по заказу покупателя»¹³.

Состав арбитража Международного арбитражного суда МТП в своем решении № 8740 от октября 1996 г.¹⁴ указал на ряд свойств, которыми должна обладать цена на товар, для того, чтобы быть признанной текущей ценой в смысле статьи 76 Конвенции, в случае, если рассматриваемый товар не торгуется на бирже. Ниже мы остановимся на этих свойствах.

Цена должна быть установлена организацией, формирующей рыночную цену, сравнимой по своим функциям и качествам с товарной биржей либо биржей ценных бумаг и способной гарантировать, что рыночная цена на товар может быть установлена. Цены, по которым производитель

продает свои товары на протяжении определенного времени, так же, как и цены, согласуемые для конкретных случаев, не формируют ни рыночной, ни текущей цены на товар, если соглашение по таким ценам достигается вне организованного рынка. Исключение из этого правила возможно только в отношении товаров, по которым сделки купли-продажи заключаются на регулярной основе, другими словами, в отношении товаров, на которые не только существует рыночная цена, но в отношении которых сформировался постоянный рынок с большим количеством продавцов и покупателей, активно участвующих в заключении сделок на регулярной основе. Только при наличии указанного выше рынка, можно считать, что лицо, обладающее товаром, может без затруднений и в короткий срок продать его, а лицо, испытывающее нужду в таком товаре, может легко и в короткий срок его приобрести. Причиной для такого исключения служит тот факт, что существование подобного рынка обеспечивает возможность измерить убытки пострадавшей стороны путем отсылки к рыночной цене, и возможность указать на конкретную заменяющую сделку в данной ситуации не имеет определяющего значения.

Требование о наличии рынка, на котором можно было бы без затруднений и в короткий срок приобрести или продать товар, на наш взгляд, особенно актуально для сделок с участием российских организаций-продавцов, поскольку существенная часть товаров, экспортируемых такими организациями - товары, в отношении, которых подобного рынка не существует. Примером данного вида товаров может служить уран.

В отношении урана не существует рынка, на котором его можно было бы свободно приобрести или продать, а цены не определяются на основании конкуренции предложений. Кроме того, в отношении данного товара не существует рынка фьючерсов. Цены на поставку урана согласуются для каждого конкретного случая. В основном заключаются так называемые нерыночные сделки, когда организации-покупатели выбирают поставщика не на конкурентной основе и проводят переговоры с заранее определенными организациями.

Требование о том, что сделки, на основании которых определяется текущая цена, должны содержать условия схожие с условиями нарушенного договора

Текущая цена должна определяться на основании сделок, которые заключаются на условиях схожих с условиями нарушенного договора. Так, Апелляционный суд земли Целле (Oberlandesgericht Celle) постановил в своем решении от 2 сентября 1998 года следующее: «Текущей ценой является цена, которая обычно выплачивается за товары

того же вида в соответствующей отрасли промышленности в сравнимых обстоятельствах»¹⁵.

В своем решении от 18 апреля 1991 года Китайская Международная Торгово-экономическая Арбитражная Комиссия пришла к следующему выводу: «Текущая цена на товар не может быть определена на основании публикаций в специализированном журнале *Metals Week*, поскольку данный журнал размещал информацию об обычной цене на соответствующий товар на американском рынке, а договор содержал условие о цене товара на условиях поставки FOB (Китайский порт). Текущая цена должна быть определена на условиях поставки, содержащихся в договоре. Хотя (продавец) изменил информацию о ценах, опубликованную в журнале *Metals Week*, с учетом условий поставки, она не может быть использована в качестве доказательства наличия текущей цены, поскольку не отражает договорных условий поставки».

Невозможность использовать производную цену

На практике встречаются попытки определить текущую цену на основании производной цены. Такая производная цена может складываться из цены на сырье и цены его переработки. Следует отметить, что, как правило, в отношении готового продукта существует отдельный рынок, и цены на такой продукт часто отличаются от суммы цен сырья и переработки в зависимости от спроса и предложения, существующих на соответствующем рынке.

Невозможность использовать производную цену для установления текущей цены и ранее отмечалась в доктрине. Так, в комментарии под редакцией профессора Шлейхтрима поясняется следующее: «Текущая цена» на замороженный бекон без шкурки не может ... быть определена путем использования цены незамороженного бекона, увеличенной на стоимость снятия шкурки и замораживания бекона ...»¹⁶.

Стоит, однако, отметить, что данная мысль была высказана профессором Шлейхтримом при критике решения Апелляционного суда земли Хамм (*Oberlandesgericht Hamm*) от 22 сентября 1992 года, который занял по данному вопросу противоположную позицию.

Резюмируя приведенные выше подходы к определению текущей цены, можно сделать вывод о том, что к цене, используемой в качестве текущей в смысле статьи 76 Конвенции, применяется ряд требований.

Цена, используемая как текущая, должна быть на товар, соответствующий описанию, в количестве, соотносимым с количеством товара по нарушенному договору. Сделки, содержащие такую цену, должны

закключаться на условиях, сходных с условиями нарушенного договора. В случае отсутствия биржевых котировок на товар в отношении такого товара должен существовать рынок со значительным количеством регулярных сделок между большим количеством покупателей и большим количеством продавцов, и информацию об этих сделках можно было бы получить и проверить. При этом текущая цена не может быть определена на основании производной цены.

В заключение, хотелось бы отметить, что в настоящей статье представлены лишь некоторые из возможных подходов к определению текущей цены, впрочем, нашедшие свое обоснование в доктрине, судебной и арбитражной практике.

Some Features of Article 76 Implementation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Vienna, 1980 (Summary)

Alexander V. Padiryakov*

The article focuses on the specific features of recovery of damages incurred as result of non-performance of the international sales contracts, in particular, the international sales contracts with respect to goods between Russian and foreign companies if such contracts are governed by the CISG.

Keywords: CISG; recovery of damages; current price; contract price; price, fixed by the contract; price in the substitute transaction.

¹ Венская Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. – Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1994. – С. 172.

² Guide to CISG Article 14, Secretariat commentary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/text/secomm/secomm-14.html>. – Дата обращения: 15.08.2014.

³ Peter Schlechtriem. Commentary on the UN Convention of the International Sale of Goods (CISG). 1998, C.H. Beck, Muenchen. – P. 106.

---

* Alexander V. Padiryakov – Head of division for legal support of international projects of the State Corporation “Rostec”. a.v.padiryakov@rostec.ru.

⁴ Legislative history. 1980 Vienna Diplomatic Conference. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/firstcommittee/Meeting37.html>. – Дата обращения: 15.08.2014.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Jelena Vilus, Provisions Common to the Obligations of the Seller and the Buyer in: Petar Sarcevic & Paul Volken eds., *International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures*, Oceana (1986). Reference 10.

⁹ Germany 2 September 1998 Appellate Court Celle (Vacuum cleaners case). Cite as: <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/980902g1.html>

¹⁰ Commentary on the UN Convention of the International Sale of Goods (CISG) edited by Peter Schlechtriem 1998, C.H. Beck, Muenchen. – P. 582, footnote 22.

¹¹ Guide to cisg article 76. Secretariat commentary // <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/text/secomm/secomm-76.html>.

¹² Rabel, *Recht des Warenkaufs*, Berlin: de Gruyter (1957), Vol.1, – P. 461.

¹³ Commentary on the International Sales Law edited by C.M. Bianca and M.J. Bonell, Giuffrè, Milano, 1987. – P. 558.

¹⁴ См.: официальный сайт ЮНСИТРАЛ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uncitral.org/pdf/russian/clout/digest2008/p3_ch5_s2_overview.pdf. – Дата обращения: 15.08.2014.

¹⁵ Jelena Vilus, Provisions Common to the Obligations of the Seller and the Buyer in: Petar Sarcevic & Paul Volken eds., *International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures*, Oceana (1986). Reference 10.

¹⁶ Peter Schlechtriem. Commentary on the UN Convention of the International Sale of Goods (CISG). 1998, C.H. Beck, Muenchen. – P. 582, footnote 23.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Заемный труд в России: прошлое, настоящее и будущее

Горловская Т.А.*

Работа посвящена вопросам использования заемного труда в России. С 1 января 2016 года вступает в силу Федеральный закон от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», который регулирует вопросы заемного труда, предоставления персонала и деятельность частных агентств занятости. Меняется порядок предоставления персонала, запрещается заемный труд, устанавливаются требования к частным агентствам занятости, а также к их руководителям. Автором делается вывод о том, что для соблюдения всеми сторонами трудовых отношений новых требований законодательства необходимо внедрение эффективных мер контроля, а также создание профессионального союза для заемных работников.

Ключевые слова: трудовые отношения; правовое регулирование труда; заемный труд; частное агентство занятости; заемный работник.

В мае 2014 г. Президент России подписал Федеральный закон №116-ФЗ о запрете использования заемного труда с одновременной легализацией деятельности по предоставлению персонала. Данный акт, получивший название «О заемном труде», прошел длительную процедуру принятия: от внесения законопроекта в Государственную Думу до его подписания прошло три с половиной года. 1 января 2016 г. Закон вступает в силу, и заемный труд в нашей стране станет «вне закона». Это событие уже заставило многие компании провести анализ существующих

---

* Горловская Татьяна Александровна – магистр права МГИМО МИД России, менеджер департамента налогообложения и права компании «Делойт». t.gorlovskaya@gmail.com.

трехсторонних трудовых отношений, чтобы принять решение о возможности или невозможности их дальнейшего использования.

Федеральный закон №116-ФЗ является первым шагом нашего государства на пути к урегулированию стремительно развивающихся трехсторонних трудовых отношений. Перестройка трудовой сферы неизбежно сопровождается активизацией законотворческой деятельностью государства, способной не только привести старые рычаги управления в соответствие с новыми отношениями, но и создать условия, стимулирующие активное внедрение новых норм¹. Что изменится со вступлением в силу положений, вносящих изменения в ТК РФ Федеральным законом №116-ФЗ?

Институт заемного труда в России начал развиваться в начале 90-х годов с переходом к рыночной экономике. Практика заемного труда появилась в нашей стране вместе с приходом на рынок предприятий с участием иностранного капитала, которые уже к этому времени активно использовали заемный труд. Вместе с инвестициями они привезли с собой лучшие практики ведения бизнеса, в том числе практику использования заемного труда, которая, к тому времени, уже довольно широко использовалась в Европе и США. Первое в СССР коммерческое агентство по подбору персонала – Московский кадровый центр – было создано 12 апреля 1989 г.²

Вместе с тем, законодательное закрепление заемного труда имело место еще в советское время. Так, Кодекс Законов о Труде РСФСР 1922 г. содержит правило, согласно которому, если по трудовому договору производится работа не для лица, непосредственно заключившего договор, а для обслуживаемого им предприятия или хозяйства, либо производство, в котором работает нанявшийся, составляет часть или отделение другого предприятия, ответственность по такому договору возлагается на предприятие, учреждение или лицо, для которого работа производится (ст. 32)³. Следует отметить, что отсутствие в этот период частных предприятий не позволяло работодателю злоупотреблять схемой заемного труда.

К 2000-ым годам заемный труд получает довольно широкое распространение, и в настоящее время, многие агентства, оказывающие услуги по подбору персонала, предоставляют в том или ином виде и услуги заемного труда. Общероссийское исследование рынка подбора и предоставления персонала свидетельствует о том, что такие услуги предоставляют около 7% компаний. Общий объем бизнеса в этой сфере составляет 14,68 миллиардов рублей. Всего компании – участники исследования предоставили в заем 57 тысяч человек. При этом временный сотрудник в течение года работал в среднем 1400 часов или 8 месяцев⁴.

Практика применения заемного труда, сложившаяся в России за время отсутствия его законодательного регулирования, имеет много нареканий⁵. Заемный работник лишен профсоюзной защиты, так как работники одного частного агентства занятости (далее по тексту – ЧАЗ) направлены на работу в разные организации, а отсутствие связей друг с другом, зачастую, является непреодолимым барьером в создании первичной профсоюзной организации или представительного органа работников. Незаключение трудового договора с работником, неперечисление страховых взносов в фонды социального страхования, отсутствие реальной возможности заемных работников участвовать в коллективных переговорах, отсутствие профсоюзной защиты – это только часть проблем, которые требуют незамедлительного решения. В печати остро дискутируется ситуация с использованием заемных работников для замены основных сотрудников организации в период проведения забастовки. Подобные действия подрывают забастовочное движение.

Судебная практика довольно часто складывается не в пользу заемного работника. Приведем один из примеров. Н. обратился в суд с иском к Государственному учреждению – Управление Пенсионного фонда РФ о возложении на ГУ Управление Пенсионного фонда РФ обязанностей по включению в специальный стаж период работы электрогазосварщиком и назначить трудовую пенсию по старости досрочно. Он указал, что имеет право на назначение досрочной пенсии, так как выработал необходимый для этого стаж, что подтверждалось записями в трудовой книжке. Однако выяснилось, что в спорный период Н. работал в МУП «Название 1» в соответствии с договорами аутстаффинга, в которых не было указано наименование его должности, а также отсутствовало описание выполняемых работ. В тоже время в трудовой книжке истца указано, что в спорный период он осуществлял трудовую деятельность в ООО «Название 2». В персонифицированных сведениях, которые ООО «Название 2» подавало в Пенсионный фонд, отсутствовали сведения о специальном стаже (работодатель не указывал соответствующий код, не начислял и не уплачивал повышенные страховые взносы).

В удовлетворении заявленных требований было отказано. Как следствие, работник, честно выработавший свой стаж во вредных условиях, не смог получить причитающиеся ему гарантии от государства в виде досрочного выхода на пенсию. Виною тому – недобросовестные действия работодателя, формальный подход к осуществлению функции защиты прав. Подобных примеров в судебной практике множество⁶. Наибольшую тревогу вызывает то, что часто к работе по схеме заемного труда привлекается рабочий персонал, который, как правило, не обладает достаточной

юридической грамотностью, чтобы защитить свои права. Не веря в возможность отстаивать свои права, многие работники даже не обращаются в суд или контролирующие органы за их защитой.

В сфере заемного труда сложилось «два лагеря», которые «стоят по разные стороны баррикад». С одной стороны – работники и профессиональные союзы, с другой – представители работодателей и ЧАЗы. Профессиональные союзы поддерживают запрет заемного труда, так как заемные работники, как правило, находятся в худшем положении по сравнению с основными работниками. В то же время представители работодателей утверждают, что данная форма занятости позволяет им быть более гибкими, оперативно привлекать сезонных работников, экономить время и средства на поиск, подбор, наем и дальнейшее администрирование трудовых отношений, что положительно сказывается на производственных показателях. ЧАЗы ссылаются на то, что данная форма занятости позволяет найти работу и средства существования людям, которые испытывают трудности с поиском постоянной работы, таким как студенты, выпускники образовательных учреждений, люди предпенсионного и пенсионного возрастов. И в этой связи необходим реальный механизм, позволяющий оперативно разрешать названные проблемы. Таковым механизмом, по их мнению, служит возможность использования заемного труда.

Новации Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), устанавливая запрет на «заемный труд», при этом санкционируют деятельность ЧАЗов по предоставлению труда работников, которая представляет собой направление (временно) работодателем своих работников с их согласия к физическому или юридическому лицу, не являющемуся работодателем данных работников, для выполнения ими определенных в трудовом договоре функций в интересах (под управлением и контролем) принимающей стороны (ст. 56.1). Под заемным трудом понимается труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника. Основные его отличия от труда работников, используемых по договору предоставления труда, заключаются в том, что предоставление персонала осуществляется только на временной основе и только с согласия работника, а также работник выполняет функции, определенные его трудовым договором.

Законодатель ограничивает предоставление персонала во времени, т.е. привлечение персонала – это всегда временная мера, устанавливает закрытый перечень случаев, когда возможно привлечение работника, а также вводит ряд легальных понятий: направляющая сторона,

принимающая сторона, работник. Деятельность по предоставлению персонала вправе осуществлять ЧАЗы и другие российские юридические лица, иностранные юридические лица, аффилированные лица по отношению к российским и иностранным юридическим лицам (за исключением физических лиц).

Частное агентство занятости обладает особым статусом. Этот статус может иметь только юридическое лицо. Если Конвенция МОТ №181 устанавливает, что ЧАЗ – это любое физическое или юридическое лицо (п.1 ст. 1), то в России физическое лицо не может быть ЧАЗом. Более того, юридическое лицо должно быть зарегистрировано на территории РФ. Тут стоит обратить внимание на ситуацию, когда представительства иностранных организаций, которые не являются юридическими лицами на территории РФ, а юридическое лицо (Head Quarter) зарегистрировано на территории иностранного государства. Довольно часто такие представительства осуществляют коммерческую деятельность на территории РФ. Таким образом, с вступлением в силу данного закона, представительства иностранных организаций не смогут вести деятельность по предоставлению персонала.

Обязательным требованием для получения права осуществлять деятельность по предоставлению труда (персонала) является прохождение аккредитации. Соответствующие Правила утверждены Постановлением Правительства РФ от 29.10.2015 N 1165. В соответствии с п. 9 ст. 18.1. Закона «О занятости» если аккредитация приостанавливается или отзывается, то ЧАЗ теряет право заключать с работниками договоры в целях предоставления их принимающей стороне. При этом все права и обязанности данного ЧАЗа по заключенным ранее таким трудовым договорам сохраняются. Данная норма должна защитить работников от неправомерного предоставления их труда принимающей стороне, а также от неисполнения обязательств по ранее заключенным договорам в отношении уже предоставленных работников.

Для осуществления деятельности по предоставлению персонала ЧАЗам необходимо иметь уставной капитал не менее 1 млн рублей, а также не иметь задолженности по уплате налогов и сборов. Нужно отметить, что размер уставного капитала будет являться барьером к доступу на рынок малых ЧАЗов. В качестве ЧАЗов не могут выступать субъекты предпринимательства, применяющие специальные налоговые режимы, например, упрощенную систему налогообложения.

Отдельные требования предъявляются к руководителю ЧАЗа (высшее образование, стаж работы не менее 2-х лет за последние три года). Стаж учитывается только за периоды работы в области трудоустройства

или содействия занятости населения в РФ. Такой подход ограничивает деятельность на рынке труда иностранцев. Довольно часто международные кадровые агентства направляют своих специалистов из разных стран, для того, чтобы возглавить бизнес в России. Таким образом, лица, которые будут направляться из других государств, и которые не будут иметь требуемого стажа на территории РФ, не смогут сразу занять должность руководителя. Российское трудовое законодательство, как и любое другое, обладает своей особой спецификой, для изучения которой требуется не один год. Направляемые руководители-иностранцы, обладающие знаниями ведения бизнеса, навыками руководства и навыками организации процессов, как правило, не имеют достаточных знаний местного законодательства.

Другое требование к руководителю ЧАЗа, которое выражается в отсутствии судимости за совершение преступления против личности или в сфере экономики, также является вполне понятным и обоснованным. Работа в данной сфере предполагает работу с персоналом, а довольно часто с незащищенными слоями населения, которые не могут обеспечить себя рабочим местом на постоянной основе, и как следствие, нуждаются в особой защите.

Федеральный закон ограничивает круг лиц, к которым работники могут быть направлены. Юридические лица (помимо ЧАЗов) вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников, если работники (с их согласия) направляются временно к юридическому лицу, являющемуся:

- аффилированным лицом по отношению к направляющей стороне;
- акционерным обществом, если направляющая сторона является стороной акционерного соглашения об осуществлении прав, удостоверяемых акциями такого акционерного общества;
- стороной акционерного соглашения с направляющей стороной.

Таким образом, если юридические лица не связаны между собой отношениями, описанными выше, либо, предоставляющая сторона не является ЧАЗом, между ними не может заключаться договор о предоставлении труда работников. Принимающей стороной по договору о предоставлении персонала может быть как физическое, так и юридическое лицо. Например, физические лица довольно часто привлекают через агентства домашний персонал для оказания им помощи по хозяйству. Индивидуальные предприниматели также могут быть пользователями данных услуг. Принимающая сторона является исполнителем по договору о предоставлении труда работников.

Важно отметить, что статья 341.2. ТК РФ закрепляет случаи, в которых ЧАЗ может направить работника к принимающей стороне и данный перечень является закрытым. Работник может быть направлен к:

- физическому лицу в целях личного обслуживания, оказания помощи по ведению домашнего хозяйства,
- индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу для:
  - временного исполнения обязанностей отсутствующих работников, за которыми в соответствии действующим законодательством сохраняется место работы;
  - проведения работ, связанных с заведомо временным (до 9 месяцев) расширением производства или объема оказываемых услуг.

Нельзя не обратить внимания ещё на одно требование законодателя. Условия оплаты труда направляемого работника должны быть не хуже, чем условия оплаты труда работников принимающей стороны, выполняющих такие же трудовые функции и имеющих такую же квалификацию. Такой подход, несомненно, ограничит использование труда таких работников. Одним из основных преимуществ использования заемной рабочей силы для бизнеса было то, что заемные работники, как правило, получали меньшую заработную плату. Если у принимающей стороны не состоят в штате работники, которые выполняют те же функции, то никаких проблем с установлением определенной заработной платы не возникает. Однако, если ситуация обстоит иным образом, то как будет определяться уровень заработной платы заемного работника?

В соответствии со ст. 15 ТК РФ трудовая функция – это работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы. Таким образом, если у принимающей стороны в штате состоит персонал по той же должности, что и направляемые работники, то уровень оплаты труда направляемого работника должен быть не хуже, чем у работника в штате. Возникает следующий вопрос, а может ли уровень оплаты труда направляемого работника быть выше, чем у работника в штате, выполняющего ту же функцию с той же квалификацией, ведь тем самым дискриминация будет применяться по отношению к основному работнику? Возможно буквальное толкование ч. 2 ст. 341.1 ТК РФ, где прямо указано, что условия не должны быть хуже, а значит, могут быть лучше?

Трудовые отношения у работника возникают только с направляющей стороной. С принимающей стороной у работника трудовых отношений не возникает. Таким образом, и отвечать перед работником по обязательствам в качестве работодателя будет направляющая сторона. Направляя

работника для работы у принимающей стороны, направляющая сторона (работодатель) должна заключить с ним дополнительное соглашение к трудовому договору, в котором указываются сведения о принимающей стороне, а также о месте и дате заключения, номере и сроке действия договора о предоставлении труда. Данное правило позволяет контролировать соответствие количества направляемых работников реальным договорам о предоставлении персонала и служит гарантией, исключающей злоупотребления в части хаотичного и бесконтрольного предоставления работников. Однако данная норма вряд ли получит широкое применение в случае, когда между временными работами имеет место перерыв. Агентства не захотят за свой счет оплачивать простой.

Федеральный закон обязывает ЧАЗы осуществлять контроль за использованием работников в соответствии с функциями, определенными трудовым договором, а также запрещает принимающей стороне препятствовать ЧАЗам в осуществлении данного контроля. В каком виде и порядке должен осуществляться данный контроль, Федеральный закон не устанавливает.

Статья 341.4. ТК РФ определяет порядок расследования несчастного случая, произошедшего с работником. Ответственность в отношении охраны труда возложена на принимающую сторону, что является оправданным и целесообразным, так как все работы производятся на территории принимающей стороны. Закон прямо запрещает направление работников к принимающей стороне в целях замены основных работников во время забастовки, для выполнения работ во время простоя, во время введения принимающей стороной режима неполного рабочего времени в целях сохранения рабочих мест, для замены работников, приостановивших работу в связи с задержкой выплаты заработной платы. Также запрещено направлять работников для выполнения работ на производственных объектах, отнесенных к 1 и 2 классам опасности, вредным условиям труда 3 или 4 степени и т.д.

Если направляющая сторона (работодатель) не выполнила свои обязательства перед работником по выплате заработной платы или иных сумм, причитающихся работнику, принимающая сторона несет субсидиарную ответственность перед работником, даже если она выполнила все обязательства перед направляющей стороной. Данное требование значительно повысит бдительность принимающей стороны при выборе поставщика услуг, что еще раз доказывает, что на данном рынке останутся только сильные игроки, способные нести всю полноту обязательств перед работником.

Закон также регулирует уплату страховых взносов в пенсионный фонд РФ. Страховые взносы уплачивает направляющая сторона (работодатель)

исходя из страхового тарифа, который определяется в соответствии с основным видом экономической деятельности принимающей стороны с учетом результатов специальной оценки условий труда. Таким образом, принимающая сторона обязана предоставлять сведения о результатах специальной оценки условий труда направляющей стороне. Данная норма позволит получать в бюджет платежи по реальным тарифам в зависимости от вида деятельности предприятия на котором трудятся направляемые работники. В настоящее же время все агентства имеют пониженный коэффициент, так как условия в агентствах, как правило, не являются опасными или вредными.

Хотелось бы отметить, что как бы ни называли данные трехсторонние отношения: «заемным трудом», либо «трудом работников, предоставляемых по договору предоставления персонала» суть остается прежней: это все те же трехсторонние отношения между работником, организацией-пользователем и организацией-поставщиком. Несмотря на формальный «запрет» заемного труда в России, его сущность и содержание не меняется с принятием Федерального закона № 116-ФЗ от 05 мая 2014 г. Заемный труд будет продолжать использоваться в России, только не хаотично и бесконтрольно, как раньше, а упорядоченно и урегулировано.

На принятый Федеральный закон можно посмотреть с двух сторон. С одной, запрет заемного труда можно рассматривать как всеобщий запрет с отдельными исключениями, в виде деятельности по предоставлению персонала, которая строго регламентирована. Требование о прохождении аккредитации, размер уставного капитала, жесткое ограничение случаев, в которых персонал может предоставляться, отсутствие какой-либо свободы действий в отношении заемного труда – все эти меры позволяют прийти к выводу, что, действительно, заемный труд в целом запрещен. Отдельные исключения установлены в целях «гибкости» производства: решения его насущных задач – для срочной замены отсутствующего персонала или выполнения заведомо срочных работ, но не с целью сократить расходы. Все вышеописанные требования к ведению данной деятельности позволяют предположить, что стоимость привлечения заемных работников не уменьшится, а только увеличится, и как следствие, спрос на нее снизится. Вместе с тем, запрет заемного труда и столь жесткое регулирование деятельности по предоставлению персонала может привести к уходу в тень определенной части этого бизнеса и основной удар примут на себя именно добросовестные агентства, которые и до принятия закона соблюдали права работников.

Другая сторона вопроса заключается в том, что, по сути, заемный труд легализован. Он легализован в довольно жестких рамках и под другим

названием «предоставление персонала», но все же законодатель официально допускает применение трехсторонних отношений.

В настоящее время введение требования об аккредитации кажется вполне разумным, так как это позволит отсеять большое количество недобросовестных организаций, занимающихся предоставлением персонала. Уставной капитал в размере 1 млн рублей – непреодолимый барьер для многих небольших, но добросовестных организаций, что, естественно, уменьшит конкуренцию на данном рынке. Данные меры представляются достаточно эффективными с точки зрения защиты прав работников, поскольку довольно часто вопросы невыплаты заработной платы, а также прочие нарушения прав работников происходят именно со стороны небольших организаций, занимающихся предоставлением персонала.

Анализ новаций ТК РФ в обозначенной сфере позволяет заметить общую тенденцию в легализации заемного труда при сравнении истории развития названного института в России и Международной Организации Труда. В Конвенциях МОТ заемный труд прошел путь от запрета до полной легализации. Все начиналось в 1933 году с полного запрета заемного труда, и разрешался он лишь в виде определенных ограничений, а в настоящий момент заемный труд полностью легализован. На схожий путь решения проблем заемного труда встала и Россия, и, вполне возможно, что через некоторое время он будет также полностью легализован.

На сегодняшний день компании, практикующие использование трехсторонних трудовых отношений, пытаются предпринять те или иные шаги, отвечающие нововведениям. Одни из них принимают всех заемных работников в штат, другие маскируют данные отношения договорами оказания услуг. Есть и такие, которые предпочитают ничего не делать, а дождаться вступления закона в силу.

Таким образом, несмотря на формальный запрет использования заемного труда, большинство «схем», существовавших до принятия рассматриваемого закона, имеют место и на сегодняшний день. Как представляется, большинство компаний-пользователей не почувствуют кардинальных изменений для своего бизнеса, а ЧАЗы возьмут на себя дополнительную нагрузку по подготовке «нужной» документации. Для соблюдения новых требований необходимо внедрять эффективные меры контроля со стороны проверяющих органов, а также повышать осведомленность данной категории работников об их правах. Одним из эффективных инструментов контроля в рамках данного института, а также гарантом защиты прав работников мог бы стать профессиональный союз, объединяющий заемных работников.

Temporary the Agency Work in Russia: the Past, the Present, and the Future (Summary)

Tatiana A. Gorlovskaya*

The paper discusses the use of the temporary agency work (contingent labor) in Russia. From 1 January 2016 enters into force the Federal Law № 116-FZ dated May 5, 2014, which regulates the issues of temporary agency work, personnel providing as well as activity of employment agencies. The changes cover the order of personnel providing, prohibition of temporary agency work, establishment of requirements for private employment agencies, as well as for their heads. The author concludes that in order to all parties of labor relationships comply with the new requirements of legislation it is necessary to implement effective control measures and establish a trade union for temporary employees.

Keywords: labor relationships; legal regulation of labor; temporary agency work; contingent labor; employment agency; temporary employee.

¹ Иванчак А.И. Правовой статус иностранного гражданина в Российской Федерации в сфере труда. – М., 2009. – С. 4.

² Как создавалось первое кадровое агентство в России. 20.04.2012 // Помощь бизнесу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bishelp.ru/svoe_delo/otrasl/biznesuslugi/2004_kadri.php. – Дата обращения: 19.11.2015.

³ Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР изд. 1922 г.» (вместе с «Кодексом Законов о Труде РСФСР.») // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 19.11.2015.

⁴ Общероссийское исследование рынка подбора и предоставления персонала проведено Российской Ассоциацией Частных Агентств Занятости и Ассоциацией консультантов по персоналу, при поддержке журнала «РекрутингNews» в период с мая по июнь 2012 г. (в исследовании приняли участие 167 агентств по подбору персонала со всей России) // CONSORT Group. Официальный вебсайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://consort.ru/sysfiles/File/File/iesf/Market-Volkova.pdf> Дата обращения: 19.11.2015.

⁵ Коршунова Т.Ю. Правовое регулирование отношений: связанных с направлением работников для выполнения работ в других организациях (заемный труд) // Трудовое право. – 2006. – № 6. – С. 15; Иванчак А.И. Правовое регулирование труда российских работников-эмигрантов. – М., 2009. – С. 203-205, Болдырев В.А. Заемный труд как российский экономико-правовой феномен // Право и экономика. – 2015. – № 10. – С. 63.

⁶ Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 02.07.2013 по делу № 2-3226/2013 ~ М-2438/2013 // РосПравосудие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

* Tatiana A. Gorlovskaya – LL.M MGIMO MFA Russia, manager of the “Deloitte” Tax and Legal Department. t.gorlovskaya@gmail.com.

rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-samary-samarskaya-oblast-s/act-430813376/ Дата обращения: 19.11.2015; Определение Пермского краевого суда от 17.02.2014 по делу №33-499-2014 // Судебные решения РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/6576183> Дата обращения: 19.11.2015. Определение Московского городского суда от 15.11.2010 № 4г/8-9110/10 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 19.11.2015. Определение Пермского краевого суда от 02.09.2013 по делу N 33-7982 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 19.11.2015.

О понятии экономического регионализма в международном праве

Путилин И.И.*

Глокализация, или усиление проявлений регионализма во всех сферах общественной жизни, как объективная реакция на процессы глобализации, является тенденцией, предопределяющей развитие международных отношений и международного права на современном этапе. Несмотря на то, что проблемам, послужившим стимулом к развитию экономического регионализма и его форм, посвящено значительное количество работ, универсальное (объективное) определение понятия «экономический регионализм» в юридической науке отсутствует.

В статье рассмотрены существующие подходы к определению понятий «регионализм» и «экономический регионализм» в частности, которые с точки зрения автора являются основными, и на основании их исследования предпринята попытка сформулировать универсальное понятие экономического регионализма.

Ключевые слова: экономический регионализм; глобализация; глокализация; международное право.

Глокализация¹, или усиление проявлений регионализма во всех сферах общественной жизни², как объективная реакция на процессы глобализации, является тенденцией, предопределяющей развитие международных отношений и международного права на современном этапе. Как отмечают некоторые авторы, именно экономический регионализм стал причиной наиболее существенных структурных изменений в международной экономической системе за все время ее существования³.

Несмотря на то, что проблемам, послужившим стимулом к развитию экономического регионализма и его форм: интеграции или сотрудничества⁴, посвящено значительное количество работ, универсальное (объективное) определение понятия «экономический регионализм» в юридической науке отсутствует, что в первую очередь обусловлено многоаспектностью и многозначностью понятия «регионализм», лежащего в его основе⁵.

Понятие «регионализм» в международном праве. Попытки классифицировать и систематизировать регионализм в контексте международного права стали предприниматься «с середины XIX века, когда проблема

---

* Путилин Илья Игоревич – аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России. putilin@mail.ru.

целостности стала превращаться в одну из центральных в научном познании»⁶. Однако в большинстве случаев исследование регионализма основывалось на изучении его отдельных проявлений, в связи с чем предложенные определения регионализма не отличались универсальностью⁷.

В XXI веке вопросы фрагментации международного права и, так называемых, «автономных режимов» (self-contained regime) стали активно разрабатываться Комиссией международного права ООН. Результатом работы исследовательской группы под руководством М. Коскенниemi (M. Koskenniemi) стал опубликованный в 2006 г. доклад «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы действия международного права»⁸. Особую ценность для целей настоящей статьи представляют выводы Комиссии о сохранении понятия «регионализм» в контексте международного права.

По мнению Комиссии, «регионализм», как одно из проявлений фрагментации, имеет три основных значения:

(1) совокупность подходов и методов изучения и толкования международного права, характерных для конкретного региона (е.g. Англо-Американская, Советская, Европейская школы международного права);

(2) особую технику международного нормотворчества (при этом, на основании изучения практики Международного суда ООН следует прийти к выводу, что в данном контексте речь идет как о договорном, так и обычном нормотворчестве⁹);

(3) стремление государств ограничить действие или изменить содержание универсальных положений международного права в рамках определенного географического региона (например, решение Суда ЕвразЭС по делу № 1-7/2-2013 от 24 июня 2013 г.¹⁰, с которым связывают появление концепции «особости» правопорядка ТС, и решение Суда ЕС по делу Кади¹¹, фактически закрепившее приоритет «основ правопорядка ЕС» над положениями Устава ООН¹²).

Модели регионализма. На основании приведенных выше определений можно сделать вывод, что неотделимым элементом регионализма, с точки зрения Комиссии, является категория региона, будь то географического (регионализм как ограничение универсальных принципов) или социокультурного (регионализм как подход к изучению права или техника международного нормотворчества). Подобную модель «регионализма», в основе которой лежит географическая, историческая, социокультурная или экономическая общность (близость)¹³, в юридической литературе принято называть историко-политической или территориальной¹⁴.

Вместе с тем, стремительное развитие информационных технологий, позволившее государствам устанавливать связи со странами, не принадлежащими к одному географическому региону, обусловило появление и развитие функциональной модели регионализма, предполагающей движение от «проблемы к региону»¹⁵.

В качестве примеров соглашений, закрепляющих построение процессов регионализации по функциональной модели, можно привести: (1) Вашингтонскую декларацию¹⁶, отразившую намерение НАТО действовать в районах за пределами Северо-Атлантического региона¹⁷; (2) соглашение о зоне свободной торговли, заключенное в 2009 г. между странами АСЕАН, Новой Зеландией и Австралией (AANZFTA); (3) Трансатлантическое Торговое и Инвестиционное Партнерство (ТТИР).

Функциональная и географическая модели регионализма не являются взаимоисключающими. Географический регионализм впоследствии может приобрести функциональную форму (например, НАТО), а наличие сложившихся исторических, культурных и экономических связей обеспечивает более эффективную имплементацию механизмов функциональной регионализации (например, ЕАЭС).

Понятие и модель экономического регионализма. Говоря о понятии «*экономический регионализм*», необходимо отметить, что предложенные юридической наукой подходы к определению его содержания, как и первые исследования в области регионализма как такового, были основаны на изучении его частных проявлений. Например, исследователи права ВТО отмечали, что экономический регионализм представляет собой в широком смысле любое соглашение государств, направленное на поощрение торговли¹⁸, в узком смысле – соглашение по смыслу ст. XXIV ГАТТ.

Однако, по мнению автора, содержание понятия «экономический регионализм» гораздо шире.

Во-первых, даже если рассматривать данное понятие только через призму международного экономического права («МЭП»), следует прийти к выводу, что предложенные определения экономического регионализма основаны на ограничительном толковании предмета МЭП.

Помимо торговых соглашений предмет МЭП включает в себя коммерческие отношения в сфере производства, НИР, финансов, транспорта и энергетики и имущественные отношения, связанные с защитой права собственности и инвестициями¹⁹. Так, государства с целью создания благоприятной инвестиционной среды и поощрения трансграничных капиталовложений формируют единое инвестиционное пространство²⁰ (инвестиционный регион²¹), намерение же европейских государств

обеспечить свободное движение энергетических ресурсов, так называемую «пятую свободу», послужило причиной создания энергетического союза в рамках ЕС²².

Во-вторых, определяя экономический регионализм как некое соглашение государств в области торговли, исследователи отрицают его динамическую составляющую, а также тот факт, что «государства в силу присущего им суверенитета свободны в выборе международно-правовых средств достижения своих внешнеэкономических целей и согласования их с интересами мирового сообщества»²³. По мнению автора, понятие «*экономический регионализм*» включает в себя также правоприменительную и нормотворческую (не только договорную, но и обычную) практику государств²⁴, а также сами действия государств, направленные на интеграцию национальных экономик с целью повышения их конкурентоспособности и обеспечения стабильного развития региона в целом (например, создание и/или совершенствование антикризисных механизмов: система ЕЦБ, ЕФСФ (*EFSSF*), ЕСМ (*ESM*) и др.).

Опираясь на понятия гегелевской диалектики, можно заключить, что усиление роли региональных экономических организаций и регионализма в целом (синтез) стало ответом на противопоставление тезиса-центростремительного, обусловленного объективной потребностью государства принять участие в процессе интернационализации хозяйственной жизни, и антитезиса-центробежного, заключающегося в необходимости защищать свои национальные интересы.

Из этого следует, что в основе экономического регионализма лежит не только и не столько общность исторических интересов, государств, относящихся к тем или иным географическим районам, как писал Ушаков Н.А., сколько та степень защищенности национальных интересов в условиях многосторонней торговой системы, которую может обеспечить регионализация межгосударственных отношений.

Данный вывод полностью подтверждается результатами исследования Первой Уорикской Комиссии²⁵. Согласно докладу Комиссии «Многосторонний торговый режим: пути развития», стремление государств защитить региональный рынок от внешней конкуренции или, иными словами, диверсифицировать региональную торговлю и защитить национальные предприятия – одна из наиболее распространенных причин заключения преференциальных торговых соглашений, которые, в свою очередь, являются одной из форм экономического регионализма²⁶.

Таким образом, в случае с экономическим регионализмом проблема (т.е. влияние глобальных рынков на национальные экономики) первична и является катализатором процессов регионализации. В связи с этим

обоснованным представляется вывод, что в основе современного экономического регионализма лежит функциональная модель. Вместе с тем, как было отмечено выше, наличие географической, исторической, социокультурной общности, т.е. предпосылок для реализации территориальной модели регионализма, способствует более эффективному формированию функционального региона и повышает стабильность механизмов управления им²⁷.

Подводя итог написанному, по мнению автора, универсальное понятие экономической регионализм может быть определено следующим образом: экономический регионализм – это тенденция в международном праве к созданию региональных систем²⁸ и механизмов управления ими²⁹ с целью повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальных рынков и обеспечения стабильного развития региона в целом.

On the Notion of Economic Regionalism in International Law (Summary)

Ilya I. Putilin*

As a matter of response to globalisation processes glocalisation or manifestation of regionalism in all spheres of social life is a tendency predetermining development of international relations and international law at the current stage. Despite issues that catalyzed development of economic regionalism and its forms are dealt with in a considerable number of works, universal (objective) definition of “economic regionalism” is unknown to legal science.

This article covers contemporary approaches to defining “regionalism” and “economic regionalism” in particular, predominant from the author’s perspective based on their analysis attempts to develop a universal definition of economic regionalism.

Keywords: Economic regionalism; globalisation; glocalisation; international law.

---

* Ilya I. Putilin – Post-graduate student of the International Law Chair, MGIMO MFA Russia. putilin@mail.ru.

- ¹ R. Robertson *Globalization: Social Theory and Global Culture*. – L., 1992.
- ² M. Prost *The Concept of Unity in Public International Law*. Bloomsbury Publishing. – P. 36.
- ³ M. Hirsch. *The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System // The European Journal of International Law*. – Vol. 19. – No. 2. – P. 278.
- ⁴ Шумилов В.М. *Международное экономическое право в эпоху глобализации*. – М.: Международные отношения, 2003. – С.55.
- ⁵ Высоцкий А.Ф. *Морской регионализм (международно-правовые проблемы регионального сотрудничества государств)*. – Киев, 1986. – С. 11.
- ⁶ Войтович С.А. Генезис и развитие научного понятия «интеграция» // *Курс международного права в 7 т. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире*. – М., 1993. – С. 8.
- ⁷ Исключение составляют Ш. Руссо (Ch. Rousseau) и Р.О. Якемчук (R.O. Yakemtchuk), которые одними из первых рассмотрели понятие «регионализм» в универсальном контексте. См. Rousseau Ch. *Droit international public*. – Paris, 1953. – P. 212; Yakemtchuk R.O. *Le régionalisme et l'ONU*. – *Rev. générale de droit int. publ.* 1955. – P. 406.
- ⁸ URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf. – Дата обращения: 21.10.2015.
- ⁹ См., например, O. Elias *Regionalism in international law-making and the Westphalian legacy* in C. Harding and C.L. Lim (eds.), *Essays and Commentary on the European and Conceptual Foundations of Modern International Law*. Kluwer Law International. 1999. P. 38; Вылегжанин А.Н., Каламаркян Р.А. *Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право*. – 2012. – № 6. – С. 78-89; A.D'Amato *The Concept of Special Custom in International Law*, 63 *AJIL*. 1969. – P. 217-218. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1115&context=facultyworkingpapers>. – Дата обращения: 21.10.2015.
- ¹⁰ Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества, № 2, 2013.
- ¹¹ Joint Cases C-402/05 P and C-415/05 P [2008] ECR I-6351.
- ¹² Энтин М.Л. Установление косвенной юрисдикции Суда ЕС над резолюциями Совета Безопасности ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alleurpa.mgimo.ru/ustanovlenie-kosvennoy-iurisdiksi-i-suda-es-nad-rezoliutsiyami-soveta-bezopasnosti-onn>. – Дата обращения: 21.10.2015; Исполинов А.С. Суд Европейского союза, Яссин Кади и статья 103 Устава ООН // *Российский юридический журнал*. – 2013. – № 6. – С. 27-35; А.С. Исполинов, Ануфриева А.А. *Право ЕС и международное право: последствия нового подхода Суда ЕС к договорам, заключенным государствами членами с третьими странами // Евразийский юридический журнал*. – 2011. – № 3 (34). – С. 66-71.
- ¹³ Ушаков Н.А. *Проблемы теории международного права*. – М.: Наука, 1988. – С. 51.
- ¹⁴ Высоцкий А.Ф. *Указ. соч.* С. 21.
- ¹⁵ Там же С. 23.
- ¹⁶ URL: <http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-064e.htm>. – Дата обращения: 21.10.2015.
- ¹⁷ См., например, Ю.Н. Малеев. *Дерогация в современном международном праве*. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=678315> (дата обращения 21.10.2015); Ю.Н. Малеев. *Организации Объединенных Наций – 60 лет. Сколько еще?* URL: <http://www.peoples-rights.ru/yurij-maleev-organizacii-obedinennykh-naciy-60-let-skolko-eshhe/> – Дата обращения: 21.10.2015.
- ¹⁸ M.F.A. Nsour *Rethinking the World Trade Order: Towards a Better Legal Understanding of the Role of Regionalism in the Multilateral Trade Regime*. Sidestone Press. 2010. – P. 3; T.

Carpenter in *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. Patric Law. Richard Baldwin. Cambridge University Press. 2008. – P. 13.

¹⁹ Вельяминов Г.М. *Международное экономическое право и процесс*. Академический курс. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 34.

²⁰ Камышевский В.И. *Международно-правовой механизм инвестиционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества*. Дисс... канд. юр. наук. – М., 2013.

²¹ В этой связи отдельного внимания заслуживает план Европейской комиссии по углублению инвестиционной (экономической) интеграции в рамках ЕС путем создания Союза Рынков Капитала (Capital Markets Union) // European Commission Press Release Capital Markets Union: an Action Plan to boost business funding and investment financing. Brussels. 30 September 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5731_en.htm?locale=EN. – Дата обращения: 21.10.2015.

²² European Commission Press Release. Energy Union: secure, sustainable, competitive, affordable energy for every European. Brussels. 25 February 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-4497_en.htm – Дата обращения: 21.10.2015.

²³ *Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой*. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. // СПС «КонсультантПлюс». – С. 23.

²⁴ О существовании обычного международного инвестиционного права см., например, A.F. Lowenfeld *International Economic Law*. 2nd ed., Oxford. 2008. – P. 584.

²⁵ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.warwick.ac.uk/research/warwickcommission/worldtrade/report/uw_warcomm_tradereport_07.pdf. – Дата обращения: 21.10.2015.

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ Так, в частности, отсутствие тесных географических и исторических связей между США и государствами ЕС и социокультурные различия в решении таких вопросов как здравоохранение, неприкосновенность частной жизни и т.д. стали причиной открытой критики идеи Трансатлантического Торгового и Инвестиционного Партнерства гражданами ЕС. В то же самое время общее культурное прошлое европейских государств, начиная с эпохи Средневековья, стало тем *spina dorsum*, поддерживающим страны ЕС в движении к «единой Европе», несмотря на внутренние и внешние кризисы.

²⁸ Функциональных регионов, если речь идет о современном экономическом регионализме.

²⁹ Например, организаций региональной экономической интеграции (см. ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе), являющихся, по мнению Кашкина С.Ю. и Четвертикова А.О., «наиболее действенным способом руководства интеграционными процессами». См. подробнее Кашкин С.Ю., Четвертиков А.О. *Основы интеграционного права*. Проспект. – М.: 2014. – С. 93.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Борьба с незаконным рыболовством: поиск эффективных форм международного сотрудничества.

**Рецензия на монографию Д.К. Бекашева,
К.А. Бекашева «Международно-правовые проблемы
борьбы с незаконным рыболовством».
(Москва, Издательство «Проспект», 2016. – 480 с.)**

Соколова Н.А.*

В монографии Д.К. Бекашева и К.А. Бекашева рассматриваются четыре крупных блока вопросов, характеризующих международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством: понятие ННН промысла и правовые средства борьбы с ним; международные договоры и международные организации в борьбе с незаконным промыслом; суда под «удобными» флагами, которые подрывают основы рационального использования водных биологических ресурсов; контроль судов в портах как эффективное средство предотвращения ННН промысла.

В рецензии отмечается, что авторами был проведен компетентный и достаточно полный анализ положений международных договоров по борьбе с ННН промыслом, а также иных форм сотрудничества. Полномасштабное исследование проблемы ННН промысла, внимательный анализ международных договоров, актов международных организаций, национального опыта государств позволили авторам сформулировать рекомендации по повышению эффективности международно-правовой системы по борьбе с ННН промыслом. В рецензии дана не только общая

---

* Соколова Наталья Александровна – д.ю.н., профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. intlawmgua@yandex.ru.

положительная оценка монографии, но и привлечено внимание к спорным и не достаточно точным научным положениям.

Ключевые слова: незаконное рыболовство; международное право; международное сотрудничество.

Состояние мирового рыболовства и аквакультуры обуславливают практическую значимость исследования международно-правовых проблем борьбы с незаконным промыслом морских ресурсов. Множество различных факторов служат доказательством актуальности изучения договорного и институционального развития международного сотрудничества в области борьбы с незаконным рыболовством. Значение рыболовства для обеспечения продовольственной безопасности, важность сектора рыболовства как источника занятости и доходов, необходимость эксплуатации биологических ресурсов Мирового океана на основе предосторожного и экосистемного подходов – вот наиболее значимые факторы. Поскольку рациональному использованию ресурсов незаконный, несообщаемый и нерегулируемый промысел (далее – ННН промысел) наносит непоправимый ущерб, необходимо, чтобы в доктрине получил отражение анализ эффективности международных соглашений и деятельности международных организаций по борьбе с ним. Такой анализ позволит не только оценить *status quo* системы мер по борьбе с незаконным рыболовством в международном праве, но и предусмотреть меры по повышению эффективности национального законодательства и рассмотреть вопросы соответствия российских законов и правил международным стандартам по борьбе с ННН промыслом. Поэтому весьма своевременно выходит в свет монография «Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством» (издательство «Проспект», 2016 г.)

Монография подготовлена юристами-международниками, которые много и плодотворно занимаются проблемами охраны Мирового океана и рационального использования его биологических ресурсов К.А. Бекашевым и Д.К. Бекашевым. К.А. Бекашев – известный специалист в области международного морского права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, чья научная судьба всегда была связана с решением правовых вопросов в области рыболовства. Кандидатская диссертация К.А. Бекашева была посвящена правовой деятельности ФАО в области рыболовства, а докторская – международно-правовым проблемам управления морским рыболовством. К.А. Бекашев и дальше продолжил заниматься данными проблемами. Вышедшая монография служит тому подтверждением, гарантирует профессиональный подход к оценке и предложениям

по решению международно-правовых проблем борьбы с незаконным рыболовством. Д.К. Бекашев – кандидат юридических наук, участник конференций, форумов и рабочих групп в рамках ООН, ФАО, МОТ, автор многих научных работ, среди которых статьи, посвященные вопросам ННН промысла.

Уникальность данной монографии – в широте спектра анализа разных объектов: международных договоров, универсальных и региональных организаций, законодательства и программ, принятых в государствах различных регионов мира, которые заинтересованы в борьбе с ННН промыслом: Европейского региона, Северной Америки, Тихоокеанского региона, Африки.

Многоаспектность проблемы борьбы с ННН промыслом, многочисленность и известная фрагментарность положений по борьбе с ННН промыслом в документах различного уровня и юридической силы, конечно, серьезно повлияли на архитектуру монографии. В монографии рассматриваются четыре крупных блока вопросов, характеризующих международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством: понятие ННН промысла и правовые средства борьбы с ним; международные договоры и международные организации в борьбе с незаконным промыслом; суда под «удобными» флагами, которые подрывают основы рационального использования водных биологических ресурсов; контроль судов в портах как эффективное средство предотвращения ННН промысла. Приложение представлено соглашениями, имеющими наиболее важное значение для темы исследования, среди которых особо отметим проект Соглашения 2015 г. между Правительством РФ и Правительством США о сотрудничестве в целях предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла (с. 472-477) и Декларацию о предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана, которая была принята в г. Осло 16 июля 2015 г. (с. 478-480).

С одной стороны, авторам удалось поднять все наиболее значимые проблемы, относящиеся к правовым средствам борьбы с незаконным рыболовством. С другой стороны, это усложнило их задачу при формировании структуры работы, особенно в отношении первой главы. Понятно стремление авторов создать основу и рамки для дальнейшего исследования более конкретных вопросов, однако выдержать строгое соотношение с содержанием других глав не совсем получилось, что, впрочем, ни в коей мере не влияет на ценность проделанной научной работы.

Отношения, регулируемые международными договорами, рекомендациями региональных организаций по управлению рыболовством (далее – РФМО), национальными нормативными правовыми актами в области

сохранения, управления и рационального использования морских биоресурсов, стали главным объектом проведенного учеными исследования.

Очевидно, что для начала авторам предстояло ответить не на самый простой вопрос – как определить понятие ННН промысла. Именно содержание понятия формирует границы всего научного исследования, влияет на выбор способов такого исследования. В работе отмечается, что ННН промысел стал глобальной проблемой, которая не может быть эффективно решена усилиями одного государства; такой промысел имеет место как в пределах национальной юрисдикции, так и в открытом море. «ННН промысел подрывает национальные и международные меры по сохранению рыбных запасов и управлению ими и ведет к истощению ресурсов» (с. 23). Справедливо подчеркивая многие негативные стороны ННН промысла, все же стоит попенять авторам в том, что название первого подпункта первого параграфа «Противоправный характер ННН промысла» представляется не очень удачным в смысловом контексте.

Анализ Международного плана действий по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН промысла 2001 г. и иных международных документов позволил авторам сформулировать четыре вывода относительно ННН промысла (С. 32). Наиболее значимыми являются первые два вывода, третий и четвертый вывод вряд ли имеют самостоятельное значение, поскольку раскрывают понятие противоправности, представленное во втором выводе. Также исходя из названия монографии, возможно, стоило более четко определиться с соотношением понятий «ННН промысел» и «незаконное рыболовство».

Борьба с ННН промыслом осуществляется, в первую очередь, на основе международных договоров. Авторами был проведен компетентный и достаточно полный анализ положений международных договоров по борьбе с ННН промыслом: Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. как наиболее авторитетного договора о международно-правовом управлении рыболовством, Соглашения ООН 1995 г. о рыбных запасах, на основе которого подробно рассмотрены обязательства прибрежных государств, ведущих промысел в открытом море (с. 48), применение предосторожного подхода (с. 49) и др. Исследование таких положений является важным, поскольку позволяет понимать, какие действия являются ненадлежащими и, следовательно, способствующими ННН промыслу.

Насколько сложной является проблема незаконного рыболовства, свидетельствует постоянный поиск со стороны государств мер по борьбе с ННН промыслом. По этой причине авторы монографии особо остановились на торговых мерах, целью которых является препятствие к допуску на международный рынок рыбы и рыбопродукции, которая добыта

и получена в результате ННН промысла. Здесь уже в арсенале авторов не только положения международных договоров, мнения иных ученых, но и международная судебная практика, прежде всего, практика ВТО.

Несмотря на важность совместных усилий, особая ответственность за предотвращение ННН промысла возложена на государства: государства флага должны осуществлять надлежащие правовые, административные и технические меры. На необходимость принятиях таких мер указывают названные выше Конвенция ООН 1982 г. и Соглашение 1995 г., а также Соглашение ФАО по обеспечению выполнения мер по международному сохранению и управлению рыболовными судами в открытом море 1993 г., Кодекс ответственного рыболовства 1995 г., Добровольные руководящие принципы ФАО в отношении действий государства флага, которые в соответствующей части работы рассмотрены наиболее подробно 2014 г. (с. 64-79).

Сотрудничество по борьбе с ННН промыслом на универсальном уровне осуществляется в самых разных форматах. Одним из наиболее эффективных новейших средств в предотвращении ННН промысла признан Глобальный реестр рыбопромысловых судов, цель и содержание которого детально рассмотрены в монографии и дополнены анализом зарубежного законодательства о регистрации морских судов (Австралия, Канада, Кипр, Новая Зеландия, Норвегия, США). Особую ценность исследования, помимо тщательного и взвешенного анализа документов, которые уже приняты или принятие которых планируется, всегда представляют авторские выводы. Поэтому перспективы Глобального реестра, определяемые авторами монографии, являются важной частью научной работы (с. 95-96).

У государств, которые входят в ФАО, должны быть национальные планы по предотвращению ННН промысла, которые предполагают осуществление ряда действий для достижения поставленной цели. Национальные планы государств, как представляется, должны иметь общие черты: в монографии указано на основные требования к таким планам (с. 97). Вместе с тем, логично предположить, что национальные планы могут иметь свои особенности. Более того, как пишут авторы, «их содержание существенно отличается друг от друга». В работе кратко проанализированы планы некоторых государств. Особый интерес представляет обращение к основным положениям российского Национального плана по предотвращению ННН промысла (с. 113-118), предложение о необходимости разработки и принятия которого впервые было выдвинуто одним из авторов рецензируемой монографии – профессором К.А. Бекашевым (с. 113). Серьезное внимание, которое авторы уделили сотрудничеству

Российской Федерации по борьбе с ННН промыслом на двусторонней основе (с. 119-140) и российскому законодательству по предотвращению ННН промысла (с. 142-148) позволяет утверждать, что вкупе с положениями российского Национального плана проведенное исследование вполне могло бы составить самостоятельную часть монографии.

Всесторонняя характеристика двух форм международного сотрудничества по борьбе с незаконным рыболовством – договорной и институциональной – определили содержание второй главы. В первой части проанализирована международно-правовая основа борьбы с ННН промыслом, созданная на универсальном и региональном уровнях: помимо названных ранее, были систематизированы положения Соглашения ФАО о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН промысла 2009 г., Конвенции о сохранении запасов далеко мигрирующих рыб и управлении ими в западной и центральной частях Тихого океана 2000 г., Конвенции о сохранении водных биологических ресурсов в открытом море южной части Тихого океана 2009 г., Конвенции по сохранению и управлению рыбными ресурсами в открытом море северной части Тихого океана 2011 г., Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря 2014 г.

Наличия договорных положений недостаточно для борьбы с незаконным промыслом, необходимы механизмы сотрудничества, которые способны контролировать выполнение установленных положений, служить площадкой для обмена мнениями государств и информацией о борьбе с ННН промыслом, более оперативно реагировать на проблемы, возникающие в сфере борьбы с незаконным рыболовством, в том числе путем принятия необходимых рекомендаций. Таким механизмом стали международные организации, которые решают разные задачи, о чем свидетельствует их отличающийся объем компетенции. Так, применительно к деятельности ООН по предотвращению ННН промысла, авторы монографии анализируют резолюции Генеральной Ассамблеи, доклады Генерального секретаря, деятельность Неофициального консультативного процесса, Обзорной конференции по контролю за выполнением Соглашения 1995 г. Среди правовых аспектов деятельности ФАО по предотвращению ННН промысла центральное место занимает Международный план действий 2001 г., который стал предметом пристального внимания авторов монографии. Ими была проделана большая работа в плане определения компетенции универсальных и региональных организаций (Международной морской организации, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Организации экономического сотрудничества

и развития, Арктического совета, Европейского союза) по борьбе с ННН промыслом. Наиболее информативным представляется параграф о региональных организациях по управлению рыболовством. Конечно, их статус и деятельность исследовались в науке, в том числе и авторами монографии. Ценность в данном случае заключается в том, что рассматривается новейшая деятельность этих организаций по борьбе с ННН промыслом, их последние инициативы по решению данной проблемы.

Одну из главных угроз рациональному использованию морских биологических ресурсов представляют суда под «удобными» флагами, признаки которых названы в первом параграфе третьей главы. К причинам появления таких судов относится и упрощенный порядок их регистрации. Иллюстрацией послужило законодательство государств открытой регистрации, к которому обратились авторы монографии (с. 301-308). Важно, что не только обозначена проблема, но и предложены пути ее решения, поскольку отдельное внимание уделяется рекомендациям по регламентации деятельности судов под «удобными» флагами.

В качестве эффективного средства предотвращения ННН промысла в работе рассматривается контроль судов в портах. Наличие международных соглашений, в которых определяются меры контроля промысловых судов в портах, международных договоренностей о контроле рыболовных судов в портах (Кодекс ответственного рыболовства, Международный план действий ФАО по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН промысла 2001 г., Модельная схема ФАО по мерам государства порта относительно борьбы с ННН промыслом 2004 г.), наконец, рекомендаций региональных организаций по управлению рыболовством о контроле рыболовных судов в портах объясняет необходимость изучения и оценки эффективности этих мер в доктрине международного права как для совершенствования международно-правового регулирования, так и для развития национального законодательства (с. 354-355).

Полномасштабное исследование проблемы ННН промысла, внимательный анализ международных договоров, актов международных организаций, национального опыта государств привели авторов к логическому завершению, а именно – формулированию рекомендаций по повышению эффективности международно-правовой системы по борьбе с ННН промыслом (с. 356-363).

Конечно, для научного издания важно, чтобы его авторы были не просто знакомы с проблемой, но очень хорошо знали предмет исследования, применяли положения общей теории международного права, всесторонне анализировали правовые и организационные формы сотрудничества в рассматриваемой области (и анализ при этом должен быть максимально

репрезентативным), могли оценить сильные и слабые стороны такого сотрудничества для того чтобы сформулировать рекомендации относительно правовых мер, необходимых для дальнейшего решения проблемы, которая приобрела глобальный характер. Думается, в этом смысле монография «Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством» состоялась.

**Combating Illegal Fishing: the Search for
Effective Forms of International Cooperation.
Review of the Book «The International Legal Issues
of Combating Illegal Fishing» by D.K. Bekyashev and
K.A. Bekyashev (Moscow. Prospect, 2016. – 480 p.)
(Summary)**

Natalia A. Sokolova*

The review evaluated the relevance and timeliness of publication of the book given the importance of the combating illegal fishing. Marked uniqueness, which lies in the latitude of the analysis of different objects of study.

It is emphasized that the book addresses the most pressing problems of combating illegal fishing of marine living resources in the Global Ocean. According to the reviewer, the consideration of the international treaties containing standards on combating illegal fishing and acts of a recommendatory nature is of great importance, as well as the activities of international organizations.

According to the results it is concluded that the book is a complete and accomplished scientific work of importance to Russian science of international law.

Keywords: illegal fishing; international law; international cooperation.

---

* Natalia A. Sokolova – Doctor of Laws, Professor of the Chair of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). sokolovan@yandex.ru.

Ценный вклад в теоретические аспекты института ответственности международных организаций.

Рецензия на монографию А.С. Гуласаряна
«Международно-правовая имплементация норм об
ответственности международных организаций»
(М.: Статут, 2015. – 224 с.)

Бекашев Д.К.*

В рецензии оценивается актуальность и новизна исследования, структура и содержание представленной монографии. Особое внимание уделено подробному анализу всех четырех глав книги, в частности, представлены выводы автора по каждому из параграфов. По итогам рецензирования делается вывод о значении монографии А.С. Гуласаряна с теоретической и практической точек зрения и возможной роли в отечественной науке международного права.

Ключевые слова: международное право; имплементация норм; ответственность международных организаций; монография; рецензия.

Рецензируемая монография кандидата юридических наук А.С. Гуласаряна «Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций» написана на интересную и актуальную тему, которая имеет важное теоретическое и практическое значение.

В современных условиях увеличивается роль и влияние международных организаций на решение разного рода международных проблем. Они вовлечены в урегулирование международных конфликтов и кризисных ситуаций, активно участвуют в международном экономическом, финансовом и технологическом сотрудничестве, в решении экономических, гуманитарных, культурных и социальных проблем. Одним словом, сегодня себе трудно вообразить сферу международных отношений, в которой бы в той или иной степени не были представлены международные организации.

При этом нельзя исключать того, что в ходе осуществления своей деятельности международные организации, как и иные субъекты международного права, могут совершать международные правонарушения. Объективная возможность существования условий для наступления

---

* Бекашев Дамир Камильевич – к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России. Ilc48@mail.ru.

международной ответственности международных организаций побудила международное сообщество и юридическую общественность подготовить предложения по кодификации и прогрессивному развитию международно-правовых норм об ответственности международных организаций.

В 2011 году Генеральная Ассамблея ООН одобрила Проект статей об ответственности международных организаций, подготовленный Комиссией международного права ООН. Данный проект рассматривался также специально созданной исследовательской группой Ассоциации международного права, которая в 2011 году подготовила доклад, в котором были представлены комментарии Комиссии международного права по тексту проекта статей.

Следовательно, проблемы международно-правовой ответственности международных организаций относятся к разряду наиболее актуальных в современном международном праве, и, безусловно, их научное исследование является своевременным и необходимым как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Структурно монография А.С. Гуласаряна построена логично. От концептуально-правовых основ имплементации норм об ответственности международных организаций автор переходит к рассмотрению основных способов имплементации: призвания международных организаций к ответственности, применения контрмер, а также к анализу роли международных судебных и арбитражных органов и учреждений в имплементации норм об ответственности международных организаций.

Монография состоит из введения, четырех глав, объединяющих 11 параграфов, библиографического списка, а также приложений.

Глава I. «Концептуально-правовые основы имплементации норм об ответственности международных организаций» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Вопросы кодификации и прогрессивного развития института ответственности международных организаций» автор анализирует деятельность Комиссии международного права ООН в области кодификации норм об ответственности международных организаций, дает общую характеристику Проекта статей об ответственности международных организаций, подчеркивая значимость работы Комиссии международного права ООН по этой теме, подтверждающей реальную востребованность международных организаций на практике.

Во втором параграфе «Понятие и способы обеспечения имплементации норм об ответственности международных организаций в международном праве» раскрываются понятие и значение имплементации норм об ответственности международных организаций, а также обозначаются

способы обеспечения имплементации. Значительное внимание уделяется обоснованию актуальности и важности механизмов мирного разрешения международных споров с участием международных организаций.

Третий параграф «Субъекты обеспечения имплементации норм об ответственности международных организаций» посвящен исследованию конкретных примеров, охватывающих различные сферы деятельности международных организаций, включая поддержание международного мира и безопасности, международное управление территориями, борьбу с международным терроризмом, обеспечение реализации проектов региональной интеграции в рамках ЕС и ЕврАзЭС (ЕАЭС), трудовые отношения в рамках международных организаций. Иллюстративный материал дает основание полагать, что физические и юридические лица играют существенную роль в имплементации норм об ответственности международных организаций через призвание последних к ответственности.

Глава вторая «Призвание к ответственности как способ обеспечения международно-правовой имплементации норм об ответственности международных организаций» посвящена исследованию одного из способов обеспечения имплементации международной ответственности международной организаций и состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Общие положения» автором сформулировано определение понятия потерпевшего субъекта; выявлены две группы обязательств, нарушение которых дает основание признавать субъекта потерпевшим: обязательства, которые действуют в отношении субъекта «в отдельности» и коллективные обязательства, действующие в отношении группы субъектов либо международного сообщества в целом.

Коллективные обязательства предполагают существование двух ситуаций: когда обязательство действует в отношении группы, но один или более субъектов этой группы «особо затрагивается» нарушенным обязательством и когда обязательство имеет характер «неотъемлемого» или «взаимозависимого», что предполагает изменение положения всех участников «радикальным образом» при нарушении такого обязательства.

Автором поддерживается позиция, признающая возможность призвания международных организаций к ответственности за субъектами, не являющимися непосредственно пострадавшими, в случае нарушения коллективных обязательств, действующих в рамках группы субъектов или международного сообщества в целом. Такие субъекты называются заинтересованными.

Во втором параграфе «Процессуальные условия призвания к ответственности» детально освещаются условия, подлежащие соблюдению пострадавшими субъектами для обеспечения реализации их требований

к ответственной международной организации, вытекающие из правоотношений ответственности: условия по уведомлению о требовании, о допустимости требований и об утрате права призывать к ответственности.

Существенное внимание уделяется анализу условий о государственной принадлежности требований и об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Применительно к государственной принадлежности требований речь идет об институте дипломатической защиты, который может, по мнению автора, применяться по отношению к международной организации.

Автор считает, что условие о необходимости исчерпания внутренних средств правовой защиты также применимо в отношении требований к международной организации, за исключением случаев функциональной защиты.

Третий параграф «Множественность потерпевших и ответственных субъектов» содержит описание ситуаций, при которых два или более субъекта могут признаваться потерпевшими либо ответственными. Отмечается, что ответственность в случаях множественности ответственных субъектов носит солидарный характер, за исключением случаев, когда признается субсидиарный характер ответственности.

Глава третья «Контрмеры как способ международно-правовой имплементации норм об ответственности международных организаций» состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Общие положения» посвящен исследованию правовой природы контрмер, соотношению понятий «контрмеры» и «санкции» в качестве принудительных способов обеспечения имплементации норм об ответственности в международном праве. Исследуются материальные условия, обеспечивающие правомерность контрмер.

Во втором параграфе «Процессуальные условия принятия контрмер» излагаются процессуальные условия, которые наряду с материальными условиями, призваны обеспечивать правомерность принятия контрмер.

Выделяются основные и дополнительные условия, подлежащие соблюдению членами международной организации при принятии контрмер.

Третий параграф «Обязательства, не затрагиваемые контрмерами» содержит рассмотрение международно-правовых обязательств, которые не могут выступать в качестве объекта принятия контрмер, обосновывается применимость императивных норм общего международного права к международным организациям.

Глава четвертая «Роль международных судебных (арбитражных) органов и учреждений в имплементации норм об ответственности международных организаций» посвящена специальному рассмотрению

деятельности таких универсальных судебных (арбитражных) органов и учреждений, как Международный суд ООН и Постоянная палата третейского суда, которые призваны играть наиболее значимую роль в обеспечении имплементации норм об ответственности международных организаций. Глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Имплементация норм об ответственности международных организаций Международным судом ООН» раскрывается значение консультативных заключений и решений Международного суда для целей имплементации норм об ответственности международных организаций. В частности, анализируются консультативные заключения Международного суда ООН в отношении Комитета по безопасности на море Межправительственной морской консультативной организации 1960 года, а также в отношении определенных расходов ООН 1962 года. Указываются на проблемы, связанные с использованием консультативной процедуры в рамках Международного суда ООН.

Во втором параграфе «Имплементация норм об ответственности международных организаций Постоянной палатой третейского суда» уделяется внимание анализу факультативных правил арбитражного рассмотрения между международными организациями и государствами, и между международными организациями и частными лицами, принятых в 1996 году и консолидированных в Арбитражном регламенте Постоянной палаты в 2012 году.

Достоверность выводов и практических рекомендаций подтверждается в монографии четко выстроенной научной аргументацией.

Книга А.С. Гуласаряна – бесспорно оригинальное исследование. Она вносит важный вклад в российскую науку международного права. В своей работе автор показал себя зрелым научным работником, умеющим грамотно ставить и решать серьезные научные проблемы.

В работе содержится подробный и обстоятельный обзор текущего положения дел: результатов исследований предшественников по рассматриваемой проблеме и критический анализ существующих научных концепций по вопросам исследования.

Помимо этого, стоит отметить грамотно построенный библиографический список и широкое использование автором большого количества доктринальных источников, как на русском, так и на иностранных языках, причем некоторые из последних были впервые введены в отечественный научный оборот. Книга имеет приложение с текстами документов, что, вне всякого сомнения, полезно и удобно для практического использования.

Монография А.С. Гуласаряна обладает существенной практической значимостью. Основные положения и выводы могут быть использованы практическими работниками в области внешних сношений в ходе решения практических вопросов ответственности международных организаций, при обсуждении проектов международно-правовых документов, касающихся ответственности международных организаций, в научно-исследовательской деятельности, а также в учебном процессе при преподавании целого ряда дисциплин международно-правового направления.

В заключении хочется пожелать автору не останавливаться на достигнутом и продолжать начатое научное исследование, что, вне всякого сомнения, будет полезным для отечественной науки международного права.

**A Valuable Contribution to the Theoretical
Aspects of the Institute of International
Organizations' Responsibility.
Review of the Book "International Legal Norms
on Implementation of International Organizations'
Responsibility" by A.S. Gulasaryan
(Moscow. Statute, 2015. – 224 p.)
(Summary)**

Damir K. Bekyashev*

The relevance and novelty of the research, the structure and content of the book is estimated in the review. Particular attention is paid to a detailed analysis of the four chapters of the book; in particular, the author's conclusions are presented for each of the paragraphs. The conclusion about the meaning of the book from theoretical and practical points of view and possible role in Russian science of international law is made.

Keywords: international law; implementation of norms; responsibility of international organizations; book; review.

---

* Damir K. Bekyashev – Ph.D in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of International Law, MGIMO MFA Russia. dambek@yandex.ru.